

**ТРАДИЦИОННАЯ
КУЛЬТУРА РУССКИХ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
XIX–XX веков**

vk.com/ethnograph

ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ОМСКИЙ ФИЛИАЛ ОБЪЕДИНЕННОГО ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
СИБИРСКИЙ ФИЛИАЛ РОССИЙСКОГО
ИНСТИТУТА КУЛЬТУРОЛОГИИ

**ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА РУССКИХ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XIX–XX ВВ.**

(Очерки истории и быта)

Омск
2003

**ББК 63.3(2P5)-7
Т 65**

Традиционная культура русских Западной Сибири XIX–XX вв.
Очерки истории и быта. – Омск: ООО Издательский дом "Наука", 2003. – 243 с.

ISBN 5-98236-019-8

Ответственные редакторы: М.Л. Бережнова, Д.А. Алисов.

Рецензент: ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН доктор исторических наук В.А. Липинская.

Редакционная коллегия: кандидат исторических наук М.Л. Бережнова (отв. ред.), кандидат исторических наук Д.А. Алисов (отв. ред.), доктор исторических наук В.П. Корзун, кандидат исторических наук С.Н. Корусенко, кандидат исторических наук Т.Б. Смирнова, доктор исторических наук Н.А. Томилов.

Утверждено к печати Омским филиалом Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН.

В коллективной монографии рассматриваются различные аспекты культуры и быта русских сибиряков, как крестьян, так и горожан. Отдельный раздел книги составляют очерки, посвященные истории изучения культуры и обычаев русских сибиряков отечественными исследователями. Ряд очерков книги подготовлен при использовании этнографических материалов, собранных экспедициями Омского государственного университета, которые были организованы в рамках выполнения исследовательского проекта "Этнография и устная история". В авторский коллектив монографии вошли историки, этнографы и фольклористы Омска, Новосибирска и Тары, что показывает широкие научные связи кафедры этнографии и музееведения ОмГУ, а также близость научных интересов двух кафедр: кафедры этнографии и музееведения и кафедры современной отечественной истории ОмГУ, участников проекта развития высшего образования в России Института "Открытое общество", сотрудники которых стали авторами разделов книги.

Книга рассчитана на историков, культурологов, музееведов, фольклористов, этнографов, а также на краеведов и всех тех, кто интересуется историей и культурой народов России.

Работа подготовлена и опубликована при поддержке Института "Открытое общество (Фонд Сороса). Россия", грант НВА 026.

ISBN 5-98236-019-8

- © Омский государственный университет, 2003
- © Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук, 2003
- © Сибирский филиал Российского института культурологии, 2003

vk.com/ethnograph

Эту книгу авторы посвящают памяти выдающегося отечественного ученого Дмитрия Константиновича Зеленина, вклад которого в изучение этнографии и фольклористики русских поистине неоценим.

Предисловие

В настоящее время наблюдается определенный дефицит исторических исследований, характеризующих взаимодействия различных субкультур в процессе становления современной цивилизации. Нет четких представлений о субъектах, вызывающих процессы модернизации культуры регионов, в том числе и Сибири. Поэтому представляет особый интерес проблема взаимодействия сельской традиционной и городской урбанизированной субкультур различных типов поселений.

Культура села – это социально-унаследованный комплекс практики и верований, определяющий основы жизнедеятельности сельской общины (общества). Сельская культура отличается от городской не только и не столько по количественным параметрам основных ее составляющих и структуре, сколько по технико-организационным, пространственно-временным и функциональным характеристикам. Следует отметить, что сельская традиционная культура, в отличие от городской, ориентированной преимущественно на создание искусственной среды обитания, всегда была ориентирована на природу (в широком смысле этого слова) и стремилась гармонизировать свои отношения с ней. Этим определяются ее несомненные преимущества над городской в решении некоторых проблем. В качестве примера можно привести ее более высокую экологическую чистоту среды обитания, большую соразмерность антропоморфным характеристикам человека. Поэтому на протяжении последнего столетия в истории научной мысли неоднократно возникал соблазн использовать эти преимущества при социальном проектировании городской, то есть искусственной или надприродной, среды обитания. Однако "естественные" процессы индустриализации и урбанизации разрушали подобные попытки.

Процесс воздействия сельской традиционной культуры на культуру города как путем миграции сельских жителей, так и иными способами изучен значительно меньше, чем воздействие города на село.

При изучении процесса взаимодействия городской и сельской культуры всегда необходимо помнить, что не только город пришел в деревню, но и деревня "пришла" в город. Современная наука не в состоянии раскрыть в полном объеме все составляющие обозначенных процессов. Поэтому коллектив авторов пошел по пути подготовки монографического исследования в виде отдельных очерков, целью которых была попытка сопоставить культурные процессы как традиционного, так и инновационного характера на примерах исследования материальной и духовной культуры русских сибиряков на историческом материале. Этим и определяется структура книги.

Первый раздел состоит из трех очерков. В первом из них авторы (Д.А. Алисов, М.А. Жигунова, Н.А. Томилов) дали общую картину изученности традиционной культуры русских сибиряков. Авторы в своем очерке сделали основной упор на анализ современной, недостаточно известной, прежде всего в силу малотиражности, литературы, большая часть которой вышла в сибирском регионе. Вторым очерком, автором которого является О.Н. Шелегина, посвящен анализ монографии французского ученого Ф. Кокена "Сибирь. Население и миграции крестьян в XIX веке", изданной в Париже в 1969 г. Данный очерк, не претендуя на обобщающий характер, тем не менее показывает некоторые тенденции в изучении Сибири и ее культуры в европейской историографии. В третьем очерке (автор – М.Л. Бережнова) на примере изучения этнографии русских Омского Прииртышья решается вопрос о месте краеведческих исследований в общенаучном процессе.

Во второй раздел вошли очерки сибирских этнографов и фольклористов, посвященные традиционной культуре русских сибиряков. Логика расположения сюжетов этого раздела такова: появление русских в Сибири, освоение этой земли всегда требовали от ее новых жителей осмысления собственных поступков, их мотивировки. Как справедливо отмечает в своей работе А.Ю. Майничева, в рассказах о переселении, равно как и в исторических преданиях и легендах, посвященных этому сюжету, нет широких исторических обобщений, много исторических неточностей, но ясно выражены мотивы, по которым русские сибиряки считают Сибирь своей родиной. Таким образом, начало очерка посвящено теме заселения и освоения Сибири русскими, причем этот сюжет раскрыт с точки зрения этнографа и фольклориста (очерки А.Ю. Майничевой и И.К. Феоктистовой).

Адаптация к новым условиям существования обычно ярко проявляется в явлениях материальной культуры. Этот вывод, достаточно тра-

диционный для отечественной этнографии, по-новому осмысливается в представленных в разделе очерках. А.Ю. Майничева и А.А. Люцидарская на примере строительного дела показывают, что традиции материальной культуры не существуют вне "общего жизненного круговорота", тесно связаны с духовным миром человека, отражаются в верованиях и обрядах. Возможно и другое осмысление явлений материальной культуры, когда выявляется присущая им функция этнических маркеров (очерк М.Л. Бережной об одежде русских сибиряков).

Изучение фольклора русских сибиряков дополняет картину русской сибирской жизни. Очерк Н.К. Козловой, посвященный только одному фольклорному сюжету, убедительно доказывает общерусскую основу сибирской культуры прежде всего сведениями о том, насколько широко распространены аналогичные сюжеты в культуре русских Европейской России. Четко обозначено в этом очерке и сплетение в русском сибирском фольклоре сюжетов, характерных для восточных славян в целом.

Завершает раздел анализ современного состояния традиционных календарных обрядов у русских Среднего Прииртышья, предпринятый этнографами Т.Н. Золотовой и М.А. Жигуновой. Выделяя традиционную основу современной праздничной обрядности, авторы вычленили новые элементы, характерные для современных праздников русских сибиряков. Анализ соотношения традиционных и инновационных элементов показывает, что изменения в различных сферах современной календарной обрядности протекают с разной динамикой.

Обращает на себя внимание источниковая база "этнографического" раздела. В основу большинства сюжетов положены полевые материалы авторов, собранные в Новосибирской, Омской, Тюменской обл., ряде районов Северного Казахстана. Большинство этих материалов впервые вводятся в научный оборот. Традиционным для этнографов является и анализ этнографических коллекций, в частности, в отдельных сюжетах для анализа использованы материалы музеев Западной Сибири, в том числе и старейшего в Сибири Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Успешным представляется опыт использования в качестве источника по современным этнокультурным процессам местной прессы. Ряд экспедиций, в ходе которых были собраны использованные авторами материалы, был проведен в рамках исследовательского проекта "Этнография и устная история". Этот проект является составной частью работ кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университе-

та по выполнению гранта Института "Открытое общество" (Фонд Сороса). Россия".

Третий раздел монографии посвящен проблемам формирования урбанистической культуры нового типа в русских городах Западной Сибири в условиях роста и развития городов и индустриализации. Открывает раздел очерк Д.А. Алисова о культуре губернского города Тобольска, который сыграл выдающуюся роль в освоении огромных пространств Сибири и формировании сибирского варианта русской культуры. Эволюция традиционной городской культуры в новых исторических условиях является основным предметом исследования данного очерка. Продолжает тему другой очерк Д.А. Алисова, в котором раскрываются основные этапы формирования новых урбанистических элементов культуры и их инновационное воздействие на городскую среду одного из крупнейших городов Сибири – Омска.

Третий очерк раздела (автор – А.А. Жиров) посвящен роли провинциального купечества в формировании социально-культурного пространства города и его влиянию на инновационные процессы. Тарское купечество не только определило своеобразие культурного облика города Тары, но и внесло заметный вклад в формирование общесибирской культуры русских.

Предисловие и заключение написаны Д.А. Алисовым, М.Л. Бережновой и Н.А. Томиловым. Авторский коллектив надеется, что наше исследование будет полезно не только историкам, этнографам, но и широким слоям культурной общественности.

Раздел I

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Очерк 1. Некоторые проблемы и перспективы изучения русской культуры в Западной Сибири

Известно, что основным признаком всякого этноса является своеобразие культуры. Между тем в современном мире унификация культуры приобретает всеобщие размеры. Закономерный процесс трансформации культуры на уровне урбанизирующегося общества сопровождается утратами многих традиционных культурных ценностей как в материальной, так и духовной сферах. В отдельных регионах возникает опасность прерывания культурной традиции, что вызывает острую необходимость самого пристального внимания и детального изучения народной культуры в целом, и русской народной культуры – в частности.

Уже более 400 лет русские живут в Сибири постоянно, и, несомненно, их культура приобрела некоторые особые, присущие только русским сибирякам специфические черты. На протяжении последних двух столетий существовали самые разные подходы к освещению этой темы. Исследователей Сибири XVIII в. (С.П. Крашенинников, П.С. Паллас, И.Г. Георги и др.) интересовали в первую очередь экзотические обычаи аборигенного населения, поэтому их описания культуры русских носят краткий и часто поверхностный характер.

Подлинный интерес к культуре сибиряков проявили представители сибирской интеллигенции – П.А. Словцов в Западной, Е.А. Авдеева – в Восточной Сибири. В их трудах впервые была поставлена проблема общего и особенного в культурном развитии Европейской России и Сибири. Этот вопрос приобрел особую остроту в результате деятельности сибирских областников, и прежде всего тех из них, кто интересовался культурой и бытом русских сибиряков, – А.П. Шапова и С.С. Шашкова. В своих трудах они стремились доказать обособленность сибиряков от европейской культуры, наличие особого этнографического типа крестьянина-сибиряка со своей специфической культурой. Против такой точки зрения резко выступал А.А. Макаренко и ряд других исследователей, считавших культуру сибиряков неотъемлемой частью общерусской культуры¹.

Подводя итоги изучения русских Сибири до 1917 г., в целом можно сказать, что дореволюционными исследователями был собран большой фактический материал. Во многих работах доминировал так называемый "краеведческий" характер, когда исследователи описывали все ими наблюдаемое, часто без отбора материала по какой бы то ни было программе. В публикациях указанного времени по этнографии русских Сибири можно встретить и мемуары, и путевые заметки, и фольклорные записи, и материалы к словарям русских сибирских говоров. Чем экзотичнее был уклад жизни русских сибиряков, тем больше внимания он к себе привлекал².

Уже на этом, начальном, этапе изучения русских сибиряков стало очевидно, что дать сколько-нибудь цельную картину их быта и культуры сложно по целому ряду объективных причин. Во-первых, ни один исследователь ни в то время, ни позже не занимался изучением русских всей Сибири. Каждый ученый, причастный к этнографии русских сибиряков, имел относительно небольшой регион исследования. Во-вторых, число русских жителей Сибири было велико, а их происхождение различно, что вело или к обобщенному описанию населения изучаемых территорий, или к фиксации только особенностей каких-либо групп русского населения.

Если учесть, что этнография в России стала развиваться относительно поздно, то не кажется удивительным тот факт, что в начале XX в. сибирские этнографы, занимавшиеся русскими, еще не были готовы к обобщению и глубокому анализу собранных материалов.

В этнографической науке с 1917 г. до середины XX в. изучению русских уделялось также мало внимания. Исследователей в это время интересовали проблемы коренного населения Сибири в связи с задачами социалистического преобразования их культуры и быта. Ситуация изменилась лишь в середине XX в. В 1956 г. вышел капитальный обобщающий труд по этнографии народов Сибири, где был раздел, посвященный русскому населению. Один из авторов раздела Л.П. Потапов писал: "Историкам, этнографам, литературоведам и представителям других специальностей предстоит изучать огромный фактический материал по культуре русского народа в Сибири, по существу, еще никем не исследованный..."³.

Начиная с этого времени активизируется работа по изучению русских сибиряков, но, как и прежде, сосредотачивается она в определенных регионах. На этом этапе большой интерес этнографы проявили к русскому населению Восточной и Южной Сибири, в том числе в местах компактного проживания старообрядцев. В это время активное изучение материальной культуры русских сибиряков развернули со-

трудники Института этнографии АН СССР И.В. Власова, А.А. Лебедева, В.А. Липинская, Г.С. Маслова, Л.М. Сабурова, А.В. Сафьянова и другие под руководством профессора В.А. Александрова⁴. До сегодняшнего дня публикуют материалы по этнографии русских сибиряков И.В. Власова, В.А. Липинская и др.

В 1960-х гг. развивалось изучение культуры русских и исследователями-сибиряками. Центром по координации исследования русского населения Сибири стал Новосибирский академгородок, где плодотворно трудились и трудятся ученые Института археологии и этнографии СО РАН и Новосибирского государственного университета Ф.Ф. Болонев, М.М. Громыко, Г.В. Любимова, А.А. Люцидарская, А.Ю. Майничева, Н.А. Миненко, Л.М. Русакова, Е.Ф. Фурсова, О.Н. Шелегина и другие, о чем мы писали уже раньше⁵. Изучением культуры русских Приобья занимается томская исследовательница П.Е. Бардина, а культурой Притомья – Л.А. Скрыбина (Кемерово)⁶. О.М. Рындиной (Томск) опубликована монография, посвященная орнаменту народов Западной Сибири. В эту книгу включен раздел по орнаменту русских сибиряков⁷. В 1970-х гг., еще в томский период своей научной деятельности, несколько работ по материальной культуре русских Притомья опубликовал Н.А. Томилов⁸. В последние годы начинает складываться этнографический центр в Тюмени. А.П. Зенько и С.В. Туровым опубликованы первые работы по русским Тюменской области, прежде всего ее северных районов⁹. На Дальнем Востоке большую работу по этнографии восточных славян проводит Ю.В. Аргудяева со своими коллегами¹⁰.

В Омске сложилась группа ученых по изучению и возрождению русской культуры, в которую входят сотрудники сектора этнографии Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, кафедры этнографии и музееведения, а также ряда кафедр факультета культуры и искусств Омского государственного университета, сектора национальных культур Сибирского филиала Российского института культурологии, кафедры художественного моделирования Омского государственного института сервиса. Большой вклад в изучение духовной культуры русских внесен омскими фольклористами – сотрудниками Омского государственного педагогического университета. В названных учреждениях работают Е.А. Аркин, М.Л. Бережнова, В.Б. Богомолов, Т.Н. Золотова, Н.К. Козлова, Т.Г. Леонова, В.А. Москвина, Л.В. Новоселова, Т.Н. Паренчук, М.А. Жигунова, Н.А. Томилов, И.К. Феоктистова и др. Сохраняют научные связи с Омском выходцы из омской группы этнографов, специалисты по этнографии восточных славян, живущие ныне в других городах России, Д.К. Коровушкин и В.В. Реммлер.

К концу XX в. стал очевидным прогресс в изучении русских Западной Сибири. Этнографы и фольклористы Западной Сибири ведут активную работу по сбору этнографических материалов среди русского населения Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской обл., Алтайского края, Северного Казахстана (эти последние работы пришлось по большей части свернуть с начала 1990-х гг.)

Другим направлением формирования источниковой базы является каталогизация музейных собраний по культуре и хозяйству русских сибиряков. В настоящее время закончено научное описание и опубликованы каталоги по ряду этнографических коллекций краеведческих музеев Новосибирска, Омска и Тюмени, а также Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета¹¹.

Тематика исследований русской сибирской культуры очень широка. В последние годы этнографы без каких-либо предварительных договоренностей изучают среди разных этнотерриториальных групп русских сибиряков одни и те же вопросы¹². Это, на наш взгляд, является тем "мостиком", который позволит скоординировать усилия исследователей для подготовки обобщающего труда по русской этнографии Сибири. Необходимость совместной работы давно ощущается всеми исследователями. Уже были выдвинуты предложения подготовить многотомную серию "Русские Западной Сибири", монографию "Этническая история русских Сибири", издавать журнал "Сибирская этнография" или возобновить издание журнала "Сибирская живая старина"¹³.

Омские этнографы располагают не только большой источниковой базой, но и целым рядом разработок, которые можно использовать в будущем для создания совместно с учеными других научных центров обобщающих работ по этнографии русских Западной Сибири. Если рассматривать только те работы, которые связаны с изучением культуры, то следует прежде всего указать на завершённые исследования традиционных календарных праздников русских Тоболо-Иртышского региона¹⁴, тканей домашнего производства и одежды из нее¹⁵, этнокультурных процессов у русских Среднего Прииртышья¹⁶. Имеются у омских этнографов также собранные и обработанные материалы по семейной обрядности¹⁷, народным верованиям¹⁸, хозяйству и пище¹⁹, декоративно-прикладному искусству²⁰, ряду более узких тем, таких как, например, народная медицина, в том числе ветеринария, традиционные рукопашные состязания и боевые единоборства²¹ и др.

Тесное сотрудничество омских этнографов и фольклористов, во многом схожие подходы к сбору материала и его обработки делают возможным использование при создании обобщающих трудов разработок омских фольклористов по целому ряду тем, включая исследова-

ния песенного и сказочного фольклора русских сибиряков, быличек, заговоров, исторических преданий²².

Особый опыт имеют омские этнографы в изучении сибирских казаков. Известно, что подавляющее большинство работ советских ученых было посвящено в первую очередь крестьянству и рабочему классу Сибири. О казачестве писали немного, и это не удивительно, так как, согласно Циркуляру ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г., фактически все казачество провозглашалось врагом советской власти. Только более чем через 70 лет, в апреле 1991 г., был принят Закон Российской Федерации "О реабилитации репрессированных народов", где впервые, наряду с другими, упоминается "исторически сложившаяся культурная общность людей" – казачество.

Изменилась и ситуация с освещением данной темы в средствах массовой информации и научной литературе: от почти полного отсутствия объективных научных исследований по истории и культуре казачества России до своеобразного бума различных публикаций. Между тем первая этнографическая экспедиция Омского государственного университета к потомкам сибирских казаков состоялась 16 лет назад (1982 г.) в Ленинский район Кустанайской обл. под руководством Г.И. Успеньева. В результате работ 1980-х гг. были обследованы 4 района Северо-Казахстанской обл., Марьяновский, Тарский и Черлакский районы Омской обл., а в начале 1990-х гг. – северные районы Павлодарской обл. Итогом проведенных исследований послужила собранная коллекция предметов культуры и быта сибирских казаков, материалы по хозяйству, жилищу, одежде, пище, календарным и семейным обрядам, народным верованиям, фольклору.

Изучением этнической культуры сибирского казачества успешно занимался В.В. Реммер, сделавший подробную структурно-функциональную характеристику свадебной обрядности и описавший традиционные рукопашные состязания и единоборства казаков. Календарные праздники и обряды сибирских казаков рассмотрела в своей кандидатской диссертации Т.Н. Золотова. Изучением особенностей традиционной бытовой культуры, обрядности и фольклора казаков занимается М.А. Жигунова. Отдельные моменты по истории и этнографии сибирского казачества освещаются в работах Е.Я. Аркина, М.Л. Бережновой, А.Д. Колесникова, Г.И. Успеньева и других омских ученых²³.

Возвращение былого статуса казачеству на официальном уровне привели к возрастающему интересу различных слоев общества к истории и культуре казаков. Немало делается для возрождения казачьих традиций в Омске и области. Конкретным шагом в плане интеграции

концептуальных разработок и конкретных практических предложений явился научно-исследовательский проект "Решение национально-культурных проблем Омской области", разработанный в 1994 г. научным коллективом под руководством Н.А. Томилова²⁴. В конце 1995 г. в редакции журнала "Земля Сибирская, Дальневосточная" состоялся круглый стол по проблемам казачества, а затем вышел номер этого журнала, целиком посвященный сибирским казакам. Омские этнографы приняли активное участие в подготовке этого издания²⁵.

Значимой стороной деятельности омских этнографов является проведение конференций, на которых обсуждаются результаты изучения этнографии русских сибиряков. За последние годы традиционной стала Всероссийская научная конференция "Русский вопрос: история и современность", в рамках которой постоянно действует секция, рассматривающая вопросы, связанные с этнокультурным потенциалом и культурно-бытовыми традициями русского народа²⁶. В рамках Всероссийской научно-практической конференции "Духовное возрождение России" (24–25 мая 1993 г.) работал научный семинар "Русские Сибири: история и современность"²⁷.

Российские ученые (этнографы, историки, культурологи) все больше внимания уделяют изучению формирования и развития русских городов Сибири.

За последние два десятилетия сибирское городоведение превратилось в крупное научное направление. Появилось значительное число работ, посвященных истории возникновения и развития на протяжении четырех веков многочисленных городов Западной Сибири²⁸. Историография отдельных городов Западной Сибири в последние десятилетия, и даже годы, также пополнилась целым рядом серьезных обобщающих работ²⁹. Историки начинают уделять все больше внимания изучению процесса формирования и развития городской культуры³⁰.

Однако следует отметить, что наибольшее внимание историки и краеведы уделяли и по-прежнему уделяют первым векам освоения русскими Сибири (концу XVI – первой половине XIX вв.), в то время как культура городов Западной Сибири второй половины XIX–XX вв. изучена ими заметно слабее. Разрозненные данные по отдельным аспектам проблемы не дают целостного представления о процессе формирования и развития социально-культурного облика большинства сибирских городов.

Особенно отстает отечественная историография с исследованием повседневной жизни и среды обитания человека. Эти вопросы в той или иной степени были затронуты только в немногих работах³¹. В то

же время в зарубежной историографии проблемам повседневности в последние десятилетия уделяется весьма большое внимание³².

Подобно тому, как в ходе хозяйственного и культурного освоения Сибири в советскую эпоху происходил перекокс в сторону технократических подходов и имела место недооценка социально-культурных аспектов процесса урбанизации, в советской науке обозначилось явное отставание в изучении этих процессов³³.

Следует отметить, что в большинстве работ по истории городов Сибири, впрочем, как и в большинстве работ по урбанистике, города рассматривались до недавнего времени прежде всего как социально-экономические образования. В результате этого мы имеем работы, исследующие экономические, географические и демографические аспекты истории формирования и развития городов в Сибири, и почти полное отсутствие работ, посвященных истории города как социально-культурного феномена.

Однако подобная постановка темы не является новой в отечественной исторической науке. На рубеже XIX и XX вв. в России сложилась оригинальная научная школа гуманитарного исторического градovedения, которая рассматривала городские поселения не только и не столько как центры экономической и политической жизни, но, прежде всего, как особый культурный феномен. Наиболее крупными представителями этого научного направления были И.М. Гревс и Н.П. Анциферов. К сожалению, по известным причинам эти достижения отечественной историографии временно были утрачены.

Одним из серьезных препятствий на пути изучения культуры городов Сибири является укоренившееся с прошлого века разрозненное изучение истории отдельных форм культуры, что в области изучения городской культуры привело к тому, что результатом подобных исследований явилось издание многотомных историй Москвы и Ленинграда, которые в конечном итоге оказались простыми суммами никак друг с другом не связанных очерков о разных сторонах жизни города³⁴.

Сложный синтетический характер изучаемого объекта (культура города) не поддается достаточно полному описанию и исследованию с позиций какой-либо отдельно взятой науки, теории или концепции. Поэтому его изучение требует выработки комплексного междисциплинарного подхода. Целостной теории данного уровня в настоящее время пока еще не существует. В связи с этим современная наука преодолевает отмеченные трудности путем самостоятельного анализа различных подсистем объекта с использованием уже отработанных моделей по отношению к этим подобъектам.

Поскольку сегодня городское население стало существенно преобладающим как в России, так и в ее сибирском регионе, то проблемы его этничности³⁵ и этнографического изучения должны, на наш взгляд, стать основными в отечественной этнографии.

Актуальность изучения этнографии города в Сибири связана, кроме того, с тем, что традиционная бытовая культура городского населения многих регионов по-прежнему не становится основным объектом этнографического исследования. А это заметно уменьшает возможности науки в рассмотрении в целом традиционно-бытовой культуры не только русских, но и большинства народов России, а также этнокультурных процессов. В результате даже проблемы этнической истории часто решаются на уровне изучения истории сельского населения, не говоря уже о генезисе и динамике народной культуры.

Изучение культуры горожан в отечественной этнографической науке развернулось в 1950-е гг.³⁶ Наиболее постоянно и целенаправленно город и городское население в отечественной этнографии стали объектом исследования со второй половины 1960-х гг. Именно тогда наиболее четко были сформулированы отдельные проблемы этнографии российских городов, прежде всего проблемы этнодемографии, городской культуры и быта, хозяйства горожан, этнических процессов на современном этапе, а также проблемы источников и методов изучения этнографии горожан.

Тогда же в исследовании народной городской культуры была сформулирована важная в научном плане задача выявления общезнаковой и собственно городской специфики культуры и быта изучаемого населения. Были поставлены и задачи по изучению городской культуры разных исторических периодов, разных формаций. В исследованиях этнографии города с этого времени стали широко использовать историко-сравнительный метод и его разновидности в виде историко-генетического метода, а также методы классификации, типологии, статистического анализа, научного описания.

В основном эти исследования развернулись в отношении этнографии русского городского населения и преимущественно в городах европейской части России. И здесь значительный вклад в науку внесли такие ученые, как Л.А. Анохина, О.Р. Будиная, В.Е. Гусев, Г.В. Жирнова, В.Ю. Крупенская, Г.С. Маслова, Н.С. Полищук, М.Г. Рабинович, С.Б. Рождественская, Н.Н. Чебоксаров, М.Н. Шмелева и др.³⁷ С конца 1960-х гг. развернулись этнографические исследования ученых Института этнографии АН СССР и сотрудничавших с ними ученых из других научных центров, занимавшихся изучением современного населения, – это, прежде всего, работы Ю.В. Арутюняна, Э.К. Васильевой,

М.Н. Губогло, Л.М. Дробижевой, Д.М. Когана, Г.В. Старовойтовой, Н.А. Томилова, О.И. Шкаратана, Н.В. Юхневой и др.

Что касается восточного, то есть сибирского, региона России, то здесь местными учеными как раз была пробита брешь в изучении этнографии городского населения в том смысле, что объектом исследования становятся не только горожане русской национальности, но и городские казахи, немцы, татары и группы других народов. Изучение этнических, в том числе и этнокультурных, процессов в городах Сибири началось учеными Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета под руководством Н.А. Томилова в 1970 г. проведением работ среди городских татар Западной Сибири³⁸. Этнография и этносоциология сибирских городов нашли отражение в работах Ю.В. Аргудяевой, Ш.К. Ахметовой, Е.А. Ащепкова, В.Б. Богомолова, А.А. Люцидарской, Г.М. Патрушевой, С.Ю. Первых, Н.А. Томилова, Г.И. Успеньева, О.Н. Шелегиной и ряда других сибирских исследователей.

Постепенно в Омске в ряде учреждений (госунiversитет, Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН, Сибирский филиал Российского института культурологии и др.) появились этнографы, которые все больше внимания стали уделять этнографии города³⁹. Кроме того, омские этнографы в многотомной серии "Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев" (главный редактор серии – Н.А. Томилов) опубликовали несколько томов по хозяйству и культуре русских Сибири, в которых значительную долю составили описания этнографических предметов городского населения⁴⁰.

И все же, несмотря на то что отечественная этнография постепенно поворачивается лицом к городской тематике и на сегодняшний день имеются существенные достижения в этой сфере научных поисков, следует констатировать, что и через сорок лет активной работы по этнографическому изучению городов и городского населения остается много совершенно неисследованных или далеко не полностью исследованных регионов России.

Далее отметим, что и тематически горожане, их этническая история и культура изучаются часто не по полной программе. Более всего опубликовано работ по материальной культуре (в основном по поселениям, жилищам, хозяйственным строениям, одежде), по семейному быту и семейным обрядам, по народным праздникам, по современным этническим процессам, по этнодемографии. Требуется дальнейшей разработки постановка новых проблем, использование новых источни-

ков и методов, а также освещение историографических аспектов в этнографии городского населения. Отметим и тот факт, что городская часть большинства народов и национальных групп России так и не является основным объектом современных этнографических работ.

В настоящее время основными проблемами в изучении этнографии городского населения стали история его формирования, складывания и динамики национального состава населения городов, а также другие аспекты этнодемографии. При исследовании этих проблем в Сибири следует учитывать факты наличия здесь городов до колонизации ее русскими, возведения русских городов часто на месте поселений коренных народов, разнонационального окружения городов и др. Следует усилить этнографические исследования городского населения, в том числе проблем этнотерриториального характера. А отсюда еще одна проблема – это классификация городов не только по фактам первоначального и последующего их назначения (военно-оборонительные, торговые, промышленные, административные и т. д.), по социальному составу и т. д., но и с учетом этнодемографических и этнотерриториальных аспектов.

В изучении хозяйственных занятий городского населения важными представляются не только сравнительно-исторические и типологические исследования, но и работы в сфере этноэкологии, хозяйственно-торговых связей с сельским населением, влияния природных условий на занятия горожан и др.

В области народной городской культуры в проблематику входят факторы, влияющие на генезис, динамику и распад (трансформацию и исчезновение) тех или иных явлений и вещей, взаимовлияние культуры города и села (важно ведь изучать и влияние сельской культуры на городскую, способствующее сохранению традиций в народной культуре этнических общностей, а не только влияние города на село), возрастание роли этнической культуры горожан в сохранении и развитии традиционно-бытовой культуры всего народа или всей национальной группы; локальные особенности в народной городской культуре; общее и особенное, интернациональное (российское, общеевропейское и т. п.) и национальное в традиционно-бытовой культуре горожан; культура разных городских социально-профессиональных групп; города как центры национальных культур на современном этапе и в будущем; этнокультурные процессы в городах и управление ими с учетом социально-исторических аспектов и др.

Представляется важным внедрение в этнографическое изучение городов и городского населения методов системного анализа и синтеза, большое использование данных археологических раскопок городов и

конструирование этнографо-археологических комплексов⁴¹ городских слоев разных народов с целью изучения генезиса и динамики этноса, социума и культуры, разработка не освещенных еще тем культуры разных национальных групп городского населения (в т. ч. по этнической генеалогии, антропонимии, по народным знаниям, религии, городским говорам и т. д.). Необходимы поиски новых источников, изучение колоссальных объемов архивных материалов и т. д.

Все это вызывает необходимость создания новых этнографических и этносоциологических центров и групп исследователей в разных регионах России. Сегодня познать национальные процессы и способы управления ими – это, прежде всего, познать национальные процессы в городах на основе проведения этнографических и этносоциологических исследований. Без этих знаний трудно преодолеть сегодняшнюю напряженность в межнациональных отношениях в российском обществе.

При благоприятной научно-организационной обстановке, если таковая возникнет в России, один из такого рода центров можно было бы создать в Омске. Как отмечалось нами выше, именно здесь, в Сибири, формируются кадры этнографов, занимающихся этнографией города. Кроме того, здесь же возникли условия для образования сибирского культурологического центра. Проблемам городской культуры в научном плане омские культурологи (Д.А. Алисов, Г.Г. Волощенко, В.Г. Рыженко, А.Г. Быкова, О.В. Гефнер, Н.И. Лебедева и др.), работающие главным образом в Сибирском филиале Российского института культурологии (сам институт находится в Москве), уделяют сегодня основное внимание. При этом они тесно сотрудничают в данном научном направлении с этнографами, искусствоведами, историками, археологами, социологами, филологами, философами и специалистами других гуманитарных и отчасти естественных наук сибирского региона.

Благодаря такой координации научной работы удалось организовать и провести в Омске Всероссийскую научно-практическую конференцию "Урбанизация и культурная жизнь Сибири" (март 1995 г., вторая конференция на эту тему состоится в Омске в 1999 г.), три Всероссийских научно-практических семинара "Проблемы культуры городов Сибири" (г. Тара, март 1995 г.; Омск, октябрь 1996 г.; г. Ишим, октябрь 1997 г.), на которых большое место заняли проблемы этнографии городского, в том числе русского населения, а также вопросы интеграции культурологических и этнографических исследований культуры городов. Эти же проблемы активно дискутировались в Омске на Второй всероссийской научной конференции "Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII–XX вв.)" (ноябрь 1995 г.) и

на IV международной научной конференции "Россия и Восток: проблемы взаимодействия" (март 1997 г.), на которых работали соответствующие секции. Материалы всех этих конференций и семинаров, в том числе и по этнографической тематике, опубликованы⁴².

Современное развитие крупных и малых городов Сибири, процессы урбанизации нашей жизни в целом повышают роль социального познания этих процессов в любой, самой что ни на есть практической деятельности. Поэтому все эти моменты требуют со стороны ученых тщательного и активного изучения последствий урбанизации и их влияния на изменения городской культуры с целью выработки основ общепринятых моделей развития российского общества. Культура должна стать одной из главных основ модернизации российского общества. Без учета этого важнейшего фактора ожидать экономического чуда, долговременной политической стабилизации, устойчивой сбалансированности межнациональных отношений просто не приходится.

Здесь уместно вспомнить зарубежный опыт. Американцы и западноевропейцы в условиях бурной урбанизации в свое время столкнулись с целым рядом проблем в развитии городов, которые зачастую характеризовались как кризис, и именно это подтолкнуло как политиков, так и ученых обратить на них более пристальное внимание. Специалистам известно, что американское, так называемое экологическое направление социологии кристаллизовалось на проблемах изучения крупнейшего города США – Чикаго, что в конечном итоге привело к созданию знаменитой Чикагской школы и дало сильнейший импульс для развития многих научных дисциплин, связанных с изучением города и городской среды. И сегодня в Соединенных Штатах и Западной Европе действует целый ряд университетских центров и программ, занимающихся изучением проблем развития крупных городов.

Таким образом, необходимость исследования основных проблем формирования и развития городской культуры в современных условиях связана с поворотом к новому пониманию роли культурного фактора в проведении современных реформ и непосредственно с потребностями сегодняшнего дня: необходимостью разработки новых научных подходов к созданию программы социокультурного развития крупнейшего региона России – Сибири. Изучение и решение этих проблем силами этнографов, историков, социологов, культурологов, архитекторов и практических работников в области культуры будет способствовать не только дальнейшему развитию науки, но и интеграции сил ученых с практическими работниками в сфере культуры.

Современный период развития России поставил перед обществом целый ряд сложных проблем политического, экономического и

социального порядка. Но, думается, данные проблемы будут неизбежно воспроизводиться во все увеличивающемся масштабе, если не будут создаваться прочные культурные основы современных реформ. Именно духовные ценности, опирающиеся на весь культурный опыт, выработанный нашим народом, могут стать базой для выработки программ общественного развития и выхода из кризиса, в котором оказалась вся наша страна.

В завершение еще раз подчеркнем, что этнография, как и другие гуманитарные науки, изучающие социокультурные свойства, структуры, процессы и отношения, сегодня должны, исходя из потребностей российского общества, сделать основным объектом своих исследований городское население. Именно оно во многом определяет сегодня ход социокультурных, в том числе и этнокультурных, процессов и в России в целом, и в ее отдельных регионах.

Очерк 2. Ф. Кокен о проблемах миграции и адаптации крестьянского населения в Западной Сибири в XIX в.

Монография Франсуа-Ксавье Кокена "Сибирь. Население и крестьянские миграции в XIX в.", выпущенная Институтом изучения славян в 1969 г., является значительным трудом во французской историографии по истории крестьянства Сибири досоветского периода. Исследование названной проблемы проведено с достаточной степенью основательности и подробности. Автор использовал материалы Центрального государственного исторического архива СССР, центральной и сибирской периодики, отчеты и статистические сборники, работы историков официального мелкобуржуазного и буржуазного направлений дооктябрьского периода, труды современных западноевропейских исследователей, – всего 399 книг на русском и 50 на иностранных языках. Общий объем издания составляет 786 страниц, в тексте выделено 6 частей, 24 главы.

Научно-справочный аппарат представлен библиографическим указателем на русском и французском языках, персоналием, глоссарием (словарь местных терминов), 13 картами и схемами, 9 воспроизведениями архивных свидетельств.

Охарактеризованная монография была избрана как наиболее обстоятельная в современной историографии для изучения на ее примере зарубежных концепций миграционных процессов в XIX столетии в России вообще и в Сибири в частности, а также оценки способностей к адаптации на новых территориях русского населения, развития материальной культуры (жилые и хозяйственные постройки) крестьян Западной Сибири.

В предисловии к монографии автор определяет объект и хронологические рамки своего исследования: Сибирь, исключая Центральную Азию; XIX в., преимущественно вторая половина.

Во введении Ф.-К. Кокен в качестве эпитафии приводит слова знаменитого русского историка В.О. Ключевского: "История России – это история страны в процессе освоения новых территорий". Затем исследователь показывает предысторию освоения и заселения Сибири до XIX в. Говоря о необходимости присоединения Сибири к России в XVI в., автор называет следующие причины: увеличивающийся спрос на дорогие меха при торговле со странами Востока, угрозу восточным границам России со стороны "татарской империи". Французский историк достаточно верно определяет роль Ивана Грозного, братьев Строгановых, дружины Ермака в организации походов в Сибирь. Он пишет, что после покорения дружиной Ермака столицы Сибирского ханства в Сибирь на стругах направлялись охотники, торговцы, служилые люди, искатели приключений. Им понадобилось менее века, чтобы успешно закрепиться в бассейне рек Оби, Енисея, Лены, достигнуть Амура и китайских границ. Сеть острогов, созданная первопроходцами на берегах рек, придавала русской колонизации очаговый характер и обеспечивала подчинение освоенных территорий, ограничивая их так называемыми линиями. На долгое время освоение сибирских земель стабилизировалось на южной линии Ишим – Тара – Томск – Кузнецк – Красноярск, образовавшейся еще в конце XVII в. В первой половине XVIII в. эта линия отодвинулась к Кургану, Омску, на Алтай. По мере овладения новыми пространствами возникла проблема обеспечения служилых людей продовольствием, необходимость сельскохозяйственного освоения земель. Для решения этих задач государство призвало добровольцев основывать в Сибири земледельческие поселения. Однако добровольцев не хватало, и правительство стало отправлять крестьян в Сибирь "по приказу царя"⁴³.

Следует отметить, что Кокен неправомерно преувеличивает значение "преступных элементов" в заселении Сибири. Он явно недооценивает успехи, достигнутые за два века в хозяйственном освоении сибирских земель. Он пишет, что Сибирь, подчиненная в администра-

тивном и культурном отношении, была обречена на отставание в умственных и нравственных сферах. Это "царство мужика", где почти полностью отсутствовала помещичья собственность, было слабым административное и культурное влияние центра, не имелось удобных и безопасных путей сообщения, не привлекало дворян и офицеров. Даже Екатерина II, обращавшая внимание на колонизацию "новой России", не проявила большого интереса к населению сибирских провинций. За все время своего правления она предприняла только три меры в этом отношении. В 1763 г. позволила староверам переселиться с польской территории на границы Алтая и Иртыша. В 1783 г. выдвинула идею заселения дороги Якутск – Охотск несколькими сотнями добровольцев. В 1795 г. по ее предложению казачья линия в верхнем течении Иртыша была усилена 3–4 тысячами служилых людей. По мере заселения территории края и укрепления его границ встал вопрос об улучшении путей сообщения. "Великий Московский тракт", который проходил в Сибирь через Тюмень, стал первым объектом благоустройства с начала XVII в. Этот тракт представлял собой главный фактор заселения, развития торговли, экономической деятельности, распространения культуры в Сибири. Автор обращает внимание на то, что экспедиции Академии наук, направляемые сюда Екатериной II, начали постепенно изучать богатства этого края.

"Сможет ли бюрократическая и дворянская монархия закрепить успехи, достигнутые в колонизации Сибири и всех южных окраин империи, завещанные ей XVIII в.?" – таким проблемным вопросом заканчивает исторический экскурс Ф.-К. Кокен и приступает к рассмотрению проблем заселения и переселения крестьян в пределах Сибири в XIX в.

Во второй главе "Сперанский и "открытие" Сибири"⁴⁴, автор обращает внимание на то, что законы 1805–1806, 1812 и 1817 гг. практически приостановили миграционное движение населения начала века. Планы заселения Забайкалья не получили дальнейшего развития – никто не переехал в Сибирь по собственной воле.

Юридическая недееспособность крестьянина, в течение двух веков находившегося в крепостной зависимости, объясняла неподвижность сельского населения и парализовывала всю миграцию. Подозрение, которое падало на всякое бесконтрольное перемещение в обществе, где мигрант часто выступал в роли уклоняющегося от воинской обязанности, противоречило всестороннему освоению новых русских земель. Необходимость перераспределения населения в пределах государства осознавалась еще во времена Екатерины II, на что указывалось в отчете министра внутренних дел, посвященном про-

блемам миграции. Фактически с 1767 г. некоторые государственные крестьяне требовали в своих "наказах третьего сословия", составленных для Великой Учредительной комиссии, увеличения своих наделов. "Многие деревни стали настолько населены, – приводит Кокен слова известного публициста князя Щербатова, – что им не хватало земель, чтобы прокормиться". Жители этих деревень были обязаны искать средства к существованию вне сельского хозяйства, пробуя себя в ремеслах. Затруднение коснулось преимущественно Центральной России, где, как уточнял Щербатов, плотность населения была так велика, что недостаточность земель стала здесь очевидной. Плотность населения, колеблющаяся в некоторых центральных губерниях между 30–35 жителями на 1 кв. км, падала менее чем до 1 жителя на 1 кв. км в южных степях, за исключением Волги, и была еще ниже в Сибири.

Во второй половине XVIII в. население России вошло в фазу постоянного роста. Число жителей империи с 1762 по 1798 гг. увеличилось с 19 до 29 млн чел. В этот период к владениям России были присоединены значительные территории Османской империи.

Казалось, по мнению Ф.-К. Кокена, подошло время скоординировать эти два фактора: благоприятный прирост населения и приобретения новых земель – поставить их на службу политики равномерного освоения государства. Однако для сознания, привыкшего к экономической и социальной стабильности крепостнического строя, эта связь не рассматривалась как наиболее важная. Демографическое перераспределение стало одной из существенных проблем для России.

"Было ли совместимо крепостничество с политикой мобильности населения и освоения новых территорий? – таков был вопрос, который XVIII в. завещал России Александра и Николая I", – пишет исследователь. Далее он подчеркивает, что официальное решение этой проблемы отставало от ее фактического решения.

Но каким бы запоздалым ни было опоздание официальной доктрины, демографическое давление не могло не вызвать обновление законодательства. Следует обратить внимание на то, что этот процесс встретился с определенными трудностями. В частности, прогрессивная точка зрения тамбовского губернатора, озабоченного демографической перегрузкой территории и лучшим использованием рабочей силы крестьян, не нашла отклика у других губернаторов, по-прежнему расценивавших переселение как "бродяжничество".

Важная роль в решении этих проблем принадлежит, по оценке автора монографии, М.М. Сперанскому, государственному деятелю, освободившемуся от временной опалы в 1819 г. и возведенному в том

же году на пост генерального губернатора Сибири. Само назначение Сперанского указывало на оживление интереса к малоизвестной до сих пор Азиатской России. Миссия, возложенная на нового генерал-губернатора, состояла в том, чтобы установить в сибирских губерниях администрацию на основаниях, учитывающих удаленность этой местности, ее протяженность и характер населения. Едва добравшись до места, Сперанский осознал, что одним из настоятельных условий переезда Сибири на общие административные права является рост населения. В записке, адресованной им в Сибирский комитет в 1821 г., официальной доктрине неподвижности противопоставляется новая аргументация. Он сделал ударение на двойную выгоду от колонизации для государства: "заселить незанятые сибирские земли и разгрузить малоземельные губернии Европейской России". Именно благодаря его инициативе появился закон от 10 апреля 1822 г., призванный почти в течение 20 лет регулировать миграционное движение в Сибирь.

Разрешить свободную иммиграцию в Сибирь из всех других губерний, позволить в самой Сибири свободное перемещение от одной губернии к другой и предоставить заинтересованным налоговым судам право разрешать им самим любую миграционную просьбу – таковы были принципиально новые предложения, выдвинутые генерал-губернатором Сибири М.М. Сперанским. Наряду с ними в законе от 10 апреля 1822 г. были определены следующие условия: каждый мигрант должен был уплатить налоговые недоимки, получить разрешение на выход из своей общины и согласие принимающей сибирской общины. Разрешение образовывать новое поселение должно выдаваться соответствующим сибирским налоговым судом. Была запрещена всякая миграция на земли коренных племен, за исключением киргизских. Признание условного права мигрировать, разграничение между понятиями изгнания и миграции – таковы были новаторские принципы закона, который возвращал государственным крестьянам часть инициативы и "приоткрывал доступ в Сибирь".

В четвертой части монографии, названной "Возвращение к подвижности", автор анализирует причины, приведшие к возобновлению миграции крестьянства⁴⁶. Главным "фактором мобильности" Ф.-К. Кокен считает аграрный кризис в России. Он приводит сравнительную таблицу обеспеченности земель государственных крестьян в десятинах и частновладельческих крестьян центральных областей, которая ярко иллюстрирует сокращение размеров душевого надела. Постоянное уменьшение душевого надела историк объясняет ростом крестьянского народонаселения, "демографической перегрузкой" и недостатками экономики, "неспособной поглотить растущее население". Следует

отметить, что Кокен аграрный кризис понимает не более как кризис агротехнический, порожденный господством трехпольного севооборота и "экстенсивной агрикультуры". Капиталистическое разложение крестьянства в условиях сохранения помещичьих латифундий отрицается им как главная причина миграций. Вторым "фактором мобильности" автор считает крестьянскую психологию, представления крестьян о Сибири как о сказочной стране.

Формы сибирской колонизации, устройство крестьян на новых участках показано автором на примере территорий Тобольской, Томской, Енисейской губ. и Алтая. Алтай занимал огромные пространства – 382000 кв. км (2/3 площади территории Франции). Удобное месторасположение плодородных земель привлекало сюда русских крестьян. Сибирь для них была прежде всего Алтай. Публицисты называли его "жемчужиной Сибири", "цветком имперской короны".

Ф.-К. Кокен пишет об обстоятельствах, препятствовавших выезду крестьян в Сибирь. Это прежде всего: трудность продажи наделов, обремененных долгами и недоимками, получение "отпускного мира". Французский историк характеризует тяжелое положение крестьян в пути следования, отмечает сложность приписки к сельским обществам, наличие неприписанных переселенцев, вносящих "полеточные платежи" и работавших по найму.

Рассказ переселенца из Тамбова в деревню в долине р. Бурлы Кокен цитирует по книге Н.М. Ядринцева: "Первый год я жил в общинном доме, затем в комнате, которую я снял. Работал я тогда за следующую плату: от 20 до 40 копеек за день; летом рубль за сжатую десятину. Затем я купил в долг за 22 рубля избу с тремя окнами и сенями, заплатил 13 рублей за лошадь. Я взял в аренду еще одну лошадь с тем, чтобы обрабатывать вместе с другим переселенцем большее количество десятин. Зимой моя жена и моя дочь разместились у священника для ухода за коровами и в целом для ведения домашнего хозяйства. Я сам нанялся резать скот у соседей старожилов по 35 копеек за голову". Подобные рассказы в различных вариантах приводятся об устройстве переселенцев на сибирской земле.

В то же время Ф.-К. Кокен явно идеализирует процесс, описывая, как быстро "жалкий мигрант превращается в независимого крестьянина-хозяина". Он повторяет тезис буржуазных исследователей Б.К. Кузнецова и Е.С. Филимонова о влиянии численности семьи и времени пребывания переселенцев в Сибири на их хозяйственную состоятельность. Автор монографии при дальнейшем изложении, в частности в выводах, противоречит собственным утверждениям о найме

переселенцев и кабале "на годы", оценивая займы под отработки как "бесценную помощь" зажиточных старожилов переселенцам.

Отрицая разложение крестьянства и затушевывая эксплуатацию, Ф.-К. Кокен пишет о религиозных, бытовых и других противоречиях между старожилами и переселенцами и замалчивает противоречия классовые, не видит их в отношениях крестьянства с буржуазно-помещичьим государством и Кабинетом. Отсюда утверждение о том, что якобы "благоприятно расположенные к новичкам сибирские чиновники своей снисходительностью делали бездейственными ограничения центральных властей", что экономическому развитию Сибири мешали отдаленность, протяженность и нехватка рабочей силы, а не самодержавное государство.

Ввиду истощения к началу XX в. легкодоступного колониционного фонда, шансы на поселение в Сибири крестьян "без ресурсов" все уменьшались, стоимость обзаведения хозяйством повышалась, заработки сокращались. Таким образом, сельскохозяйственная "экстенсивная" колонизация зашла в тупик, о чем свидетельствовал поток возвращенцев.

Наше особое внимание привлекла трактовка французским историком вопросов этнографического характера, в частности: взаимоотношений переселенцев из различных губерний Центральной России на сибирской земле; проблемы сохранения и трансформации традиций в новых экономических и экологических условиях на примере одного из компонентов материальной культуры – жилища.

Ф.-К. Кокен пишет, что на территории Алтая каждая деревня представляла в миниатюре все переселенческое движение в целом. Здесь селились вместе крестьяне центральных черноземных губерний Курской, Тамбовской, Черниговской, Полтавской, Саратовской и Самарской. Эта пестрота особенно проявлялась при устройстве временных жилых помещений: появлялись мазанки или хаты-хижины малороссийцев; избы, характерные для европейской части страны. Мазанки и хаты под соломенными или тростниковыми крышами, избы с единственной комнатой, маленькие избенки и добротные дома были наглядным свидетельством имущественной дифференциации в переселенческой среде⁴⁷.

На северо-востоке западносибирского региона, где лесные массивы были значительнее, чем в степи в районе Бийска, жилища имели солидный комфортабельный вид. Первоначальные жилые постройки в скором времени заменялись здесь не только на классические избы, но и на пятистенки, а также на "связные избы", в которых жилые помещения разделялись холодными сенями. Наиболее зажиточные крестьяне иногда

добавляли к своему жилищу еще один этаж и превращали их в настоящие особняки. Этот последний вариант дополнял типы жилых крестьянских построек, представленных в некоторых деревнях во всем их возможном разнообразии. Первые примитивные постройки служили в качестве хлевов или использовались общиной для того, чтобы приютить вновь прибывших, которые затем строили постоянное жилище.

Приводя материал по Тобольской губ., автор отмечает то же разнообразие построек, что и на Алтае: "простые шалаши и землянки, мазанки, избы, сделанные из накатанных стволов деревьев, рубленые жилища – та же иерархия, что и по всей Сибири".

Некоторые переселенцы покупали избы в кредит у старожилов, а затем их ремонтировали. Другие – старые ветхие постройки для домашней птицы и скота приспособляли для жилища, предварительно обмазав их глиной снаружи и внутри. Крыши могли быть покрыты на сибирский манер кусками дерна или широкой берестой, удерживаемой длинными жердями, скрепленными друг с другом на вершине, или соломой, согласно великорусскому обычаю. Иногда в пределах одной деревни контраст в устройстве жилищ был очень велик между разными группами переселенцев. В качестве примера приводится д. Никольская, расположенная в нескольких верстах от Омска. В ней переселенцы из Полтавы жили в мазанках с соломенными крышами, а крестьяне великорусских губерний Орловской и Курской построили добротные дома из дерева. Большое значение переселенцы из вышеназванных губерний придавали хозяйственным постройкам. Они делали их, согласно обычаю, из переплетенных ветвей деревьев, удобно расположенными, "как на ладони руки".

Останавливаясь на формах колонизации и освоения земель в Томской губ., автор прежде всего отмечает, что здесь, так же как и на Алтае и в Тобольской губ., было характерно следующее: неравномерность и разнородность потока прибывающих из центра России. Деревни, образованные ими, сохраняли в некотором роде порядок расположения обозов, в которых двигались переселенцы. Беспорядочным было освоение невозделанных земель. Позже общины ввели коллективную дисциплину чередования земледельческих культур, систему "комбинированного пара". Такова картина, повторяющаяся во всех уголках Сибири и преимущественно в ее западной части. Томская губ. к началу XX в. не была исключением в этом отношении, как утверждает Ф.-К. Кокен, ссылаясь на исследование А.А. Кауфмана. Как и повсюду, те же деревни-улицы, окруженные холмами или чаще всего расположенные в долине реки, чрезмерно растянутые и оканчивающиеся церковью или школой. Как и везде, с трудом поддающиеся пе-

регруппировке, представляющие странную смесь разновременных и разнотипных жилищ. Близость леса благоприятствовала строительству рубленых изб, иногда одностопных, но большей частью многокамерных, что вело к кажущемуся единству.

Все вышеназванное, в том числе и разделение некоторых деревень на различные полюса, которые различались по жилищам, обычаям, речи их обитателей, выдавало разнообразие этих выселок, где складывалось, согласно обычаю, все основное население, распространялось затем в окрестные деревни. В Томской губ., как предполагает французский историк, значительнее, чем в "европеизированной" Тобольской губ. и плотнозаселенном Алтае, была помощь переселенцам со стороны сибиряков, особенно в Томском и Мариинском дистриктах.

Существовавший тем не менее контраст между сибирскими и русскими общинами государство пыталось затушевать с помощью принудительной "отрезки" земель у старожилов посланными сюда командами землемеров-геометров. С построением Транссибирской магистрали, в связи с усиливающимся миграционным потоком и необходимостью новых земель для расселения мигрантов, встает проблема "земельного устройства" сибирских деревень, или, другими словами, проверка размеров их земель и сокращение их официальных норм. В качестве примера автор монографии приводит карту земельных угодий крестьян д. Епанчиной Тюкалинского дистрикта Томской губ. до и после проведенной "обрезки" земель, даются сравнительные данные.

В связи с резким сокращением площади свободных плодородных земель в легкодоступных районах Сибири, переселенцы из европейской части страны вынуждены были продвигаться в местности, занятые тайгой, еще не приспособленные для возделывания земледельческих культур. Освоение этих территорий, организация там земледельческого хозяйства требовали дополнительных денежных и физических затрат. Не всем мигрантам это было по силам. Часть из них, наименее состоятельная, окончательно разорившись, вынуждена была возвращаться обратно. Они и крестьяне, оставшиеся в Сибири, сообщали в письмах о трудностях настоящего устройства в таежной зоне своим односельчанам.

Даже сооружение Транссибирской магистрали, облегчившей продвижение крестьян, и выдача субсидий переселенцам не могли возродить тех иллюзий, которые раньше бытовали в крестьянской среде по отношению к Сибири. В XVII – начале XIX в. она называлась "краем с молочными реками, кисельными берегами", "царством мужика". Для того чтобы добраться до Сибири, привезя сюда свой скот и орудия труда, получить землю на новом месте во второй половине

XIX в., семье необходимо было иметь 100–150 руб., сумму по тем временам весьма значительную. Неизбежным следствием вышеназванных обстоятельств стало увеличение процента "неудачников" и числа возвращенцев. Сложившаяся ситуация вынудила правительство предпринять ряд мер, благоприятствующих дальнейшему переселению крестьян в Сибирь, так как выгода этого для государства стала очевидной.

Цифры говорят о том, что население России начинает расти, главным образом, за счет заселенных в предыдущий период окраин государства. К концу XIX в. население азиатской части России составляло уже 21,6 %. Значительными темпами росло население Сибири. За период с 1815 по 1883 гг. оно удвоилось (включая аборигенов) с 1,5 до 3 млн, а затем к 1897 г. достигло 5 млн 750 тыс. В результате освоения степей центральной Азии население в 1914 г. достигло 10 млн чел. Таким образом, Сибирь из "провинции-золушки", затерянной на окраинах Российской империи, превратилась в "гарантию будущего могущества и престижа" русского государства. Транссибирская магистраль сыграла важную роль в экономическом развитии края, благодаря ей возник Новониколаевск (ныне Новосибирск), опередивший затем по экономическому росту другие города.

В заключении Ф.-К. Кокен подводит итоги своего исследования, делает отдельные выводы и наблюдения. В частности, реформу 1861 г. он расценивает как проведенную преимущественно с соблюдением помещичьих интересов, давшую крестьянам юридическую свободу, фактически оказавшуюся формально иллюзорной. Экономическая зависимость от помещиков, сохранивших свою собственность, высокие выкупные платежи, дополнительные налоги, "голодные наделы" обусловили выступления недовольных крестьян, которые были подавлены правительством с применением вооруженной силы. После 1861 г., отмечает Кокен, правительство запретило переселения, что объяснялось стремлением гарантировать помещикам рабочие руки, боязнь "неконтролируемой миграционной свободы" и недовольством крестьян. Запрет переселений выглядел особенно анахронично на фоне притока переселенцев в Сибирь. Ссылка не могла считаться средством заселения края. "Нужды внешней политики" и "забота о социальном мире" обусловили "оттепель" в отношении правительства к переселениям, результатом чего явился закон 1889 г. о ссудах переселенцам и льготам им в уплате податей.

Колонизация Сибири, по мнению Кокена, развивалась под знаком "держизма" и "бюрократического всемогущества". Он также отмечает положительное значение заселения Сибири, благодаря чему Россия стала "азиатской" державой. Французский историк считает, что "не

было более активного и убежденного пропагандиста единства и целостности своей родины, чем русский крестьянин". Сибирь представляла, справедливо пишет Кокен, "все черты русской земли, совершенно русской" и почвы для рассуждений о сепаратизме "областников" Завалишина и Потанина здесь не было. Верно оценивает французский историк роль Транссибирской железной дороги, которую он называет "великим национальным предприятием", в активизации и ориентации переселенческого движения⁴⁸.

Однако необходимо отметить, что некоторые конкретные наблюдения и выводы не согласуются с общей концепцией Ф.-К. Кокена. Автор игнорирует развитие капитализма в России, в частности в сельском хозяйстве, и разложение крестьянства после реформы 1861 г. В соответствии с этим и переселения 1861–1914 гг. рассматриваются им внеисторически, без связи с развитием капитализма в центре страны и распространением капитализма вширь на территорию окраин. При этом Россия противопоставляется странам Европы, а колонизация Сибири – колонизации американского Запада. Хотя при всех особенностях, связанных в России с сохранением пережитков крепостничества, указанные процессы имели одинаково капиталистическую сущность. Игнорирование смены способов производства в России, развитие капиталистических отношений в условиях сохранения пережитков крепостничества не позволили Ф.-К. Кокену научно объяснить отходничество крестьян из центра на юг и юго-восток страны, переселенческое движение в Сибирь.

Ф.-К. Кокен переоценивает отдельные законы самодержавия. Закон 1889 г. о переселениях на государственные земли отнюдь не означал "новой эры" (по определению автора монографии) для крестьянства, характеризуемой свободой миграций. В действительности, вышеназванный закон не затронул пережитки крепостничества, тормозившие переселения, и поэтому говорить о "свободе" нет оснований. Закон от 9 ноября 1906 г., положивший начало столыпинской аграрной реформе, также не означал полного и совершенного уничтожения последних остатков феодализма, как считает Кокен. Французский историк, не признавая действительные причины провала столыпинской реформы, пишет о неспособности переселенцев приспособиться к освоению лесных участков: "колонизация ударила о стену тайги". Он пишет об агротехническом кризисе в сельском хозяйстве Сибири, делает вывод, что эти проблемы могли быть решены "омоложением и реформой всей монархии".

В соответствии со своей концепцией игнорирования капиталистических отношений в России Ф.-К. Кокен отрицает развитие капита-

лизма в Сибири и сибирской деревне. Вопреки фактам, он пишет, что урбанизация Сибири началась лишь в XX в., промышленность здесь находилась в "детском состоянии", процент промышленных рабочих был "близок нулю". В целом, смысл концепции Ф.-К. Кокена сводится к отрицанию в России, и в Сибири в частности, социально-экономических предпосылок революции 1917 г. Таковы основные итоги и выводы, которые сделаны нами в ходе изучения монографии Ф.-К. Кокена "Сибирь. Население и крестьянские миграции в XIX в."

Очерк 3. Изучение этнографии русских Среднего Прииртышья местными исследователями

Этот очерк посвящен изучению русских Среднего Прииртышья. На примере отдельного региона, в разные периоды истории игравшего разную роль в сибирской жизни, явно становятся видны характерные черты этнографического исследования русского этноса в Сибири в XIX–XX вв. Прежде чем перейти к изложению фактов, хотелось бы сделать несколько вводных замечаний.

Современная этнография – наука спорная. У нее нет даже единого имени: кто-то полагает, что этнография и этнология – одно и то же, и поэтому называют нашу науку то этнографией, то этнологией. Другие видят здесь две различных, хотя и родственных науки. Написав о спорности в понимании нашей науки, я хотела подчеркнуть, что почти каждый исследователь пусть в нюансах, но по-своему определяет этнографию. Из множества существующих точек зрения хотелось бы противопоставить только две. Итак, одни исследователи видят в этнографии (этнологии) широкое гуманитарное знание, дающее методику анализа ряда актуальных проблем современного общества в самом широком смысле, другие – склонны понимать этнографию в более традиционном ключе, проявляя интерес к таким проблемам, как этническая история и традиционная культура. Часто это приводит нас к изучению отдельных культурных явлений.

Как мне кажется, суть этнографии заключается в изучении самого широкого круга народов, включая и исследования тех групп, которые составляют крупные современные этносы. Состояние современного этнографического знания таково, что относительно немного ученых-корифеев одинаково хорошо знают культуры разных этносов и

свои рассуждения строят на материалах, позволяющих охватить рассматриваемую проблему широко как в пространственном, так и в хронологическом отношении. Многие же российские ученые ведут исследования локальные, изучают отдельные этнические группы или немногочисленные этносы, проживающие на небольшой территории. Насколько обоснован и актуален такой подход или он проник в науку "явочным порядком", свидетельствуя о нашей финансовой несостоятельности и теоретической отсталости?

Эти вопросы, очень важные для меня, как исследователя небольшого локуса, в этом очерке я рассматриваю на примере изучения русского населения Прииртышья, которое принято в научной литературе называть Средним. Точнее, как мне кажется, говорить "Омское Прииртышье", поскольку речь в подавляющем большинстве случаев идет о населении территории, укладываемой в рамки Омской обл.

Историю этнографического изучения этого региона Сибири невозможно понять без обращения к истории Омской обл. Ее современная территория оформилась окончательно только в 1944 г., хотя и позже происходили отдельные изменения внешних границ Омской обл. на уровне сельских районов. До начала 1920-х гг. территория Омского Прииртышья никогда не составляла единого административного целого. Южные районы в XVIII–XIX вв. тяготели в экономическом и культурном отношении к Омску, северные – к Таре, которая до строительства Транссибирской железной дороги была значительным административным, экономическим и культурным центром Западной Сибири. Но еще в большей мере Тюкалинский и Тарский уезды были связаны с Тобольском – своим губернским центром.

В это время изучение народной культуры и истории населения не вызывало особого интереса. Отдельные известные нам работы были эпизодичны и фрагментарны. Отметим, что реалии русской культуры были настолько обычны и повседневны, что оказывались в сфере интересов какого-либо энтузиаста еще реже, чем культура других народов Сибири⁴⁹. В основном материалы, собранные на севере современной Омской обл., публиковались в Тобольске, в статьях "Ежегодника Тобольского губернского музея" или "Тобольских губернских ведомостях". Как правило, эти материалы вводились в контекст более широкой по замыслу работы, чем исследование этнографии Среднего Прииртышья. Отсюда и малая детализация интересующих нас сведений⁵⁰.

Те территории, которые входили в административные образования с центром в Омске (Омская обл., Омский округ и др., сменявшие на протяжении XVIII–XIX вв. друг друга), попадали в сферу интересов омских ученых и общественных деятелей, которые также обращались к

этим сюжетам очень редко. Не изменил эту ситуацию и тот факт, что именно в Омске был создан Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества. Интересы этого общества, особенно на первом этапе его развития, лежали в областях, очень далеких от Среднего Прииртышья⁵¹. Только к концу XIX в. несколько усилился интерес к местной русской культуре и истории населения. Это, как нам кажется, было прямо связано с активизацией переселенческого движения в Сибирь. Как только проблемы истории и культуры русских сибиряков вышли из чисто теоретической области и стали ближе к практике, появились специальные публикации⁵², в том числе и в "центральных", как мы сказали бы сейчас, изданиях⁵³. Количество этих публикаций было все так же мало, особенно тех из них, что были посвящены собственно культуре⁵⁴. Большой интерес в это время проявляли историки, экономисты и статистики к вопросам, связанным с формированием населения в Среднем Прииртышье, с оседанием здесь переселенцев и их хозяйственным обустройством⁵⁵.

Потребности педагогической практики также стимулировали интерес к истории и культуре местного русского населения. Широко известен сейчас в Омске "Учебник родоноведения" А.Н. Седельникова, содержащий материалы этнографического характера⁵⁶. Такого рода издания⁵⁷ публиковались и в советское время, но централизация издательского дела, тем более в сфере публикации учебников, положила конец этой практике⁵⁸.

Существовали и другие потребности, которые приводили к созданию интересных с точки зрения этнографии работ. Так, например, в Омске было принято решение составить "Справочную книгу Омской епархии"⁵⁹. Цель этой книги была сугубо практическая – дать священникам возможность принять правильное и взвешенное решение при принятии назначения в приход. В "Справочной книге" были приведены сведения, характеризующие приходы Омской епархии в самых разных отношениях. За составление труда взялся Иван Степанович Голошубин⁶⁰. Была разработана схема описания приходов, куда включались следующие сведения: количество жителей в приходе с учетом пола, населенные пункты, входящие в приход с указанием происхождения населения. И. Голошубин указывал на следующие группы русских: старожилы, переселенцы с указанием мест выхода, казаки, характеризовал население по конфессиональной принадлежности – раскольники, сектанты, по возможности детализируя эти сведения. Автор приводит сведения о размещении и числе батистов, молокан и разного толка староверов⁶¹.

Обстоятельные сведения приводятся в "Справочной книге" и о хозяйстве приходов. В статье о каждом приходе дана справка о характере занятий местных жителей, посевных площадях и выращиваемых культурах, ремеслах, торговых точках и ярмарках. Далее о приходе сообщалось, какие культовые сооружения в нем есть или строятся, каково число крещений, венчаний и отпеваний в год. Обязательно сообщались сведения о съезжих праздниках, числе крестных ходов и т. п. В завершении указывалась дорога до прихода с ценой проездных билетов, почтовый адрес, расстояние до губернского и уездного центра.

Интересным был подход автора к составлению книги. В основу была положена частная переписка И. Голошубина со священниками приходов, которые сообщали ему с мест сведения о приходе. Такой подход к информации, с одной стороны, приводил к неточности сообщаемых сведений, но, с другой – позволял получить данные более неформальные. Остановившись так подробно на анализе этой книги, отметим, что "Справочная книга Омской епархии" является уникальным источником сведений об истории, культуре, этническому составу населения, по большей части русскому, Среднего Прииртышья.

Систематическая работа по изучению традиционной культуры и, отчасти, этнической истории русских Среднего Прииртышья началась только в советское время. Можно выделить три основных фактора, которые этому способствовали в 1920–1960 гг.: создание в Омске Государственного Западно-Сибирского краевого музея (1921 г.), активизация в 1920–30-х гг. краеведческой работы и организация в Омске государственного педагогического института (1932 г.)⁶².

Западно-Сибирский краевой музей фактически стал преемником Музея Западно-Сибирского отдела Русского географического общества⁶³. За годы революции и Гражданской войны было утрачено по разным отделам (а всего их было восемь) от 75 до 100 % имевшихся в хранении предметов⁶⁴. Поэтому до 1925 г. сотрудники музея в основном занимались ремонтом вновь полученного для музея здания, восстановлением экспозиции, налаживали экскурсионную работу. Только в 1925 г. интенсивно начала развиваться научно-исследовательская работа, из которой современники выделяли исследования в области ботаники, археологии и этнографии⁶⁵.

В эти годы в музее была проведена работа по каталогизации коллекций, что имело особое значение, поскольку коллекции "утратили свою прежнюю этикетировку". Научные сотрудники музея ежегодно организовывали экспедиции, в том числе и этнографические⁶⁶. В это время были пополнены и русские коллекции музея. Наиболее значимой была поездка И.Н. Шухова к русским старообрядцам в Тюка-

линский и Крутинский районы Омской обл.⁶⁷. Тогда же были частично проанализированы и опубликованы собранные коллекции⁶⁸.

Активная деятельность музея в связи с внутриполитической обстановкой в СССР пошла на спад в начале 1930-х гг., а с середины 30-х гг. практически прекратились экспедиционные изыскания и научное изучение коллекций. Только в 1950-е гг. начался новый этап изучения этнографии Омского Прииртышья музейными сотрудниками. Основное направление музейной работы в области этнографии в это время – формирование коллекций культуры и быта разных народов, проживающих на территории области, в том числе и русских. Значительно пополнились русские этнографические коллекции в результате экспедиционных поездок А.Г. Беляковой на север области, где собирались предметы хозяйства и быта. В 1970-х гг. началось сотрудничество музейных сотрудников и омских этнографов, представляющих высшую школу. В результате был подготовлен ряд каталогов по русским этнографическим коллекциям⁶⁹.

Сложной в 1920–1930-е гг. была и история краеведческого движения. В 1920-е гг., по данным А.В. Ремизова, краеведческое движение было, прежде всего, связано с новой для этого времени структурой – Омским обществом краеведения. Оно действовало активнее, чем музей и другие организации, призванные вести краеведческую деятельность – Западно-Сибирское отделение Русского географического общества, просуществовавшее до начала 1930-х гг., и Общество изучения Сибири, действовавшее в конце 1920 – начале 1930-х гг.⁷⁰. Особенностью Омского общества краеведения было то, что самой активной, а в первое время (1925–26 гг.) и "чуть ли не единственно работающей" была секция школьного краеведения⁷¹. Тем не менее уже в 1926 г. были опубликованы две брошюры, подготовленные членами общества⁷².

"Сборник краеведческого материала...", как следует уже из названия, был адресован практическим работникам, ведущим преподавательскую или пропагандистскую деятельность. Его задача – предоставить систематизированный материал о родном крае – Омском округе. В основном внимание уделялось таким темам, как выделение округов в Омской губ. и изменение их границ в советское время, характеристика районов Омского округа с указанием расположения райисполкомов, сельских советов, расстояния до них и т. д. Более интересны для этнографа разделы, связанные с численностью населения, его этническим составом, кустарными промыслами. Отметим, что авторы, хорошо знакомые с новейшими течениями в обществоведении того времени, были заинтересованы в изучении культуры и быта деревни. В связи с этим в сборник была включена программа по изучению деревни в са-

мых разных аспектах, а раздел "Общество" содержал вопросы и по этнографической тематике⁷³.

Большой общественный резонанс получил сборник материалов I Окружной конференции по краеведению, которая была проведена Омским обществом краеведения в конце декабря 1925 г.⁷⁴. В сборник материалов были включены тезисы некоторых докладов, прозвучавших на конференции, и методические материалы. Рецензенты единодушно отметили удачное начало новой краеведческой организации, которая активно развивала свою деятельность, но прозвучала и критика отдельных положений сборника.

В частности, Н. Павлов-Сильванский в рецензии, опубликованной в журнале "Краеведение", оспаривал мысль секретаря правления Омского общества краеведения Васильева о том, в дореволюционный период краеведческие работы носили академический, оторванный от жизни характер и потому "добрых 70 % огромной территории Сибири до сего времени еще совсем не затронуты изучением, а остальные 30 % изучены так, что требуют еще значительных доисследований"⁷⁵. Разумеется, в этом "рискованном", по словам рецензента, утверждении можно найти все: и дух конца 1920-х гг., когда краеведение бурно разворачивало "практическую" деятельность, обращая все свои силы в сферу производства, и нарастающий негативизм по отношению к старой школе краеведения, которую мы сейчас с должным уважением называем академической, и, вполне возможно, стремление продемонстрировать неоригинальную, но политически корректную позицию.

Однако рассуждения о степени неизученности Сибири, если применить их к Среднему Прииртышью и этнографии русских (о другом просто не берусь судить), кажутся в целом справедливыми. Омскими краеведами предпринимались попытки восполнить пробелы в изучении общества. В этом же сборнике была опубликована "Программа длительной исследовательской работы деревенских кружков Омского общества краеведения", третий раздел которой назывался "Культура и быт"⁷⁶. Фактически этот раздел был составлен из программы Л. Бейлина "Краткая инструкция по сбору материала о народном говоре сибирского населения"⁷⁷.

Такая ситуация, какая сложилась у нас в регионе с изучением русских традиций, не была уникальна. В то время вообще на местах делалось не очень много для изучения бытовой культуры, кстати, не только русской. Можно, конечно, полагать, что народная культура, характерные черты быта и история своего народа не были интересны краеведам того времени. Но, вероятнее, такая незатейливая внешне деятельность по сбору этнографических и фольклорных материалов

была не по силам краеведческой общественности того времени. Все, что делалось в 1920–30-е гг. по изучению этнографии (можно добавить: и фольклора) русских сибиряков, выполнялось на очень высоком профессиональном уровне⁷⁸ и, соответственно, только там, где имелись подготовленные к такой работе исследователи.

В целом в 1920–40 гг. опубликовано весьма незначительное количество работ по этнографии русских Среднего Прииртышья. Чтобы сохранить объективность, отмечу, что ряд материалов этнографического и фольклорного характера, собранных членами Омского общества краеведения, не был опубликован. В частности, в архивах хранятся материалы по народному творчеству – свыше 7300 народных песен, частушек, поговорок, сказок и легенд⁷⁹.

Интерес к местной истории и культуре проявляли и краеведы-энтузиасты, которые в первой половине XX в. были увлечены в основном изучением природы края. Но все же некоторые из них изучали местное общество, занимаясь в основном археологией и историей и значительно меньше этнографией и фольклористикой. Но даже те, кто действительно интересовался сюжетами из народного быта, как, например, И.Н. Шухов, увлекались все же нерусскими жителями Омского Прииртышья⁸⁰. Активно участвовали в сборе материалов по традиционной культуре родного края краеведы-фольклористы – Н.Ф. Черников и И.С. Коровкин⁸¹. В.С. Аношин и особенно А.Ф. Палашенков были специалистами по широкому кругу вопросов, связанных с историческим краеведением, включая и вопросы истории населения и его традиционной культуры⁸².

Деятельность почти всех названных краеведов начиналась в Омском Прииртышье еще в 1930–40-е гг. Можно сказать, что эти исследователи родного края создали эталон краеведческого исследования, к которому впоследствии стремились другие, в том числе и современные нам, краеведы. По этой схеме изучение любого места складывается из истории его заселения и хозяйственного освоения, изучения всех доступных сведений о первопоселенцах, сбора материалов по местной культуре и гражданской истории населенных пунктов – какие ярмарки здесь работали, храмы освещались, кто основал колхозы и т. п.⁸³. Но само время не предполагало активной публикации краеведческих материалов, отчего нам известны только отрывочные и краткие публикации того времени. Сознывая это, наиболее деятельные из краеведов специально готовили к сдаче в Государственный архив Омской обл. свои материалы⁸⁴. Сейчас эти материалы доступны в основном специалистам, поэтому предпринимаются шаги для публикации

работ краеведов середины XX в., среди которых есть и очень интересные для специалистов по этнографии⁸⁵.

Во второй половине XX в. краеведческая деятельность не прекратилась. История районов и отдельных населенных пунктов Омской обл. в подавляющем большинстве случаев пишется силами краеведов, многие из которых используют разработанную еще старыми краеведами схему этой работы. Большой интерес проявляют к истории населенных пунктов и их основателям журналисты – сотрудники районных газет. Несмотря на то что интерес этот часто "прикладной", определяемый потребностью в статьях к разным юбилейным датам, делается ими немало. Практически за вторую половину XX в. была написана "летопись сибирских деревень"⁸⁶.

Какие же этнографические сведения отражены в работах современных краеведов? Наиболее систематически эти сюжеты изложены в работе М.В. Куроедова "История Называевска и Называевского района", что, по-видимому, связано с особенностями работы, написанной в качестве учебного пособия для учреждений образования района. В главу 6, которая называется "Образ жизни сибирских крестьян территории современного Называевского района в XIX – начале XX вв.", включены разделы о жилище, домашней утвари, одежде и обуви старожилов. Здесь же освещены вопросы о духовной и общественной жизни крестьян, их образовании и медицинской помощи⁸⁷. Сведения приводятся краткие и достаточно общие. Упоминаются некоторые источники, использованные автором для подготовки раздела, – это, прежде всего, музейные коллекции.

В главе 4 "Русская колонизация урочища Катай в пределах современного Называевского района второй половины XVIII – первой половины XIX вв." приводится легенда о первопроходцах⁸⁸. Запись этого рассказа была сделана местным краеведом В.М. Самбурским в 1960-х гг. в с. Кисляки от Василия Петровича Лаврова. Таким образом, материалов, которые можно было бы назвать этнографическими, в книге относительно немного. Это понятно, так как этот учебник в первую очередь освещает историю района. Очевидно и, добавлю, приятно, что автор обращается к этнографическим материалам, которые органично вписаны в авторский замысел.

Фактически подобная же схема реализована и в других книгах, посвященных районам Омской обл. А.П. Долгушин в очерках "Тюкалинские были" в главе "На пороге потрясений" пишет об особенностях дореволюционного быта, характеризует планировку населенных пунктов, описывает жилище, одежду, орудия труда, праздники и занятия жителей района⁸⁹.

Этот же автор в книге "Сказание о Большеречье" обращает больше внимания на историю первых жителей Большеречья, их фамильный состав и места выхода⁹⁰. В главе "Путь сибирский дальний" рассказывается о дорогах, проходивших через Большеречье, и ямщиках, работавших на них. Приводится семейная история ямщиков Копейкиных – жителей с. Могильно-Посельское. Интересна эта история тем, что Федор Павлович Копейкин вез А.П. Чехова, когда тот проезжал через эти места. Колоритный ямщик запомнился писателю и попал на страницы его книги очерков "Из Сибири"⁹¹. Интересен с точки зрения антропологии и рассказ о причинах перемены фамилии Копейкины на Карелиных в советское время. В главе "Мирские заботы" автор пишет об образе жизни большереченцев, их развлечениях, праздниках, упоминает о работе школ и больниц⁹².

Можно было бы и дальше анализировать краеведческие труды, но очевидно, что структура этих работ, если они имеют хоть сколько-нибудь систематический характер, одинакова. Этнографические материалы в них тесно переплетены с историческими сведениями, а источники, как правило, остаются неохарактеризованными. Изложение сюжетов, связанных с народным бытом, обычно имеет обзорный характер. Более конкретны небольшие статьи, посвященные отдельным темам. Все это показывает, что изучение истории народа, его культуры и быта требует от исследователя специальной подготовки, владения определенными методиками сбора и обработки материала.

Однако заслугой краеведов-любителей является то, что они первыми стали систематически собирать материалы по истории населенных пунктов и традиционной культуре русских нашего региона. Интерес к этнографическим сюжетам в их трудах был "комплексным", а этнографические материалы были включены в сочинения на более широкую тему.

Следующий этап изучения истории Омской обл. начался с возрождением в Омске в 1947 г. Омского отдела Географического общества СССР⁹³. Вся деятельность этого отдела может быть названа краеведческой, так как в центре исследований находились вопросы именно местные. Основным направлением деятельности Отдела стали исследования в области географических наук. Историко-краеведческая работа активно велась в сфере изучения процессов заселения Омского Прииртышья, то есть в области, близкой к географии населения. В "Известиях Омского отдела Географического общества Союза ССР" был опубликован ряд статей о заселении Омской обл. русскими в разные периоды истории⁹⁴. В научный оборот были введены ранее не печатавшиеся материалы дозорных книг XVII в., ревизий населения

XVIII в. и ряд других документов из архивов Тобольска, Москвы и Омска. В результате сложилась цельная картина истории заселения Омского Прииртышья в XVII–XIX вв. В определенной мере обобщил всю проделанную работу труд А.Д. Колесникова "Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв." (Омск, 1973), который фактически является энциклопедией по истории заселения нашего края. Ученые, близкие к Омскому отделу Географического общества, много публиковались в научных изданиях⁹⁵. Печатались их статьи и в местной периодике, на страницах областных и районных газет⁹⁶.

Рассмотренные работы до сих пор используются этнографами при подготовке материалов по этнической истории русских жителей области. Однако с точки зрения нашей науки в этих трудах есть одна информационная лакуна, над заполнением которой и работают сейчас этнографы. Интересуясь местами выхода переселенцев и процессами их оседания в Омском Прииртышье, историки, за редкими исключениями⁹⁷, не учитывали этнической принадлежности вновь прибывавших поселенцев. Следует подчеркнуть, что это и не входило в задачу исторических исследований.

Завершая рассмотрение этого сюжета, отмечу, что научный и общественный интерес к изучению отдельных населенных пунктов или районов высок до сих пор. В последние годы А.Д. Колесников подготовил ряд научно-популярных работ, посвященных истории заселения и освоения отдельных районов Омской обл.⁹⁸. Появились работы других ученых по истории отдельных населенных пунктов области и целых районов⁹⁹. Таким образом, усилиями историков и краеведов, изучающих родные села и деревни, написана история заселения Омской обл. и выделены основные этапы формирования русского населения в регионе. Эти работы стали информационной базой для проведения исследований по этнической истории и выделения групп русских в Среднем Прииртышье.

Следует также отметить значение фольклористических исследований в регионе. Решая научные проблемы, стоящие перед своей наукой, омские фольклористы накопили материалы, важные и для изучения этнографии русских. Активные исследования в области фольклора стали проводиться сотрудниками Омского государственного педагогического института в 1950-е гг. До этого в местной печати публиковались небольшие отдельные статьи, посвященные, по большей части, такому фольклорному жанру, как частушки¹⁰⁰, и отдельные сборники фольклорных текстов¹⁰¹. Систематическое и целенаправленное изучение фольклора связано с именами В.А. Василенко и Т.Г. Леоновой¹⁰². В конце 1970–1980-е гг. в педагогическом институте стал складываться-

ся круг ученых-фольклористов¹⁰³. Собранные полевые материалы хранятся в фольклорном архиве ОмГПУ, имеется большое количество научных публикаций, посвященных местному фольклору¹⁰⁴. Были опубликованы и сборники фольклорных текстов, прежде всего, записанные в Омском Прииртышье сказки, обрядовая и необрядовая лирика. Резко возросла активность фольклористов в 1990-е гг. В это время на базе Омского государственного педагогического университета был организован и активно действует Западно-Сибирский региональный вузовский центр по народной культуре, руководителем которого является проф. Т.Г. Леонова. С 1992 г. Центр проводит ежегодные научно-практические семинары по народной культуре.

Переходя к вопросу об изучении этнографии Омского Прииртышья, следует заметить, что частично эти вопросы были освещены в ряде публикаций, в том числе и монографического характера, которые носили общесибирский характер¹⁰⁵. Некоторые из этих работ были подготовлены историками, другие – этнографами¹⁰⁶. В основном эти публикации опирались на архивные или музейные материалы, а комплексное экспедиционное изучение русских Омской области практически не проводилось.

Экспедиционное изучение этнографии русских Омского Прииртышья началось только в 1970-х гг. В 1974 г. на работу во вновь открывшийся Омский государственный университет (далее – ОмГУ) приехал Н.А. Томилов. В то время он уже состоялся как профессиональный этнограф, имел большой опыт полевых и архивных изысканий. Работая в Томске, Н.А. Томилов собирал материалы и по этнографии русских Томского Приобья. Практически сразу вокруг Н.А. Томилова сложилась группа студентов ОмГУ, увлеченная этнографией. В те годы большая часть студентов специализировалась по этнографии сибирских татар и других народов Сибири. Но уже в 1975 г. небольшая группа студентов собирала материал среди русских сибиряков. Однако проводилась эта экспедиция в Яркковском районе Тюменской области.

В начале 1980-х гг. интерес к русским сибирякам стал устойчивее, что связано с участием сотрудников ОмГУ в каталогизации этнографических фондов Омского и Новосибирского музеев, среди которых были и русские коллекции. В это время активно изучалась культура русских казаков, живших на границе Омской обл. и Северного Казахстана, но были организованы экспедиции и в северные районы области, например Муромцевский. Наибольший интерес в то время вызывала традиционная культура, хотя записаны были и генеалогии русских сибиряков – крестьян и казаков. Начальником Рус-

ского отряда Этнографической экспедиции ОмГУ был в то время старший лаборант Музея археологии и этнографии Г.И. Успенъев.

В конце 1980 – начале 1990-х гг. руководителем Русского отряда стал В.В. Реммлер. Были совершены поездки в разные районы Омской области, но больший интерес вызывали в те годы южные районы, где население было смешанным в этническом отношении, и русские, в том числе и казаки, жили бок о бок с украинцами. Собирали в то время разнообразные материалы, но все же в центре внимания находились исследования этносоциологического характера. Практически все экспедиции 1980-х гг. были маршрутными, когда за одну экспедицию обследовались несколько населенных пунктов.

В 1992 г. была проведена одна из первых стационарных экспедиций к русским, работавшая по комплексной программе. Экспедиция работала в с. Лисино Муромцевского района Омской обл. под руководством Д.Г. Коровушкина. Были собраны материалы по этнической истории, генеалогии, материальной и духовной культуре местных жителей, проведена работа с документацией в архиве сельсовета.

С 1993 г. существует Русский отряд, организаторами которого выступают Омский государственный университет и Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН. Этот отряд принимает участие в выполнении программы работ по изучению этнографо-археологических комплексов (ЭАК), сложившихся в Омском Прииртышье, а точнее, в бассейне р. Тары. В связи с этим в центре внимания отряда находятся проблемы этнической истории русских и первоочередное изучение ряда сфер материальной и духовной культуры – поселения, жилища, погребального обряда¹⁰⁷. С начала 1990-х гг. эти изыскания дополняются работой в архиве, где собираются материалы, которые помогают уточнить и конкретизировать собранные в поле сведения. Среди архивных документов наибольший интерес вызывают материалы ревизий XVIII–XIX вв. и первичные переписные листы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Кроме исследований в так называемом "базовом" для изучения ЭАК районе – Муромцевском, экспедиции проводятся и в других местах Омского Прииртышья: в Тюкалинском, Крутинском, Нижне-Омском районах. В состав Русского отряда входят молодые ученые, выпускники ОмГУ, а теперь аспиранты кафедры этнографии и музееведения ОмГУ – Л.Б. Герасимова, А.А. Новоселова, И.В. Волохина. Активно участвуют в работе отряда студенты ОмГУ, специализирующиеся по этнографии русских на кафедре этнографии и музееведения.

Кроме членов уже названного Русского отряда, в Омске работают и другие этнографы, изучающие этнографию русских Омского

Прииртышья, среди которых первыми следует назвать М.А. Жигунову и Т.Н. Золотову. В центре их научных интересов находятся духовная культура русских Омского Прииртышья и изменения в сфере традиционной культуры, которые происходят в наши дни. Последние публикации показывают растущий интерес М.А. Жигуновой к вопросам этнической истории и этнического самосознания русских Среднего Прииртышья¹⁰⁸. Перу этих исследовательниц принадлежат многочисленные публикации по этнографии русских сибиряков в целом и русских Среднего Прииртышья в частности.

Несмотря на то, что ведется активная работа по формированию источниковой базы по этнографии русских Среднего Прииртышья, опубликованы далеко не все собранные материалы. Большая часть публикаций мала по объему и напечатана в малотиражных изданиях. Даже статей по этнографии Омского Прииртышья не так много¹⁰⁹. Комплексно представлены материалы по археологии, этнографии и фольклору русских Среднего Прииртышья только в монографии "Народная культура Муромцевского района"¹¹⁰.

Как видно уже из заглавия, монография посвящена только одному району Омской обл. – Муромцевскому. Основной идеей монографии является рассмотрение истории одного района с позиций представителей разных наук. При написании книги сотрудничали археологи, этнографы, фольклористы и историки. Это позволило проследить исторический процесс и его особенности в одном ограниченном районе. Выбор Муромцевского района для подготовки книги не был случайным. Этот район довольно хорошо изучен в археологическом отношении. Исследования памятников прошлого, правда эпизодичные, начались здесь еще в конце XIX в. Значительно позже, только во второй половине XX в., в сферу интересов этнографов попали проживающие в районе татары. С начала 1950-х гг. в районе работали фольклористы, с 1970-х гг. начались диалектологические исследования. Первая этнографическая экспедиция побывала в районе в 1982 г.¹¹¹.

В монографии представлены результаты изучения народной культуры района. Специальная глава посвящена культуре древнего населения района от IV тыс. до н. э. до памятников позднего средневековья XVII–XVIII вв. Для анализа культурной ситуации в XIX–XX вв. выбраны две наиболее многочисленные группы: татары и русские. Проанализированы материалы по материальной и духовной культуре по следующим разделам: поселения и усадьбы, домашние ремесла, одежда, пища, народные праздники и современная праздничная культура, семейные обряды, декоративно-прикладное искусство. При этом авторы пытались показать, каким было то или иное культурное явление

ние прежде, насколько различались традиции в зависимости от этно-групповой принадлежности их носителей, как влияла на народную культуру социальная дифференциация. Устное народное творчество характеризуется в монографии в соответствии с его делением на обрядовый фольклор, необрядовые песни и частушки, игровые, хороводные и плясовые песни, народную прозу и детский фольклор. В приложение включены тексты 17 песен с нотами.

Несмотря на то, что книга написана как научно-популярная, ее значительный объем (21,0 печ. л.) позволяет глубоко раскрывать каждую тему, подчеркивая общее и особенное в культуре жителей разных поселений Муромцевского района. Именно внимание к локальным различиям выделяет эту монографию среди прочих публикаций по этнографии русских Среднего Прииртышья.

В 2002 г. была опубликована историко-этнографические очерки "Русские в Омском Прииртышье. XVIII–XX века"¹¹². В основном в ней проанализированы материалы, касающиеся этнической истории русского населения региона. Открывает книгу очерк об исторически сложившихся группах русских Омского Прииртышья. История населения на основании разных источников рассматривается также в главах, посвященных семье русских сибиряков и их антропонимической системе. Отдельные сферы традиционной культуры рассматриваются в очерке по обычному праву русских крестьян Омского Прииртышья и очерке о представлениях русских о "том свете".

В 2002 г. вышла в свет также монография Т.Н. Золотовой "Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX–XX вв.)"¹¹³. Обращаясь к широкому кругу источников, Т.Н. Золотова провела реконструкцию традиционного календаря русских Западной Сибири в целом, но значительная часть опубликованных ею материалов относится к праздничной культуре русских Омского Прииртышья. Отдельная глава посвящена современному праздничному календарю русских сибиряков.

Заканчивая обзор литературы, посвященной этнографии русских Среднего Прииртышья, хотелось бы вновь вернуться к вопросу, поставленному в начале статьи: каково значение локальных (а по другой терминологии – краеведных) исследований в современной этнографии, насколько вообще обоснован такой подход? Фактически, все собранные материалы показывают, что без специальной подготовки и профессионального видения проблемы самые добросовестные и увлеченные поиски дают слабый результат, в лучшем случае приводят к сбору интересных и даже уникальных фактов или предметов. Среди краеведов-энтузиастов самые интересные работы принадлежат тем,

кто имел специальное образование, и увлеченность соседствовала в этих натурах с глубоким знанием предмета¹¹⁴.

Все эти рассуждения вновь возвращают всех нас, исследователей начала XXI в., к дискуссии, которая отгремела в российской науке более семидесяти лет назад. Тогда решалась проблема сущности и форм краеведения. Проф. И. Гревс выступил на страницах журнала "Краеведение" со статьей, помещенной "в порядке обсуждения", в которой доказывал, ссылаясь на И.Е. Забелина, что, "пока областные истории с их памятниками не будут раскрыты и подробно рассмотрены, до тех пор общие наши заключения о существе нашей народности и ее различных исторических и бытовых проявлениях будут голословны, шатки, даже легкомысленны"¹¹⁵.

Об этом же и в это же самое время писал М.Я. Феноменов: "В нашей историографии ... господствует государственно-правовая точка зрения. Ввиду этого и история деревни подменяется обычно историей законодательства о крестьянах... Современная история есть по преимуществу история культуры и быта. Следовательно, для нее яркие жизненные краски необходимы... Мы должны знать, как люди известной эпохи жили, то есть как они работали, как питались, как одевались, как мыслили и чувствовали. Нам нужно знать обстановку их жилища, нам нужно наблюдать их романы и любовные приключения, нам надо подслушать их тайные желания и мысли, нам надо знать предмет их веры или поклонения, надо разобраться в мотивах их взаимной дружбы или вражды... Только тогда, когда мы сумеем все это проследить, мы скажем, что мы знаем эпоху. Только тогда мы сумеем наполнить содержанием те социологические схемы, которые отвечают нашему научному мировоззрению"¹¹⁶.

Эта дискуссия закончилась в полном соответствии с политической практикой 1930-х гг. Несогласные были уничтожены: кто как ученый, а кто и физически. Идеи же, высказанные и отчасти реализованные в 1920-х гг.¹¹⁷, потом периодически возвращались в круг актуальных проблем обществоведения¹¹⁸, но так и не стали последовательно реализуемым принципом нашей работы. Более того, дискуссии 1960–90 гг. вновь остро поставили вопрос о соотношении исследований локальных, или, по терминологии 1920-х гг., четко выражающей их сущность, местных, и общетеоретических работ, задача которых заключается в создании схемы, или, что красивее, разработке концепции развития этносов и даже общества в целом.

Конкретная же практика показывает, что более сложных исследований, чем локальные, нет: трудно подобрать источниковую базу так, чтобы она давала возможность реконструкции фактов этнической

и культурной истории именно в этом локусе, трудно сформулировать задачу, разрешить которую исследователь мог бы с пользой для нашей науки. Действительно, результаты работы меня обычно не устраивают, потому что, выполнив ее, понимаешь, что продвинулся совсем немного, разобрался в истории или культурном факте еще только одного села или небольшой волости.

Видимо, поэтому появляются концепции, которые, как я понимаю, на теоретическом уровне позволяют решить проблему научной целесообразности локальных исследований. К этим теориям я отнесла бы и две разработанные омскими учеными концепции. Одна из них теория локальных культурных комплексов, автором которой является А.Г. Селезнев¹⁹. Другая концепция заключается в выделении и реконструкции этнографо-археологических комплексов, предложенная Н.А. Томиловым²⁰. Особую методику исследований при обращении к локальной истории использует новосибирская исследовательница Т.С. Мамсик. Разработанные ею способы анализа различных документов делопроизводства XVIII–XIX вв. позволяют изучать местную историю на уровне даже не общины, а семейно-родовых гнезд²¹. Источники и методики, применяемые Т.С. Мамсик, способствуют решению вопроса о происхождении тех или иных семей. Это, в свою очередь, дает основания исследовательнице говорить о влиянии на образ жизни и хозяйство семей их этнических традиций.

Все приведенные примеры показывают значимость локальных исследований на профессиональном уровне для современной этнографии. Следует, очевидно, признать, что краеведные исследования есть одна из форм существования этнографии как науки. Именно эта форма нашей науки позволит нам в конечном итоге создать достоверные образы прошлого, проникнуть в мир наших предков.

Примечания

¹ Подробнее об этом см.: *Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середины XIX в.* – М., 1981. – С. 3–4.

² Например, только о русском населении Крайнего севера Сибири в дореволюционной литературе было опубликовано: *Бартеев В.* О русском языке в Обдорском крае // *Живая старина* – 1894. – Т. 1. – С. 3; *Богораз В.Г.* Областной словарь колымского русского наречия // *Сборник отделения русского языка и словесности АН.* – 1901. – LXVIII. – Вып. 4. – С. 1–346; *Зензинов В.* Марковцы и русско-устыинцы (Этнографические параллели и сравнение) // *Этнографическое обозрение.* – 1914. – Т. I–II. – С. 155–161; *Попов Е.П.* Некоторые данные по

изучению быта русских на Колыме // Этнографическое обозрение. – 1907. – Т. I–II. – С. 159–181; *Неклепаев И.Я.* Поверья и обряды Сургутского края // Зап. ЗСО ИРГО. – 1903. – Кн. XXX. – С. 29–230. Этот список может быть без труда продолжен.

³ *Потапов Л.П., Иванов С.В., Маслова Г.С., Соколова В.К.* Историко-этнографический очерк русского населения Сибири в дореволюционный период // Народы Сибири. – М.; Л., 1956. – С. 202.

⁴ О результатах и оценке их работы см.: *Александров В.А.* Итоги и перспективы изучения материальной культуры русского населения Сибири // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1971. – С. 57–74; *Он же.* Проблемы сравнительного изучения материальной культуры русского населения Сибири // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. – М., 1974. – С. 7–21; *Лебедева А.А., Липинская В.А., Сабурова Л.М., Сафьянова А.В.* Изучение материальной культуры русского населения Сибири // Проблемы изучения материальной культуры... – С. 22–109; *Бережнова М.А., Плахотнюк М.А., Томилов Н.А.* Некоторые проблемы изучения культуры русских на современном этапе // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. – Новосибирск, 1995. – Т. II. – С. 83–87; *Болонев Ф.Ф.* Из опыта этнографического изучения русского населения Сибири // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. – Новосибирск, 1998. – С. 16–37.

⁵ *Бережнова М.Л., Плахотнюк М.А., Томилов Н.А.* Некоторые проблемы изучения культуры русских... – С. 83–87; *Бережнова М.Л., Плахотнюк М.А., Томилов Н.А.* Проблемы изучения культуры русских Сибири // Русский вопрос: история и современность. – Омск, 1994. – Ч. II. – С. 3–9; *Томилов Н.А., Коровушкин Д.Г., Реммлер В.В.* Народная культура восточнославянского населения Сибири и ее изучение // Славянские чтения. – Омск, 1992. – С. 36–39 и др.

⁶ *Бардина П.Е.* Быт русских сибиряков Томского края. – Томск, 1995; *Скрябина Л.А.* Основные занятия и подсобные промыслы русского населения Притомья в конце XIX – начале XX в. // Этнические и этнокультурные процессы у народов Сибири: история и современность. – Кемерово, 1992. – С. 113–121; *Она же.* Русское население Притомья: взаимодействие культурных традиций старожилов и переселенцев: Автореф. дис. канд. ист. наук. – СПб., 1995.

⁷ *Очерки культуругенеза народов Западной Сибири.* – Томск, 1995. – Т. 3: *Рындина О.М.* Орнамент. – С. 479–544.

⁸ *Томилов Н.А.* Некоторые материалы по этнографии русских Нижнего Притомья // Вопросы археологии и этнографии Сибири. – Томск, 1978. – С. 133–128; *Он же.* О средствах передвижения русского

населения Нижнего Притомья // Этнокультурная история населения Западной Сибири. – Томск, 1978. – С. 88–95; *Он же*. Русские Нижнего Прииртышья (конец XIX – первая четверть XX вв.). – Омск, 2001.

⁹ См., например: *Зенько А.П.* Современная этническая ситуация в Ханты-Мансийском районе Ханты-Мансийского автономного округа (по данным полевых исследований) // Вестник археологии, антропологии и этнографии [Тюмень]. – 1997. – Вып. 1. – С. 82–85; *Туров С.В.* К вопросу об экологических аспектах сельского хозяйства Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник археологии... – С. 140–149.

¹⁰ *Аргудяева Ю.В.* Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX – начало XX в.). – М., 1997; *Она же*. Старообрядцы на Дальнем Востоке Сибири. – М., 2000; *Семья и семейный быт в восточных регионах России*: Сб. науч. трудов. – Владивосток, 1997.

¹¹ *Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета* / Отв. ред. Н.А. Томилов. – Томск, 1979. – Ч. II: Народы СССР (кроме Сибири) и зарубежных стран. – С. 3–67; *Культура русских в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея* / Отв. ред. А.А. Лебедева, Н.А. Томилов. – Томск, 1994; *Культура русских в коллекциях Тюменского областного краеведческого музея* / Отв. ред. Н.А. Томилов. – Новосибирск, 1997; *Хозяйство русских в коллекциях Новосибирского областного краеведческого музея* / Отв. ред. А.А. Лебедева, Н.А. Томилов. – Новосибирск, 1995; *Хозяйство русских в коллекциях Омского государственного исторического и литературного музея* / Отв. ред. Н.А. Томилов. – Томск, 1993; *Хозяйство русских в коллекциях Тюменского областного краеведческого музея* / Отв. ред. Н.А. Томилов. – Тюмень, 1994.

¹² См., напр., совпадение тематики на уровне монографий: работы по материальной культуре (жилище и одежда) – *Бардина П.Е.* Указ. соч.; *Фурсова Е.Ф.* Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX вв.). – Новосибирск, 1997; *Шелегина О.Н.* Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). – Новосибирск, 1992; на уровне статей: *Золотова Т.Н.* Святочный цикл календарных обрядов русских юга Западной Сибири и Северного Казахстана в конце XIX – первой трети XX вв. // Антропология и историческая этнография Сибири. – Омск, 1990. – С. 162–173; *Любимова Г.В.* О роли детей в обычаях и обрядах календарного цикла (по материалам детских новогодних "посеваний" в Сибири) // Русские Сибири: культу-

ра, обычаи, обряды. – С 53–70; на уровне кратких сообщений: *Бардина П.Е.* Престольные праздники и крестные ходы в Томских селениях // *Русский вопрос: история и современность.* – Омск, 1998. – С. 245–248; *Золотова Т.Н.* Престольные праздники: прошлое, настоящее, будущее // *Русский вопрос: история и современность.* – Омск, 1998. – С. 240–244 и др.

¹³ *Бережнова М.Л., Плахотнюк М.А., Томилов Н.А.* Некоторые проблемы изучения культуры русских... – С. 86–87; *Болонев Ф.Ф.* Из опыта этнографического изучения русского населения Сибири. – С. 17.

¹⁴ *Золотова Т.Н.* Календарные праздники русских Тоболо-Иртышского региона конца XIX–XX вв.: Дис. канд. ист. наук. – Новосибирск, 1997; *Золотова Т.Н.* Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX–XX вв.). – Омск, 2002. См. также статьи: *Она же.* Современное состояние календарной обрядности русского населения Среднего Прииртышья // *Современная духовная культура народов Сибири и Севера.* – Омск, 1989. – С. 130–138; *Она же.* Социально-экономические и религиозно-магические элементы календарных обрядов русских юга Западной Сибири и Северного Казахстана в конце XIX – первой трети XX в. // *Народы Сибири и сопредельных территорий: Межвед. сб. науч. статей.* – Томск, 1995. – С. 246–253 и др.

¹⁵ *Бережнова М.Л.* Ткани и производство одежды из них у русских юга Западно-Сибирской равнины последней трети XIX – 30-х годов XX в.: Дис. канд. ист. наук. – Новосибирск, 1997; *Она же.* Этнографические аспекты изучения народной технологии (Отражение этнической истории русских сибиряков в технологии ткачества) // *Исторический ежегодник. Посвящается 25-летию этнографических исследований в Омском государственном университете и 15-летию кафедры этнографии и музееведения ОмГУ / Отв. ред. Н.А. Томилов, А.В. Якуб.* – Омск, 2002. – С. 50–57.

¹⁶ *Жигунова (Плахотнюк) М.А.* Этнические процессы в сфере духовной культуры русских Среднего Прииртышья // *Современная духовная культура народов Сибири и Севера.* – Омск, 1989. – С. 123–130; *Золотова Т.Н., Плахотнюк М.А.* Роль функции половозрастных групп в культуре русского населения Тоболо-Иртышского региона // *Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития.* – Омск, 1998. – С. 166–170; *Она же.* Трансформационные элементы в культуре русского населения Тоболо-Иртышского региона // *Культура и интеллигенция России в переломные эпохи (XX в.): Тез. докл. Всероссийск. науч.-практич. конфер.* – Омск, 1993. – С. 214–217; *Плахотнюк М.А.* К проблеме взаимовлияния этнических и социально-политических процессов на примере восточнославянского населения

юга Западной Сибири // Региональные проблемы межнациональных отношений в России. – Омск, 1993. – С. 219–224; *Она же*. Изменения в этническом самосознании русских Среднего Прииртышья в середине – конце XX в. // Русский вопрос: история и современность. – Омск, 1998. – С. 221–225; *Она же*. К вопросу о современной духовной культуре русских сибиряков // Проблемы культурогенеза и культурного наследия: Материалы к конференции. – СПб., 1993. – Ч. III. – С. 26–31; *Она же*. Половозрастные группы и система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: Теория, методология, практика. – Томск, 1998. – С. 216–219; *Она же*. Роль женщины в сохранении народных традиций (на примере русских Среднего Прииртышья) // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. – Т. II. – С. 212–214; *Она же*. Этнические процессы в материальной культуре русских Среднего Прииртышья // Народы Сибири и сопредельных территорий. – С. 177–186; *Жигунова М.А.* Современные этнокультурные процессы у русских Среднего Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2002.

¹⁷ *Бережнова М.Л.* О соотношении духовного и материального в похоронном обряде русских // Русский вопрос: история и современность. – Омск, 1994. – Ч. 2. – С. 52–56; *Она же*. Русское кладбище как этнографический источник // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 1995. – Ч. 2. – С. 43–45; *Мельников Б.В., Бережнова М.Л.* Об информативности случайных находок русских захоронений XVIII–XIX вв. для этнографо-археологических реконструкций // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск; Уфа, 1997. – С. 103–106; *Плахотнюк М.А.* Обряды родильно-крестильного цикла у русских Среднего Прииртышья // Народная культура. – Омск, 1997. – С. 6–11; *Она же*. Русская семья: традиции и современные проблемы // Музей и общество на пороге XXI в. – Омск, 1998. – С. 49–50; *Она же*. Современное состояние обрядов и обычаев, связанных с рождением ребенка у русских Среднего Прииртышья // Этническая история и культура народов Советской страны. – Омск, 1991. – С. 125–127; *Реммлер В.В.* Современная свадебная обрядность русского и украинского населения юга Западной Сибири // Проблемы развития культуры народов и изучения культуры по музейным коллекциям. – Омск, 1987. – С. 55–57 и др.

¹⁸ *Бережнова М.Л.* Представления о связях реального и потустороннего мира через умерших у русских Среднего Прииртышья // Русский вопрос: история и современность. – Омск, 1998. – С. 227–231; *Реммлер В.В.* Лось и олень в верованиях и представлениях русских Западной Сибири // Проблемы исторической интерпретации археоло-

гических и этнографических источников Западной Сибири. – Томск, 1990. – С. 124–126; *Шаргородская Т.И.* Образ домового в верованиях русских Западной Сибири // Этническая история и культура народов Советской страны. – С. 153–155; *Она же.* Ведьма и колдун в народных верованиях русского населения юга Западно-Сибирской равнины // Русский вопрос: история и современность. – Омск, 1994. – Ч. II. – С. 77–79; *Она же.* О демонологических персонажах в восточнославянской мифологии (конец XIX – начало XX вв.) // Народы Сибири и сопредельных территорий. – С. 273–277; *Она же.* Семантические аспекты верования русских юга Западной Сибири // Материалы Третьего научно-практического семинара Западно-Сибирского регионального вузовского центра по народной культуре. – Омск, 1996. – С. 37–39; *Она же.* Верования, связанные с животными, у русских Муромцевского района Омской области // Русский вопрос: история и современность. – Омск, 1998. – С. 231–233 и др.

¹⁹ *Бережнова М.Л.* Ткачество русских крестьян юга Западно-Сибирской равнины в конце XIX – первой трети XX вв. // Народы Сибири и сопредельных территорий. – С. 186–200; *Корусенко М.А.* Берестяная посуда русских в коллекциях Тюменского областного краеведческого музея // Русский вопрос: История и современность. – Омск, 1992. – Ч. II. – С. 54–57; *Он же.* Земледельческие орудия русских в коллекциях Тюменского областного краеведческого музея // Этническая история и культура народов Советской страны. – С. 97–99; *Он же.* Керамическая посуда русских в коллекциях Тюменского областного краеведческого музея // Национальные и социально-культурные процессы в СССР. – Омск, 1990. – Кн. II. – С. 104–107; *Плахотнюк М.А.* Традиции и новации в пище русского населения Среднего Прииртышья // Россия и Восток: традиционная культура, этнокультурные и этносоциальные процессы. – Омск, 1997. – С. 55–58; *Чередников А.Л.* К вопросу о семантике пищи в зимне-летних календарных обрядах русских крестьян Западной Сибири // Проблемы антропологии и исторической этнографии Западной Сибири. – Омск, 1991. – С. 120–133 и др.

²⁰ *Богомолов В.Б.* О традициях декоративно-прикладного искусства русских Омской области // Проблемы этнографии и социологии культуры. – Омск, 1983. – С. 113–116; *Он же.* Деревянная архитектура русских Среднего Прииртышья // Русский вопрос: история и современность. – Омск, 1992. – Ч. II. – С. 39–41; *Он же.* Женские рукоделия городского населения Западной Сибири в конце XIX – первой трети XX в. // Урбанизация и культурная жизнь Сибири. – Омск, 1995. – С. 231–234 и др.

²¹ *Волохина И.В., Кадырова Л.М.* К изучению народной медицины русских низовьев Тары (вторая половина XIX – начало XX в.) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск; Уфа, 1997. – С. 41–43; *Реммлер В.В.* Традиционные рукопашные состязания и боевые единоборства русских как объект этнографического исследования // Этнические и социально-культурные процессы у народов СССР. – Омск, 1990. – Кн. II. – С. 49–51; *Царегородцева Т.Л.* Иррациональные приемы в народной ветеринарии русских и украинцев Западной Сибири // Русский вопрос: история и современность. – Омск, 1992. – Ч. II. – С. 51–54.

²² *Козлова Н.К.* Восточнославянские былички о мифическом любовнике. Опыт систематизации сюжетов. Автореф. дис... канд. филол. наук. – Омск, 1996; *Она же.* Смерть в бане. К вопросу о происхождении одного из сюжетов о мифическом любовнике // Статьи о фольклоре и литературе. – Омск, 1996. – С. 43–51; *Леонова Т.Г.* Итоги и перспективы изучения русского фольклора Омского Прииртышья // Русский вопрос: история и современность. – Омск, 1998. – С. 217–221; *Она же.* К вопросу об интеграции этнографии и филологии в изучении регионального фольклора // История и культура Сибири. – Омск, 1996. – С. 44–47; *Москвина В.А.* Символика заговоров // Материалы Второго Западно-Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. – Омск, 1995. – С. 10–25; *Феоктистова И.К.* Образ исчезнувших аборигенов в русских преданиях // Народная культура Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1997. – С. 35–37 и др.

²³ *Жигунова (Плахотнюк) М.А., Золотова Т.Н.* Новые материалы по традиционной духовной культуре сибирских казаков // Источники и методы исследования социальных и культурных процессов. – Омск, 1988. – С. 153–159; *Плахотнюк М.А.* Традиционная культура сибирских казаков в начале XX века // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизации (XVIII–XX вв.). – Омск, 1995. – Т. I. – С. 258–261; *Реммлер В.В.* Свадебная обрядность сибирских казаков (По материалам Горькой линии) // Антропология и историческая этнография Сибири. – Омск, 1990. – С. 149–161; *Он же.* Структурно-функциональная характеристика свадебной обрядности сибирского казачества // Проблемы антропологии и исторической этнографии Западной Сибири. – Омск, 1991. – С. 105–119; *Успенев Г.И.* Одежда сибирских казаков в XIX – первой четверти XX вв. // Проблемы археологии и этнографии. – Иркутск, 1982. – С. 148; *Он же.* Тюркоязычное население в составе Сибирского казачьего войска в XIX в. // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1983. – С. 124–130; *Хвостов Н.А.* Военная организация казачества //

Урало-сибирское казачество в панораме веков: Участие казаков в освоении восточных регионов Сибири. – Томск, 1992. – С. 31–33; *Он же*. Возрождение казачества // Духовное возрождение России. – Омск, 1993. – Секция 3. – С. 161–166; *Он же*. К вопросу уроков истории в межнациональных отношениях (на примере взаимовлияния русского и казахского народов в XVIII – начале XX вв.) // Региональные проблемы межнациональных отношений в России. – Омск, 1993. – С. 295–299; *Он же*. Немцы и сибирское казачество // Немцы Сибири: история и культура. – Омск, 1993. – С. 98–103; *Он же*. Казаки-первопроходцы (к вопросу заселения русскими Прииртышья) // Тарс – 400 лет: Проблемы социально-экономического освоения Сибири. – Омск, 1994. – С. 81–83; *Он же*. Военная форма, знаки и символы Сибирского казачьего войска в начале XX в. // Художественное моделирование и народные традиции. – Омск, 1995. – Ч. I. – С. 27–30 и др.

²⁴ *Решение* национально-культурных проблем Омской области: Научно-исследовательский проект / Отв. ред. Н.А. Томилов. – Омск, 1994.

²⁵ *Земля Сибирская, Дальневосточная* [Омск]. – 1995. – № 9–10. См. статьи по этнографии казаков: *Бережнова М.Л.* Как одевались станичные модницы. – С. 57–58; *Плахотнюк М.А., Громак И.* Стол – Божья ладонь. – С. 58–59; *Шевченко С.П.* От соперничества к сотрудничеству (Сибирская пограничная линия в конце XVIII – первой четверти XIX вв.) – С. 38–41.

²⁶ *Русский* вопрос: история и современность: Тез. докл. Всероссийск. науч. конферен. / Отв. ред. Н.А. Томилов. – Омск, 1992. – Ч. I; Ч. II; *Русский* вопрос: история и современность: Материалы докл. Второй всероссийск. науч. конферен. / Отв. ред. Н.А. Томилов. – Омск, 1994. – Ч. I; Ч. II; *Русский* вопрос: история и современность: Материалы Третьей всероссийск. науч. конферен. / Отв. ред. Д.А. Алисов, М.Л. Бережнова, Н.А. Томилов. – Омск, 1998. – 344 с.

²⁷ *Духовное* возрождение России: Матер. Всероссийск. науч.-практич. конферен. (24–25 мая 1993 г.). Секция 3: Социально-нравственные основы российской государственности, экономики, политики, права. Научный семинар: Русские Сибири: история и современность / Гл. ред. А.А. Обгольц. – Омск, 1993. – С. 114–172.

²⁸ *Резун Д.Я.* Русские в Среднем Причудымье. XVII–XIX вв. (Проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири). – Новосибирск, 1984; *Сибирские* города XVII – начала XX века / Отв. ред. О.Н. Вилков. – Новосибирск, 1981. – 222 с. и др.

²⁹ *Очерки истории города Омска* / Отв. ред. А.П. Толочко. – Омск, 1997; Новосибирск: События. Люди. 100 лет / Отв. ред. Л.М. Горюшкин. – Новосибирск, 1993 и др.

³⁰ *Куприянов А.И.* Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. – М., 1995; *Городская культура Сибири: история и современность* / Отв. ред. Д.А. Алисов. – Омск, 1997 и др.

³¹ *Букин С.С.* Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири (1946–1960 гг.). – Новосибирск, 1984; *Исаев В.И.* Быт рабочих Сибири, 1926–1937 гг. – Новосибирск, 1988.

³² Вопросы истории. – 1993. – № 3. – С. 184.

³³ *Алексеев В.В.* Итоги и задачи изучения урбанизации советской Сибири // *Урбанизация советской Сибири.* – Новосибирск, 1987. – С. 7–28; *Сигалов М.Р.* Развитие городов Сибири как база освоения Сибирского севера // *Русский город.* – М., 1990. – Вып. 9. – С. 75.

³⁴ *Каган М.С.* Философия культуры. – СПб., 1996. – С. 318.

³⁵ О значимости изучения этничности, ее понятии и связанных с нею исследовательских проблемах в мировой науке см.: *Тишков В.А.* О феномене этничности // *Этнографическое обозрение.* – 1997. – № 3. – С. 3–21.

³⁶ Краткие сведения об этнографическом изучении городского населения в отечественной этнографии см.: *Будина О.Р., Шмелева М.Н.* Город и народные традиции русских: По материалам Центрального района РСФСР. – М., 1989. – С. 7–12.

³⁷ Оценку и частичную библиографию трудов названных ученых см.: *Будина О.Р., Шмелева М.Н.* Город и народные традиции русских. – С. 8–12, 19–22.

³⁸ *Томилов Н.А.* Современные этнические процессы у татар городов Западной Сибири // *Советская этнография.* – 1971. – № 6. – С. 87–97; *Он же.* Современные этнические процессы среди сибирских татар. – Томск, 1978. – 208 с. и др.

³⁹ *Ахметова Ш.К.* Этноязыковая ситуация у городских казахов Омской области // *Этническая история и культура народов Советской страны.* – Омск, 1991. – С. 77–78; *Она же.* Традиционная погребальная обрядность казахов г. Омска // *Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (по данным этнографии).* – Омск, 1992. – С. 13–16; *Она же.* Некоторые аспекты этнических процессов среди городских казахов Западной Сибири (по материалам Новосибирской и Омской областей) // *Урбанизация и культурная жизнь Сибири.* – Омск, 1995. – С. 215–218; *Она же.* О формировании казахского населения в г. Омске в XVIII–XX вв. // *280 лет Омску: история и со-*

временность. – Омск, 1996. – С. 17–19 и др.; *Бережнова М.Л.* Установки на межнациональное общение жителей малого сибирского города // Проблемы культуры малых городов Сибири. – Омск; Тара, 1995. – С. 18–21; *Бережнова М.Л., Корусенко С.Н.* Немецкий компонент в составе студенчества Омского госуниверситета // Немцы Сибири: история и современность. – Омск, 1995. – Ч. 1. – С. 114–16; *Богомолов В.Б.* Возрождение церковных ремесел // Духовность русской культуры. – Омск, 1995. – С. 116–119; *Он же.* Женские рукоделия городского населения Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX вв. // Урбанизация и культурная жизнь Сибири. – Омск, 1995. – С. 231–234 и др.; *Золотова Т.Н.* Общественный праздник и его место в культурной жизни современного города (по материалам Омска) // Урбанизация и культурная жизнь Сибири. – Омск, 1995. – С. 238–239; *Кадырова Л.М.* Традиционно-бытовые и профессиональные знания в медицинской практике тарских татар города и села // Проблемы культуры малых городов Сибири. – Омск, 1995. – С. 59–61; *Крузе И.Я.* Межэтнические взаимодействия у городских и сельских немцев Западной Сибири // Урбанизация и культурная жизнь Сибири. – Омск, 1995. – С. 220–222; *Левочкина И.А.* Народный танец: К вопросу о роли танцевального искусства в культуре большого и малого города // Проблемы культуры городов России. – Омск, 1996. – Ч. 2. – С. 48–52; *Лоткин И.В.* Омск: проблемы развития многонационального региона // Международный проект "Урегулирование этнических конфликтов в постсоветских государствах": Бюллетень. – 1995. – № 5. – С. 53–58; *Орешкина Т.И.* Животные в суевериях русских горожан // Этнические и социально-культурные процессы у народов СССР. – Омск, 1990. – Кн. II. – С. 59–61; *Паренчук Т.Н.* Омские родники. – Омск, 1991; *Она же.* Малые города России как основной источник возрождения народных традиций // Проблемы культуры малых городов Сибири. – Омск; Тара, 1995. – С. 55–56; *Патрушева Г.М.* Влияние урбанизации на ход этнических процессов у шорцев Кемеровской области // Индустриальные тенденции современной эпохи и гуманитарное образование. – Омск, 1992. – Т. 2. – С. 45–47; *Она же.* Шорцы сегодня: современные этнические процессы. – Новосибирск, 1996; *Смирнова Е.Ю.* О влиянии города на традиционную одежду татар Омского Прииртышья конца XIX – начала XX вв. // Урбанизация и культурная жизнь Сибири. – Омск, 1995. – С. 234–236; *Томилов Н.А.* Народная городская культура: проблемы этнографического изучения // Урбанизация и культурная жизнь Сибири. – Омск, 1995. – С. 202–205; *Он же.* Проблемы динамики духовной роли городов в постиндустриальной цивилизации // Проблемы культуры городов России. – Омск, 1996. – Ч. 1. – С. 9–12 и др.

⁴⁰ См. сн. 11.

⁴¹ О теории и методике изучения этнографо-археологических комплексов социально-культурного характера см.: *Богомолов В.Б., Томилов Н.А.* Теоретические и методические аспекты археолого-этнографических исследований // *Методологические аспекты археологических и этнографических исследований Западной Сибири.* – Томск, 1981. – С. 125–128; *Томилов Н.А.* Проблема этнографо-археологических комплексов в исследованиях омских этноархеологов // *Этнографическое обозрение.* – 1998. – № 2. – С. 3–14; *Он же.* Этноархеология и этнографо-археологический комплекс // *Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума.* – Новосибирск, 1996. – С. 10–25 и др.

⁴² *Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII–XX вв.)* / Отв. ред. В.П. Корзун, В.Г. Рыженко, Н.А. Томилов. – Омск, 1995. – Т. I–II; *Проблемы культуры малых городов Сибири* / Отв. ред. Г.Г. Волощенко, Л.А. Ступникова, Н.А. Томилов. – Омск; Тара, 1995; *Урбанизация и культурная жизнь Сибири* / Отв. ред. Д.А. Алисов, В.Г. Рыженко, Н.А. Томилов. – Омск, 1995; *Проблемы культуры городов России* / Отв. ред. Д.А. Алисов, Н.А. Томилов. – Омск, 1996. – Ч. 1; Ч. 2; *Россия и Восток: история и культура* / Отв. ред. Н.А. Томилов, Д.А. Алисов, А.П. Толочко. – Омск, 1997; *Россия и Восток: традиционная культура, этнокультурные и этносоциальные процессы* / Отв. ред. Н.А. Томилов, С.Н. Корусенко, А.Г. Селезнев. – Омск, 1997.

⁴³ *Coquen F.-C.* La Sibérie. La population et migration paysans au XIX siècle. – Paris, 1969.

⁴⁴ Ibid. P. 60–84.

⁴⁵ Ibid. P. 85–107.

⁴⁶ Ibid. P. 390–411.

⁴⁷ Ibid. P. 496–556.

⁴⁸ Ibid. P. 739–746.

⁴⁹ См., напр.: *С.Т.* Из Тары: Письмо // *Москвитянин.* – 1851. – Ч. 4. – Кн. 1. – С. 230; *Попов Т.* Поверья, предрассудки, суеверия, пословицы, поговорки и оригинальные слова, употребляемые в Такмыцкой слободе в Тарском округе // *Тобольские губернские ведомости.* – 1866. – № 16–17; *Признаки жизни в чиновничьем городе: Письмо из Омска* // *Сибирская газета.* – 1887. – № 1; *Кривенко С.* Очерк жизни крестьян Тарского округа Тобольской губернии // *Мир Божий.* – 1894. – Т. IX–X. – С. 27.

⁵⁰ См., напр.: *Скалозубов Н.Л.* Опыт обзора крестьянских промыслов Тобольской губернии. С алфавитным предметным указателем

// Ежегодник Тобольского губернского музея. – 1895. – Вып. II. – Прил. 2: Труды комитета по устройству сельскохозяйственной и кустарной выставки в Кургане в 1895 г. – С. 1–105; *Он же*. Народный календарь: Поверья, приметы о погоде и сроки сельскохозяйственных работ у крестьян Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. – 1899. – Вып. IX. – С. 69–80. К работам, посвященным специально отдельным местам Омского Прииртышья, относятся следующие работы: *Попов Т.* Указ. соч.; *Шамаев И.* Общий тип деревенской свадьбы в Тюкалинском уезде // Ежегодник Тобольского губернского музея. – 1902. – Вып. XIII. – С. 1–34.

⁵¹ *Плотников А.Е.* Из истории создания и деятельности в Омске Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества (1877–1917 гг.) // Страницы исторического прошлого Омска. – Омск, 1994.

⁵² См., напр.: *Степанов П.* Путевые записи, веденные во время поездки летом 1885 г. в верховья рек Тартаса и Тары // Зап. ЗСО РГО. – 1886. – Кн. 8. – Вып. 1. – С. 1–24; *Петропавловский Н.* По Ишиму и Тоболу (Из путешествий и исследований крестьянского быта Западной Сибири) // Зап. ЗСО РГО. – 1886. – Кн. 8. – Вып. 1. – С. 1–90.

⁵³ *Шмурло Е.Ф.* Вверх по Иртышу: Путевые очерки // Живописная Россия. – 1902. – Т. 2. – № 67–77; *Кривенко С.* Очерк жизни крестьян Тарского округа Тобольской губернии // Мир Божий. – 1894. – Т. IX–X. – С. 27; *Невисов А.* Иртышский казак // Сибирские вопросы. – 1912. – № 18. – С. 72–82.

⁵⁴ Фактически можно указать только краткое сообщение по диалектологии: *Шахматов А.А.* Материалы для изучения великорусских говоров. № 21. Тобольская губерния. У. Ишимский, Курганский и Тарский, а также г. Омск, по сообщению Л. Буланже // Известия Отдела русского языка и словесности Академии Наук. – 1896. – Т. III. – С. 8.

⁵⁵ *Дудолодов А.* Очерк переселенческого в Сибири движения // Записки ЗСО РГО. – 1886. – Кн. 8. – Вып. 1. – С. 1–46; *Морозов А.* Переселенческие поселки Омского уезда в 1897 г. // Зап. ЗСО РГО. – 1900. – Кн. 27. – С. 1–23; *Кауфман А.А.* Крестьянская община в Сибири (Поместные исследования 1886–1892 гг.). – СПб., 1897; *Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х гг. по 1893 г.).* – М., 1893–1895; *Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири.* В 20 вып. – СПб., 1888–1893; *Материалы по обследованию переселенческих хозяйств в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях.* – СПб., 1905–1906 и др.

⁵⁶ *Седельников А.Н.* Акмолинская область. Учебник родоноведения для школ Западно-Сибирского учебного округа. – Омск, 1916. Об этом учебнике и его авторе см.: *Рыженко В.Г., Захарова Н.А.* Омские краеведы Седельниковы // *Известия Омского государственного историко-краеведческого музея.* – 1994. – № 3. – С. 13–20.

⁵⁷ *Сливко С.А.* Сборник краеведческого материала для учителя и политпросветчика Омского округа (Рабочая книга-справочник). – Омск, 1926. – 108 с.

⁵⁸ О Постановлении Наркомпроса РСФСР об обязательном просмотре краеведческих учебников см.: *Известия ЦБК.* – 1927. – № 5. – С. 181.

⁵⁹ *Голошубин И.* Справочная книга Омской епархии. – Омск, 1914.

⁶⁰ *Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М.* Омский историко-краеведческий словарь. – М., 1994. – С. 62–63.

⁶¹ Подсчеты числа старообрядцев и их распределение по толкам на территории современной Омской области по книге И. Голошубина см.: *Бережнова М.Л.* Старообрядцы в Среднем Прииртышье: мифы и историческая действительность // *Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Посвящается 60-летию профессора Н.А. Томилова.* – Омск, 2001. – С. 187–194.

⁶² См об этом: *Ремизов А.В.* Омское краеведение 1930–1960-х годов. Очерк истории. – Омск, 1998. – Ч. I. – С. 13–115.

⁶³ *Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М.* Указ. соч. – С. 125.

⁶⁴ *Известия ЦБК.* – 1927. – № 4. – С. 127.

⁶⁵ Там же. – С. 128.

⁶⁶ *Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М.* Указ. соч. – С. 125; *Томилов Н.А., Макаров Ю.А.* Омский государственный объединенный исторический и литературный музей (Краткий исторический очерк) // *Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея.* – Томск, 1986. – С. 5–39. О формировании этнографических коллекций и их изучении см.: *Этнографические коллекции в омских музеях // Советская этнография.* – 1981. – № 5. – С. 84–95; *Богомолов В.Б., Томилов Н.А.* Этнографические коллекции Омского государственного объединенного исторического и литературного музея // *Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея.* – Томск, 1990. – С. 7–25.

⁶⁷ *Томилов Н.А., Макаров Ю.А.* Указ. соч. – С. 21.

⁶⁸ *Шухов И.* Охотничий промысел северной части Тарского округа // *Материалы по изучению Тарского округа.* – Новосибирск, 1928. – С. 3–98.

⁶⁹ *Хозяйство русских в коллекциях Омского государственного исторического и литературного музея.* – Томск, 1993, прил.; *Культура русских в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея.* – Томск, 1994. – Прил.

⁷⁰ *Ремизов А.В.* Указ. соч. – С. 20.

⁷¹ *Ремизов А.В.* Указ. соч. – С. 22; *Пугачева Н.М.* Омское общество краеведения во второй половине 1920-х годов // *Областная научно-практическая конференция, посвященная 275-летию Омска. Секция: История Омска и Омской области.* – Омск, 1991. – С. 120.

⁷² *Сливко С.А.* Сборник краеведческого материала для учителя и политпросветчика...; *Материалы Омского общества краеведения.* – Омск, 1926. – Вып. 1.

⁷³ *Программа по сбору краеведческого материала в районе и селении* // *Сборник краеведческого материала...* – С. 105–108.

⁷⁴ См. рецензии на сборник "Материалы Омского общества краеведения", вып. 1: *Краеведение.* – 1926. – № 4. – С. 545–546; *Сибирские огни.* – 1926. – № 4. – С. 171–172.

⁷⁵ *Васильев.* Организация краеведческой работы на местах // *Материалы Омского общества краеведения.* – С. 10.

⁷⁶ *Материалы Омского общества краеведения.* – С. 23–27.

⁷⁷ Там же. – С. 26–27

⁷⁸ Ср., напр., с работами того времени: *Виноградов Г.* Русское население края и его изучение // *Сибирская живая старина.* – Иркутск, 1925. – Вып. III–IV. – С. 306–307; *Он же.* Народная педагогика (Отрывки и наброски) // *Сибирская живая старина.* – Иркутск, 1926. – Вып. I (V). – С. 1–28; *Голубых М.Д.* Казачья деревня. – М.; Л., 1930; *Селищев А.М.* Диалектологический очерк Сибири // *Селищев А.М.* Избранные труды. – М., 1968. – С. 223–389 и др.

⁷⁹ *Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М.* Указ. соч. – С. 189.

⁸⁰ Ср., напр., работы: *Шухов И.Н.* Зыряне Тарского округа и их охотничий промысел // *Известия Омского краеведческого музея.* – Омск, 1928. – № 1. – С. 99–120; *Он же.* Оружие западносибирских ямщиков // *Омская область.* – 1940. – № 3. Интерес к нерусским народам у И.Н. Шухова более академичен, тогда как в культуре русских его, как и некоторых других краеведов, привлекают, прежде всего, курьезные сюжеты.

⁸¹ См., напр., в указателе публикации *И.С. Коровкина* (И. Купалова).

⁸² О деятельности этих краеведов и библиографию их трудов см.: *Ремизов А.В.* Омское краеведение... – Омск, 1998. – Ч. II. – С. 3–65, 91–104; *Вибе П.П.* Андрей Федорович Палашенков // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 1993. – № 2. – С. 6–8; *Он же.* Василий Семенович Аношин // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 1996. – № 4. – С. 323–324.

⁸³ См., напр., современные краеведческие работы: *Долгушин А.П.* Тюкалинские были: Очерки истории города и района. – Омск, 1996; *Он же.* Сказание о Большеречье. – Омск, 1998; *Куроедов М.В.* История г. Называевска и Называевского района. – Называевск, 1997; *Саньков М.* Марьяновский меридиан. – Омск, 1994; *Саньков М.И.* Саргатское притяжение. – Омск, 1999 и др.

⁸⁴ *Ремизов А.В.* Указ. соч. – С. 57–64.

⁸⁵ См., напр.: *Черноков Н.* Предания старины сибирской // Глубинка. – Омск, 1996. – Вып. 2. – С. 30–39 (предисловие и публикация А.В. Ремизова); *Сибирское село Большереченское.* Из записок краеведов [В.С. Аношина и А.В. Горобцова] (предисловие и публикация В.А. Липинской) // Русские. Историко-этнографические очерки. – М., 1997. – С. 155–220.

⁸⁶ Эти публикации отражены в указателе: *Литература об Омской области.* В 61 вып. – Омск, 1962–1992.

⁸⁷ *Куроедов М.В.* Указ. соч. – С. 37–42.

⁸⁸ Там же. – С. 26–27.

⁸⁹ *Долгушин А.П.* Тюкалинские были. – С. 28–32.

⁹⁰ *Он же.* Сказание о Большеречье. – С. 4, 11–17, 21–27.

⁹¹ *Чехов А.П.* Собрание сочинений. В 12 т. – М., 1956. – Т. 10. – С. 16–19.

⁹² *Долгушин А.П.* Сказание о Большеречье. – С. 25–27.

⁹³ *Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М.* Омский историко-краеведческий словарь. – С. 183.

⁹⁴ *Борисов А.Б.* Заселение юга Среднего Прииртышья // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. – Омск, 1958. – Вып. 2.; *Аношин В.С.* Материалы к вопросу о заселении территории Большереченского района // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. – Омск, 1961. – Вып. 4. – С. 109–111; *Колесников А.Д.* Из истории заселения Среднего Прииртышья. Тарский уезд // Известия Омского отдела Географического общества СССР. – Омск, 1963. – Вып. 5 (12). – С. 137–153; *Колесников А.Д.* Заселение русскими лесостепи Прииртышья в XVIII в. // Известия Омского отдела Географического общества СССР. – Омск, 1964. – Вып. 6 (13). – С. 67–87;

Сигутов П.Т. Некоторые вопросы географии сельского населения Омской области // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. – Омск, 1965. – Вып. 7 (14). – С. 113–133.

⁹⁵ *Сигутов П.Т.* Типы сельского расселения в бассейне р. Тары (Омская область) // Материалы по географии населения. – Л., 1963. – Вып. 2. – С. 80–100; *Сигутов П.Т.* Особенности динамики населения Омской области в связи с основными этапами ее хозяйственного развития (дореволюционный период) // Очерки населения и хозяйства Западной Сибири: Сб. ст. – Новосибирск, 1965. – С. 48–71; *Колесников А.Д.* Миграции русского населения в Западной Сибири в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири. – М., 1973 и др.

⁹⁶ См., напр.: *Сигутов П.* Тропами истории (Из истории заселения Муромцевского района) // Знамя труда [Муромцево]. – 1963. – 6, 8, 11, 13, 15, 18, 20 сентября; *Колесников А.* Первые поселенцы // Сибирский труженик [Седельниково]. – 1965. – 3, 10, 17, 24, 31 октября; 5, 14 ноября; *Колесников А.* Первые русские поселения. Из истории родного края // Правда Севера [Гевриз]. – 1968. – 14 мая; 4 июля и др.

⁹⁷ См., напр.: *Сигутов П.Т.* Состав населения Омской области по районам выхода // Природа, население и хозяйство Омской области. – Омск, 1974; *Колесников А.Д.* О национальном составе населения Омской области (Исторический процесс формирования населения Среднего Прииртышья в этническом и национальном отношениях) // Материалы к III научному совещанию географов Сибири и Дальнего Востока. – Омск, 1966. – Вып. 1.

⁹⁸ *Колесников А.* Шербакулю – 100 лет: Очерки истории. – Омск, 1993; *Колесников А.Д.* Омская пашня: Заселение и сельскохозяйственное освоение Прииртышья в XVI – начале XX вв. – Омск, 1999. – С. 63–104; *Он же.* Мое Таврическое: Очерки истории Таврического района Омской области. – Омск, 1999.

⁹⁹ Эти работы отражены в разделе "История отдельных населенных пунктов Среднего Прииртышья" библиографического указателя. См.: *Бережнова М.Л.* Материалы и исследования по истории заселения и традиционной культуре русских Омского Прииртышья в изданиях XIX–XX вв. // Русские в Омском Прииртышье. XVIII–XX вв.: Историко-этнографические очерки. – Омск, 2002. – С. 186–193.

¹⁰⁰ *Линн В.* Колхозная частушка // Омская правда. – 1936. – 30 марта, 21 июля; *Частушки* марьяновских колхозников // Омская правда. – 1936. – 15 января; *О чем поет колхозная деревня: Колхозные частушки* // Омская правда. – 1937. – 5 декабря; *Окушко А.С.* Народное творчество // Омская область. – 1937. – № 11–12. – С. 81–86; *Утков В.* Колхозная частушка // Омская правда. – 1937. – 6 февраля, 3 марта;

Петров П.Е. Игровая песня в Омской области // Омская область. – 1939. – № 1. – С. 65–68; *Утков В.* Заметки о фольклоре // Омская правда. – 1941. – 3 февраля.

¹⁰¹ См., напр.: *Колхозные частушки* / Сост. С.И. Веремей. – Омск, 1937.

¹⁰² См., напр., работы этого времени: *Василенко В.А.* Традиции русской народной песенной лирики Сибири и современная хоровая самодеятельность (По материалам Омской области): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1956; *Леонова Т.Г.* Традиции русской народной сказки в Сибири (По материалам Омской области): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1956; *Василенко В.А.* Русская народная песня в современном песенном репертуаре Омской области (исторические песни) // Уч. записки ОГПИ. – Омск, 1958. – Вып. 11. Сер. историко-филол. – С. 169–183; *Он же.* Тюремно-арестантские и рекрутские песни Омской области // Уч. зап. ОГПИ. – Омск, 1958. – Вып. 11. Сер. историко-филол. – С. 184–208; *Он же.* Хороводно-игровые песни в наши дни (По материалам Омской области) // Русская народная поэзия: Фольклорист. зап. Горьковск. гос. ун-та. – 1961. – № 1. – С. 130–137; *Леонова Т.Г.* Эволюция жанра сказки в условиях современности (По материалам Омской области) // Сибирский фольклор. – Томск, 1965. – Вып. 1. – С. 99–120; *Она же.* Наблюдения над современным состоянием фольклора (По материалам фольклорных экспедиций 1963–64 гг.) // Современный русский фольклор. – М., 1967. – С. 24–42; *Она же.* Пути развития советской народной песни (по материалам Омской области) // Роль фольклора в коммунистическом воспитании. – Улан-Удэ, 1967. – С. 118–127 и др.

¹⁰³ См., напр.: *Новоселова Л.В.* Итоги фольклорных экспедиций в Тарский и Седельниковский районы Омской области (Обзор и публикация материалов) // Фольклор и литература Сибири. – Омск, 1975. – Вып. 2. – С. 45–64; *Она же.* Фольклорная экспедиция студентов Омского педагогического института // Советская этнография. – 1987. – № 5. – С. 153–154.

¹⁰⁴ Среди них отметим: *Фольклор* и литература Сибири. В 2 вып. – Омск, 1974–1975; *Народная культура*: Матер. науч.-практ. семинара Сиб. регионал. вуз. центра по фольклору. В 8 вып. – Омск, 1992–2000; *Народная культура Муромцевского района*. – Москва, 2000.

¹⁰⁵ См. раздел "Исследования общесибирского характера, содержащие сведения об истории заселения и традиционной культуре русских Среднего Прииртышья" библиографического указателя: *Бережнова М.Л.* Материалы и исследования по истории заселения и традиционной культуре русских Омского Прииртышья в изданиях XIX–

XX вв. // Русские в Омском Прииртышье (XVIII–XX вв.): Историко-этнографические очерки. – Омск, 2002. – С. 173–181.

¹⁰⁶ См., напр.: *Апполова Н.Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. – М., 1976; *Громыко М.М.* Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. – Новосибирск, 1965; *Она же.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX вв.). – Новосибирск, 1975; *Она же.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. – М., 1986; *Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.) – Новосибирск, 1979; *Она же.* Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян в XVIII – первой половине XIX вв. – Новосибирск, 1991; *Шелегина О.Н.* Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX вв.) – Новосибирск, 1992; *Этнография русского крестьянства Сибири, XVIII – середина XIX вв.* – М., 1981 и др.

¹⁰⁷ О методике этих работ см., напр.: *Бережнова М.Л.* О методике этнографо-археологического изучения погребального обряда русских Среднего Прииртышья // *Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума.* – Новосибирск, 1999. – Т. 4. – С. 17–26.

¹⁰⁸ См., напр.: *Жигунова М.А.* Об этническом самосознании русских Среднего Прииртышья в конце XX века // *История и культура Сибири: Материалы юбилейн. науч. сессии Омск. филиала ОИИФФ СО РАН.* – Омск, 2001. – С. 258–265.

¹⁰⁹ См., напр.: *Жигунова М.А.* Этнические процессы в сфере духовной культуры русских Среднего Прииртышья: предварительное сообщение // *Современная духовная культура народов Сибири и Севера* – Омск, 1989. – С. 125–130; *Золотова Т.Н.* Современное состояние календарной обрядности русского населения Среднего Прииртышья // *Современная духовная культура народов Сибири и Севера* – Омск, 1989. – С. 130–138; *Она же.* Святочный цикл календарных обрядов русских юга Западной Сибири и Северного Казахстана в конце XIX – первой трети XX вв. // *Антропология и историческая этнография Сибири.* – Омск, 1989. – С. 162–173; *Козлова Н.К.* Мифический любовник в быличках Прииртышья // *Русский фольклор Сибири: элементы архитектоники.* – Новосибирск, 1990. – С. 93–104; *Бережнова М.Л.* Особенности материальной культуры "российских" Муромцевского района Омской области // *Материальная культура народов России.* – Новосибирск, 1995. – С. 81–88; *Она же.* Погребальный обряд русских старожилов Среднего Прииртышья // *Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума.* – Новосибирск, 1997. –

Т. 2: Культура тарских татар. – С. 163–177; *Леонова Т.Г.* Фольклор Омской области: итоги и перспективы изучения // Вестник Омск. отд-ния Академии гуманитар. наук. – 1996. – № 1. – С. 84–96.

¹¹⁰ *Народная культура Муромцевского района* / Гл. редактор Н.А. Томилов, отв. редакторы Т.Г. Леонова, С.С. Тихонов. – М., 2000.

¹¹¹ Там же. – С. 4–11, 166–167.

¹¹² *Русские в Омском Прииртышье (XVIII–XX вв.): Историко-этнографические очерки* / Отв. редактор М.Л. Бережнова. – Омск, 2002.

¹¹³ *Золотова Т.Н.* Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX–XX вв.). – Омск, 2002.

¹¹⁴ Например, И.С. Коровкин был учителем русского языка и литературы, учился в Омском педагогическом институте на литературном факультете. Известен многочисленными публикациями фольклора, который он собирал в Омской обл. См. о нем: *Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М.* Указ. соч. – С. 118–119.

¹¹⁵ *Гревс И.М.* История в краеведении // Краеведение. – 1926. – Т. 3. – № 4. – С. 490.

¹¹⁶ *Феноменов М.Я.* Значение монографического изучения деревни // Краеведение. – 1926. – № 3. – С. 298–300.

¹¹⁷ См., напр.: *Феноменов М.Я.* Современная деревня: Опыт краеведческого обследования одной деревни. В 3 ч. – Л.; М., 1925; *Голубых М.Д.* Указ. соч.

¹¹⁸ Этот принцип реализован, например, в широко известной монографии "*Село Вирятино* в прошлом и настоящем: Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни". – М., 1958. – (Тр. Института этнографии. – Т. XLI).

¹¹⁹ *Селезнев А.Г.* Локальные (ареальные) культурные комплексы как форма существования традиционной культуры (К постановке проблемы) // Интеграция археологических и этнографических исследований: Матер. VI международного науч. семинара. – Омск, 1998. – Ч. II. – С. 57–62.

¹²⁰ *Томилов Н.А.* Этноархеология и этнографо-археологический комплекс // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1996. – Т. 1: Культура тарских татар. – С. 10–25

¹²¹ *Мамсик Т.С.* Хозяйственное освоение Южной Сибири: Механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. – Новосибирск, 1989; *Она же.* Западносибирская приписная деревня в системе товарно-денежного хозяйства: Кайлинская волость по материалам окладных книг 1827 г. – Новосибирск, 1998.

Раздел II. ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА РУССКИХ СИБИРЯКОВ

Очерк 1. Рассказы о переселении

История возникновения русских поселений в Сибири, хозяйственный и бытовой уклад поселенцев, дальнейшее их движение на новые территории представляет значительный интерес. Освоение новых земель, приспособление к жизни в новых условиях и вместе с тем сохранение основных черт традиционного жизненного уклада в материальной и духовной сферах дают возможность говорить об охватившей миллионы человек колонизации территории, измеряемой миллионами гектаров, длительном периоде времени как о сложном процессе развития экономических и социальных структур в переплетении нового и старого укладов и взаимодействии этнокультурных систем в ходе хозяйственного освоения Сибири.

Для дальнейшего продвижения в познании закономерностей и их конкретных проявлений в заселении и социально-экономическом развитии Сибири необходимо изучение микропроцессов хозяйственного, социального, культурно-исторического планов¹. В этом смысле требуется привлечение не только обширного архивного материала и исследований историков прошлых периодов, но и свидетельств самих участников переселений, личных впечатлений, семейных преданий и т. п. Несмотря на некоторую субъективность суждений, невольные искажения при передаче, отсутствие широких исторических обобщений, локальность, эти сведения позволяют выявить интересные бытовые и психологические подробности и детали, мотивировку и причины поступков, дают возможность почувствовать Человека в Истории.

В этом очерке приведены некоторые фрагменты из бесед со старожилами и потомками переселенцев, проживающими в селах Приобья. Хронологический охват довольно широк – от XVIII в. до 20 гг. XX в., датировки безусловно весьма приблизительны, так как основаны на устных свидетельствах респондентов, а сами рассказы касаются некоторых частных случаев, имеющих отношение к конкретным людям и событиям, но не дают полную картину заселения Сибири; однако они позволяют проследить определенные тенденции исторического развития. В связи с этим представляется необходимым предварить рассказы комментариями, позволяющими прояснить некоторые детали повест-

вований, опять-таки не ставя целью дать исчерпывающий анализ всего процесса переселения в Сибирь: этому вопросу посвящены многие и многие исследования.

Мне хотелось бы выразить свою глубокую признательность моим доброжелательным собеседникам, людям преклонных лет, а в особенности моему отцу – Ю.Ф. Гусеву, весьма подробно познакомившему меня с историей моей семьи.

* * *

Среди сельских поселений, связанных с сельскохозяйственным и промышленным освоением земель, можно выделить деревни, села, слободы, заимки, займища, починки, погосты. Тогда как хозяйственно-экономическая сущность займищ, починков, заимок, деревень заключалась в сельскохозяйственной эксплуатации земельных угодий, села, погосты и слободы имели и иные функции. В частности, в наибольшей степени административные функции были свойственны слободам, которые во второй половине XVII – начале XVIII вв. сыграли заметную роль в развитии русского расселения, когда переселенцы и уже осевшие в Сибири русские старожилы начали осваивать лесостепную полосу, более благоприятную, чем таежная, для развития сельского хозяйства².

В Сибири, кроме служилых слобод, такое же название носили поселения, где жители занимались земледелием и пользовались льготами, которые давались новоприбывшим туда поселенцам в уважение к их недавней оседлости. По словам Н.И. Костомарова, "в XVII в. служилые люди ходили по Руси и вербовали народ в Сибирь, заманивая обещаниями разных льгот; сверх того, для перехода давались охотникам подможные деньги. Эти поселенцы обязаны были пахать известное количество земли и, собирая с нее хлеб, доставлять его в города для прокормления служилых; такие слободы назывались пашенными"³.

Слободы основывали двумя путями: в процессе правительственной колонизации и по инициативе частных предпринимателей. В первом случае местная администрация определяла место поселения и "призывала" поселенцев; управление слободой и выроставшими вокруг нее деревнями поручалось назначенному приказчику. Но более распространен был второй путь, при котором и выбор места, и организацию поселения брало на себя частное лицо – слободчик, действовавший с разрешения местной администрации. В качестве основателей

слобод выступали энергичные и предприимчивые крестьяне, часто объединявшиеся с товарищами и родственниками⁴.

Заимки возникали всегда по инициативе самого населения в ходе вольного расселения из других населенных пунктов⁵. В начальный период освоения предоставлялся большой простор для самостоятельного прииска земель. При освоении лесостепных и степных местностей все большее значение стали приобретать заимки; заимочное расселение стало характерным для Сибири.

Обработка полей совершалась вдали от деревни, и заимки строились почти каждым крестьянином. Работник не мог каждый день приезжать домой с далекого поля, поэтому он подолгу жил на месте работы, брал с собой семью и вынужден был обустроиться на новом месте – построить избу или землянку, поставить навес для скота, выкопать яму для хранения продуктов, огородить все это изгородью. Таким образом создавались предпосылки для образования новой деревни.

Достаточно было опахать участок или хотя бы проложить полосы пахоты, чтобы земля считалась занятой. Возникающее новое поселение длительное время сохраняло прочную хозяйственную связь с основным населенным пунктом. Сначала на заимках жили в период напряженных полевых работ и держали отгонный скот. При разделах семьи хозяина на заимку отселяли молодую пару. Иногда и сам хозяин мог жить там по нескольку лет. Наконец, после того как пригодность вновь выбранного места была окончательно оценена и оно хозяйственно освоено, на заимку переселялись окончательно, и она становилась новым постоянным населенным пунктом. Превращение заимки в многодворное поселение проходило путем роста и расселения семьи основателя. Нередко к первопоселенцу подселялись другие семьи.

Факты переездов к родственникам "во вновь отысканные" места, богатые пашенными землями и промысловыми угодьями, часто отмечаются в литературе.

Первоначально право первого захвата было единственным регулятором поземельных отношений. Затем же, при увеличении населения, неизбежно возникали недоразумения и распри, поэтому появилась необходимость раздела земель между волостями и отдельными домовладельцами, для чего приглашались землемеры.

Вольное переселение крестьян в южную полосу степей совпало со стремлением правительства обеспечить рабочими руками и сельскохозяйственными продуктами горные заводы. Поэтому с конца 1750-х гг. правительство поощряло и организовывало переселения добровольцев, создавало компактные группы селений ссыльных. Развивающемуся горнодобывающему и металлургическому производству

требовалось все больше рабочих рук, для обеспечения горнозаводских работ правительство приписывало к заводам окрестные селения, крестьяне которых обязаны были регулярно отрабатывать заводские повинности. В Западной Сибири к 1761 г. к заводам были приписаны все деревни Бийского, Томского и Кузнецкого уездов⁶.

Селения, в которых проживали каменщики, получившие в 1792 г. статус инородцев и именовавшиеся русскими ясачными, окрестными жителями назывались "ясашными", или "ясак", это название долго сохранялось и после отмены в 1878 г. статуса ясачных. "Ясашные" не прерывали родственно-земляческих связей с населением приобских, кулундинских, иртышских селений⁷. Это, вероятно, нашло отклик в рассказе В.Ф. Щербининой, который приводится далее.

Переселенцы XVIII в., осуществлявшие колонизацию на свой страх и риск, вынуждены были опираться на идейно-религиозную организацию с регулятивной ролью религиозно-идеологических авторитетов в условиях, когда мелкое товарное производство функционировало при отсутствии или недостаточной силе государственной власти и ее идеологического института – официальной церкви. Скитники, идеологи раскола, составляли органическую часть общественной структуры пионерного отряда колонистов. Нетерпимое отношение церковной и светской властей к религиозной самостоятельности населения на старозаселенных территориях, преследования расколоучителей являлись важным фактором перемещения населения в малообитаемые районы. Деятельность скитника не была самостоятельной. На первых порах, когда покровители его, намереваясь заняться пашенным хозяйством, вели опытные посеы и заводили огород, "старик" не только молился, читал книги, но при отлучках хозяина, выполнял в его хозяйстве роль сторожа. По мере заполнения территории новопоселенцами расколоучитель обнаруживал свою социальную роль духовного наставника. Общее моление, душевспасительные беседы, выполнение треб и т. п. – этими средствами "старец" помогал семье промысловиков превратиться в реальных хозяев новой территории, осознать себя, свою роль и место. Скитниками были чаще всего родственники первопроходцев или деклассированные лица, оторванные от своей сословно-классовой среды. Отмечено, что мастеровые, солдаты, заводские крестьяне, убежавшие от подневольного труда или службы в глухие места, будучи в момент побега равнодушны к вопросам веры, в результате жизни в скитах и заимках превращались нередко в поборников раскола под влиянием идеологов старообрядчества⁸. Как мы видим из рассказа Ю.Ф. Гусева, такого же рода процессы происходили и в XIX в.

Основным занятием поселенцев было земледелие, которое, превращаясь в товарную отрасль, вызывало необходимость строительства водяных и ветряных мельниц. Первыми обзаводились мельницами наиболее состоятельные крестьяне.

Пашня и мельница гарантировали стабильный доход старожилам. Складывалось типичное для Сибири комплексное многоотраслевое мелкотоварное производство. Потребительские отрасли играли в экономике края подчиненную роль, но благодаря им рос фонд накопления, что создавало условия для осуществления расширенного воспроизводства, несмотря на экстенсивный в целом характер хозяйства. Перевод к расширенному воспроизводству осуществлялся на основе труда членов семейных коопераций, а затем – на базе сочетания труда семейных и наемных работников⁹.

В XIX в. миграционные процессы внутри Сибири и приток населения с основной территории значительно совпадают. На территории Западной Сибири шло дальнейшее развитие сложившегося расселения, укрупнение населенных пунктов путем разделения больших семей и подселения новых жителей¹⁰.

В начале XX в. основным мотивом для переселения из европейской части России было отсутствие земли, бедность, надежда на изменение судьбы на новом месте. Все новоселы мечтали сделаться самостоятельными хозяевами, но не всем удавалось осуществить свои намерения.

* * *

Приведенные далее сведения были собраны учителями школы д. Малышево Сузунского района Новосибирской обл.

"В 1700 г. на вечное поселение были выселены семьи Некрасовых, Мелентьевых, Поротниковых, Полуниных, Малышевых. Образовался пос. Слобода. Семьи увеличились и расселились "колодами" (несколько семей, объединенных на родственной основе). Одиночки-беженцы и семьи Пятковых, Ельчиных, Климовых также приехали сюда. В 1720 г. Слобода из-за разлива оказалась почти на острове. Селение перенесли на правый берег Оби, назвали его Новая слобода. "Колода" Поротниковых поселилась у устья р. Чируха, сейчас это д. Поротниково, "колода" Малышевых по р. Каменка, ныне – Малышево. Обь разливами вытеснила Новую слободу, жители переселились к Поротниковым и Малышевым, переселение завершилось к 1725 г. В 1763 г. они были приписаны к заводам в предгорьях Алтая для несения обязательных повинностей".

Следующий рассказ был записан в д. Кондаурово Кольванского района Новосибирской обл. учащимися местной школы со слов старожилов.

"Первыми жителями были братья Кузьминых, затем приехали Ковригины, Некрасовы. Сначала деревня называлась Тропинская заимка, здесь были выделены для крестьян земли, ездили на сезон. Из Тропино ездить было далеко, стали на заимке жить постоянно, назвали село по фамилии землемера, нарезавшего землю – Кондаурово".

Далее приводятся рассказы жителей Новосибирской обл. об истории их семей. Текст рассказов приводится после указания фамилии, имени, отчества рассказчиков и места их жительства.

Алексей Васильевич Семиколонов, 1932 г. р., житель д. Средний Алеус Ордынского района Новосибирской обл.:

"Предки были из Курской и Тамбовской губ. Дед был крепостной, деда приехали уже женатые в Долганку до отмены крепостного права.

Вот что рассказывала мать. Жили в России, раз по деревне ехал барин, когда гнали крестьянских коров. Барин увидел одну телку – велел зарезать к завтраку, но зарезали другую. Барин увидел, что его приказ не выполнили и велел пороть виноватых. Тот, кого наказали, возмутился и поджег барскую усадьбу, было следствие и его сослали в Сибирь. Там он увидел, что нет крепостного права, жить можно. Вернулся и подговорил крестьян. Ночью мужики подожгли барина и уехали. В этой компании был и мой дед. Дедова семья приехала с 25 коп., а чтобы приписаться, нужно было четверть купить, дед напоил старосту и тогда приписали. Батрачил. Бабка по матери была из однодворок, земли не было, но не в крепостном праве.

Дед по отцу в Кузьминку еще раньше приехал по своей воле с семьей. По рассказам, ехали долго, кругосветом на конях".

Евдокия Андреевна Ярцева, 1915 г. р., жительница с. Верх-Ирмень, Ордынского района Новосибирской обл.:

"Родители из России, из Рязани, мама 1881 г. р., приехали в 1890 г. в д. Поперечную (Крюково). Мама вышла замуж уже в Верх-Ирмени, дразнили ее "рязанью".

В Верх-Ирмени большинство жили чалдоны, а в Поперечной – мордва. Были ссыльные, калужские. У них полотенца – "заборы" тканые. Мама набожная была – за хлеб берется, за еду, за предметы какие-нибудь – крестится. Курей утром будили кочергой, чтобы лучше неслись. Скот тоже будили. До восхода помешивали еду, пшеницу в мешках, муку, чтобы не переводились".

Юрий Федорович Гусев, 1923 г. р., житель Новосибирска:

"Мой дед Фома Петрович Зайков, 1840 г. р., пошел в Сибирь из Тамбовской губ. с матерью и сестрой Анной, Фоме было 8 лет, сестре 13. Глава семьи, отец Фомы, был малохольный, не любил работать, искал легкой жизни. Хозяйство отца Фомы – Петра – было очень бедное, он работал на отходных промыслах, в строительных артелях. Работал все лето, зимой приезжал. Мать была батрачка. Под Тамбовом земли были мало. Кур выпускали на крышу и кормили соломой. Мужикам, которые собирались идти в Сибирь, давали подъемные, они распродавали свой скарб. Ушел Петр налегке, и ни слуха ни духа года четыре. Вестей не подавал, узнавали через других, где он, что с ним. Обосновался он под г. Бийском в с. Казанке. Семья ждала его, а потом пошла за ним. Шли пешком около трех лет по Сибирскому тракту. На тракте стояли дежурные избы, в которых общество назначало кормить путников. Семья в пути побиралась. Анна была постарше, стеснялась просить кусочки, а Фома просил. Пришли в Казанку. Петр каким-то образом превратился в монаха или отшельника Питирима, построил в лесу избу. Семью свою не признал. Мать пошла в батрачки, Фома подпаском. Получилось, что одиннадцати лет Фома пришел в Сибирь, а к тринадцати уже они поднакопили деньжонок. Леса на строительство было полно, сначала они жили в землянке на краю деревни. Фоме выделили надел, стали они обрабатывать его. Сначала было две десятины, а потом еще прибавляли.

Как обществу поставят самогону, так и прибавляли. К 16 годам Фома стал настоящим крестьянином. У него была практическая жилка. Он нанялся к Асановым, известным богатым купцам, у них были гостиницы, магазины в Бийске, Барнауле, Иркутске. Перегонял овец, копей по Чуйскому тракту. Он и перегонял, и охранял стада от алтайцев, которые промышляли грабежом. В Монголии он обменивал животных на зеркала, бусы и т. п. Это был натуральный обмен, ясно, он оставлял что-то себе. В результате, он построил настоящую сибирскую усадьбу. Отцу он построил скит – простой сруб 1,5 x 2 и с односкатной крышей, покрытой корьем, с узким окном, тесовым полом. Скит этот стоял в усадьбе. Скит не отапливался, Питирим жил там и летом, и зимой, а замерзнет – идет в избу к сыну. Изображал знахаря, женщины носили ему еду. Питирим был из старообрядцев австрийского согласия.

Фома стал участвовать в маслобойном кооперативе. Из Бийска организовывали обозы до Москвы и Санкт-Петербурга. Писался он как крестьянин, а все стремился в купцы. Организовал рядом с подворьем "веревочный завод". Там вили веревки типа шпагата из льна вручную, работало два работника. На утрамбованной площадке стояло пять деревянных приспособлений для витья. На доходы от веревочного про-

изводства Фома построил заимку в тайге в 10 верстах от поселка, водяную мельницу, двухэтажный дом в Бийске. Помогла торговля с Монголией, монголов буквально грабили. Во время войны Фома Петрович брал подряды на поставку кожи, пшеницы. У него оставалась мечта стать купцом. В гильдию купцов записывали с определенным оборотным капиталом. Но новых пускали с большим трудом. У них были привилегии – если купец, то выдавался патент на магазин, сразу на питейное заведение. Фома к этому времени писался как мещанин, пользовался авторитетом. А в купцы стремился, так как сам мог бы свой товар продавать без посредников. Его должны были вот-вот принять, а тут революция. Он сразу от этой мысли и отказался".

Тимофей Федорович Чанов, житель д. Верх-Сузун Сузунского района Новосибирской обл.:

"До Новониколаевска ехали медленно, долго по железной дороге. От Новониколаевска ехали по Оби на пароходах, лодках. Причаливали к берегу у больших и малых поселений, везде нас встречали враждебно настроенные местными властями сибиряки. Они отказывались продавать хлеб, сало. В селах переселенцев не принимали, требовали плату за каждую душу и четверть водки на угощение общества. За прописку в некоторых сельских общинах брали до 70–100 руб.

В 1908 г. в Новониколаевске была эпидемия, стали спешно отправлять переселенцев. Добравшись до Алтая, переселенцы обязаны были регистрироваться в Барнауле, становясь "одворенными", на них накладывался оброк – 6 руб. в доход царя. Назывались они "шестой номер" – по номеру списка, в котором регистрировались безземельные".

С.Е. Строганов, сын переселенца Е.Я. Строганова, житель с. Верх-Сузун Сузунского района Новосибирской обл.:

"Отцу было 8 лет, когда его семья приехала из Курской губ. в 1912 г. в Верх-Сузун. Числились под "шестым номером", так как не имели земли. Было их четверо братьев, приехали зимой в крещенские морозы. Нашли себе пристанище в землянке у местных крестьян. Работали на лесозаготовках, нанимались в поденную. Из долгов выбиться не могли. Отец пошел в батраки, пахал, сеял. После Первой мировой войны построили себе избенку, завели огород, обнесли его частоколом. Когда свершилась революция, отец пришел как-то вечером и говорит: "Ну все, ребята, теперь все наше будет"

Михаил Маркович Портнягин, 1920 г. р., житель д. Мереть Сузунского района Новосибирской обл.:

"Переселенцы к старосте приезжают, за самогон покупают землю. Земли много было. Староста и показывает, что твоя земля будет "от сосны до того места, где сорока летит"

Во время переселения в Сибирь в 1920-е гг. большого числа немцев из европейской части России несколько немецких семей жили в Мерети. У сибиряков работа по хозяйству традиционно делилась на мужскую и женскую. Жена не обязана была давать сена корове, рубить дрова – это мужская работа, муж же не обязан ходить за водой – это женская работа. Увидев, что немец-сосед несет воду, рассказчик сказал полушутя-полусерьезно: "Не позорь Сибири, не носи воду". Однако когда Портнягин сам обзавелся семьей и ему как-то пришлось нести воду, то его сосед уже мог попенять: "Что ж ты, сибиряк, воду-то носишь?" Правила и традиции были довольно подвижны, люди в основном руководствовались житейскими соображениями и потребностями семьи.

Валентина Францевна Щербинина (Бальцер), 1917 г. р., жительница д. Базой Томской обл.:

"Родители приехали из Витебской губ. Доехали до Базоя, старожилы их не приняли, тогда немного отъехали в сторону, к болотцу, его немного раскопали, чтобы вода была, основали д. Березовую. Сейчас ее нет, это место распаханно. Сама я была еще грудным младенцем. Приехавшие семьи жили в землянках, боялись прихода белых. Все жители деревни ушли, попрятались, а мои мать и тетка не успели. Вышли из землянки и увидели конных белых. Мать стала щипать меня, я заплакала, мать сказала, что ребеночек болеет, тиф у нее или еще что. Белые покрутились, покрутились и уехали. Потом говорили, что кто-то из нас счастливый – или я, или мать, или сестра ее.

Чалдоны жили зажиточно, хорошо, других заставляли работать, но и сами здорово работали. Раньше еще жили кержаки, их называли "ясашные". Когда они узнали, что будет советская власть, они стали выкапывать землянки и зарываться в них, некоторые самосжигались в ямах. На месте такого захоронения осталась большая яма, а там были и мебель, и все вещи".

Анна Ивановна Рогова, 1895 г. р., жительница д. Шипуново Сузунского района Новосибирской обл. рассказала, что ее семья переселилась в 1920-е гг. Им приносили крынки с молоком, сметаной. Сибиряки топили дровами, и это было удивительно. Сама Анна топила навозом, который сушила и складывала на огороде. Сосед ей говорил: "Не позорь Шипуново, не топи навозом".

Мария Михайловна Ишимова (Довкина), 1905 г. р., жительница районного центра Маслянино Новосибирской обл.:

"Привезли в Сибирь в 1920-е гг. Семья большая, семеро детей, роздали по нянькам, в работники. Жили в Расее около Вятки. Жила в Изыраке, потом вышла замуж в Бубеншиково. В Расее плохо стало

жить, покосов не было, а держишь коровушку. Кержаки были в Бубенщиково, на них работали, нанимались в “поденку”. В Сибири лучше держать скотину, чем в Расее. Легче жить, проще косить и есть что косить. Стали капусту садить, в Расее места не было, огурцы стали садить”.

Валентина Сергеевна Елкина (Поликанова), 1930 г. р., жительница районного центра Маслянино Новосибирской обл.:

“Приехали родители из России с Рязани в 1923 г. Были бедняки. Дед был маляр и штукатур. Папа из Пирогова, мама с Ухрова. Женились уже в Сибири. Ехали месяц в телячьих вагонах, жили в батраках. Жили у кержаков Худяковых на квартире. Хорошие они были, добрые, покормят. Не было земли в России, не могли садить капусту, огурцы. Хлева для коровы не было, коров в Рязани заводили доить в дом. Напоят, распарят солому резаную в колоде, накормят коровушку. Сена не было. В дом заводили, так как холодно, а леса для хлевов не было. В Сибири лес был, ставили хлева, крытый двор, или пригон, иными словами. Попервоначально для поросят, кур землянушку делали. Выкопают в земле, сруб в яму опустят, над землей выведут, сверху – жерди, земля, дерн”.

Анна Михайловна Лагуткина (Игнатова), 1905 г. р., жительница д. Кирза, Ордынского района Новосибирской обл.:

“Жили в Рязанской губ. Ямской слободе в д. Каменной. Тринадцать лет меня привез отец, здесь уже жил его брат в течение пяти лет. В семье все братья были кузнецы. В России давали четверть земли на мальчика, а в Сибири земли было много. Высокие здесь росли конопля. Братья взяли весь инструмент кузнечный, он тяжелый, клали доски и толкали по сходям, чтобы погрузить. Ехали поездом. Переехали через Уральские горы, наблюдали пароходы на реках, удивлялись, дети говорили: “Домики, домики на воде”. Потом пароходом плыли, опять по доскам наковальни грузили”.

Екатерина Степановна Мимошина (Рыбакова), 1913 г. р., жительница д. Средний Алеус Ордынского района Новосибирской обл.:

“Жили в Нижегородской губ., д. Лихачи.

Привезли меня семи лет, легче прожить было в Сибири. Как приехали, отец решил строить дом. Но для начала взяли плохоньку избенку. А сначала отец построил пригон, так как уже была корова. А потом дом-пятистенок построил. Прихожка, горница были. Печь налево, направо дверь в горницу. Полати были. На них дети спали. Купил лошаденку. Когда загнали в колхоз, лошадь подохла, отец, как узнал, так ушел и плакал в огороде. Заболел отец тифом и помер. Крышу на

дому не успел до конца покрыть, тес был, так и лежал во дворе. Так его бабушка и сожгла на дрова, что она одна-то сможет сделать".

Очерк 2. Предания и легенды русских сибиряков

На двадцать пятой сессии Генеральной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, проходившей с 17 октября по 16 ноября 1989 г., была принята рекомендация о выявлении, хранении, обеспечении сохранности и распространении фольклора, согласно которой "Фольклор (или традиционная и народная культура) есть совокупность основанных на традициях культурного сообщества творений, выраженных группой или индивидуумами и признанных в качестве отражения чаяний сообщества, его культурной и социальной самобытности; фольклорные образцы и ценности передаются устно, путем имитации или другими способами. Его формы включают, в частности, язык, литературу, музыку, танцы, игры, мифологию, обряды, обычаи, ремесла, архитектуру и другие виды художественного творчества"¹¹.

Народная сказочная проза (предания, легенды, мифологические рассказы – былички и бывальщины) дает огромный, поистине неисчерпаемый материал для изучения традиционной культуры любого этноса. Применение сравнительного метода, разработанного в трудах выдающихся отечественных ученых – А.Н. Веселовского¹², В.М. Жирмунского¹³, Б.Н. Путилова¹⁴, – позволило, при всем многообразии конкретных текстов, установить существенное сходство представлений, порождающих мотивы и сюжеты повествований. Таким образом, изучение отдельных форм традиционной духовной культуры какого-либо одного этноса, проведенное на материале записей определенного периода, имеет важное значение для исследования традиционной народной культуры в целом.

В центре внимания автора данного очерка – предания и легенды русских сибиряков, записанные на территории Омской обл. во второй половине XX в. (по материалам фольклорного архива ОмГПУ). При рассмотрении преданий использованы также некоторые опубликованные источники XIX–XX вв.¹⁵.

Предания

Предания можно в самом общем виде определить как устные народные рассказы о прошлом, имеющие установку на достоверность, для которых характерны следующие основные функции: информативная и объяснительная.

Предания русского населения Омской обл. впервые стали предметом специального исследования в 90-е гг. XX в.¹⁶ В материалах указанного архива было обнаружено более ста текстов. При рассмотрении сюжетно-тематического состава первоначально за основу была взята классификация Н.А. Криничной, разработанная исследовательницей на региональном материале Русского Севера¹⁷, но являющаяся наиболее универсальной и потому применимой к материалу других регионов. В результате были выявлены следующие особенности сюжетно-тематического состава русских преданий Омской обл.

1. Пока не обнаружены предания о предках, родоначальниках (именуемых на Русском Севере "панами"). Есть основания полагать, что этот факт связан с историей заселения и освоения нашего края, его сравнительно поздней колонизацией.

2. Предания остальных групп имеются в архивных материалах (предания об аборигенах края; о кладах; о силачах; о разбойниках; о борьбе с внешними врагами; об исторических лицах).

3. Некоторые тексты можно отнести одновременно к двум группам, выделенным Н.А. Криничной: предания об исторических лицах в местных материалах являются одновременно и преданиями о борьбе с внешними врагами (таковы предания о Ермаке).

4. Наиболее широко в архивных материалах представлены предания о заселении и освоении края (около половины текстов). Среди преданий данного типа большая часть текстов содержит в качестве основного топонимический мотив.

Заселение и освоение края не было одномоментным или хотя бы сжатым по времени актом. Процесс был длительным и неравномерным. Поселенцы были выходцами из разных мест, они могли иметь особенности в деталях костюма, жилища и проч., но было у всех нечто общее: осваивая новый край, обживая новое место, они стремились установить и закрепить с ним свою связь – назвать его, построить свою систему координат. Таким образом, все места, где селятся люди, получают свое название. Его не дает сам первопоселенец, поскольку в русском языке развита система личных местоимений и не принято говорить о собственной персоне в третьем лице. Следовательно, выражение "мой хутор", "моя заимка" и т. д. не могут выполнять функцию

имени собственного. Название дают люди из ближайшего окружения – соседи или потомки. В ряде преданий о заселении и освоении края топонимический мотив связан с понятием жизнедеятельности, включающим: 1) основание села, то есть строительство первого дома; 2) владение участком земли (данные элементы мотивов отмечены в "Указателе типов, мотивов и основных элементов" Н.А. Криничной)¹⁸, 3) жизнь или временное пребывание на территории, 4) деятельность.

Например: 1) "Как возникла д. Терехово? – Было это давно. Проходило здесь войско Ермака. Несколько семей осталось на этом месте жить. У одной семьи была фамилия Тереховы. Отсюда и название. А их потомки до сих пор живут"¹⁹; 2) "Раньше в д. Михайловке Колосовского района жил богатый Фиклис. У роши была его земля, поэтому и роша называется Фиклисовой"²⁰; 3) "Да я толком не знаю, почему наша деревня так называлась [д. Ботвино]. Может, потому, что много жило у нас Ботвиных"²¹; 4) "Есть у нас в Карасуке Кирюшин колок. Почему так зовется? Да был в соседней деревне сливковоз Кирьян, хороший мужик, любили его все. А вот как повезет сливки на завод., так заезжает в колок. А у него там туесок стоял, отольет сливок – и на завод. Обратное едет, выпьет сливок и только тогда назад, в деревню..."²².

В архиве имеются также тексты преданий, в которых происхождение топонима связано с трагической смертью какого-либо жителя села, данный элемент мотива также не отмечен в "Указателе" Н.А. Криничной: "Правее Коновалихи – Пашкино болото, ездят, сено косят. Когда-то, говорят, какой-то Пашка там тонул"²³; "Аксинья ляга. Это километров пятнадцать отсюда. Такое есть болото, страшно болото... Когда-то какая-то Аксинья шла, а там пожар был, горело. И она сгорела там, легла навечно"²⁴. В приведенных примерах обращает на себя внимание связь трагических смертей с "нечистым" местом – болотом, хотя причины гибели людей как бы антонимичны: в первом случае человек "тонет", то есть причина связана с водой (или жидкой опасной почвой), а во втором – "сгорает" (связь с огнем). В предании "Настасьин лог" рассказывается о женщине по имени Настасья, несправедливо обвиненной людьми в колдовстве и в результате этого убитой: "<...> Пошла она раз за травами в лог. Они и увидели ее в лесу <...> И убили ее в том логу"²⁵.

Тексты последней группы находятся тем не менее в общем ряду, то есть даже и в этих преданиях топонимический мотив связан с понятием жизнедеятельности, так как отражает в неявном виде народные представления о жизни души после смерти тела. Как отмечал Д.К. Зеленин, "по народному воззрению, заложенные (то есть умершие неестественной смертью) покойники доживают свой век за гробом, то

есть после своей насильственной смерти живут еще столько, сколько они прожили бы на земле в случае, если бы смерть их была естественной. Живут они все это время на месте своей насильственной смерти..., все действия таких покойников направлены ко вреду человека"²⁶. В двух текстах особенно заметна устойчивость подобных топонимов: исполнители ничего не могут сообщить о личности погибших ("какой-то Пашка", "какая-то Аксинья"), но зато хорошо осведомлены о причинах и даже обстоятельствах смерти. Следует отметить также, что топонимы последнего типа относятся к природным объектам, а все остальные ранее рассмотренные – к культурным (село, хутор, заимка и т. д.) и, реже, природным (роща).

Позднее были исследованы предания об аборигенах края, причем в ходе работы автор уточняет наименование этой группы, в результате чего тексты получают название "предания об исчезнувших народах". Вначале были рассмотрены локальные особенности преданий о чуди на материале текстов, записанных в Большеуковском, Горьковском, Муромцевском, Нижнеомском, Саргатском районах Омской обл.²⁷. Выяснилось, что исчезнувшие аборигены ("дикие люди", "дикари", "чуди", "чукмены", "черный народ") имеют очень устойчивый образ. Это дикие, мохнатые, черные люди, которые ходили голыми: "Дикари были, они были черные", "говорили, что черный народ жил", "мохнаты все были с ног до головы", "черные, как негры, как земля, были". Эти исчезнувшие аборигены не имели орудий труда, ели сырое мясо, – "как собаки, шерстью обросли". Упоминаются также большие размеры их сохранившихся костей: "Вот курганы копали – кости были. Да крупные кости. Они же [чудь] крупные были"²⁸.

Как показывают материалы, облик чуди лишен каких-либо фантастических черт. Даже кости, хоть и крупные, но это не кости великанов. В то же время в их облике невозможно выделить и исторические черты. Подчеркиваемая дикость внешнего вида, связь с землей, проявляющаяся не только в цвете, но и в доминирующем мотиве самозащиты, заставила предположить, что исчезнувшие аборигены в местных преданиях не исторические, но мифические. Особенно обращала внимание уверенность рассказчиков в описании внешнего вида и образа жизни аборигенов, хотя не было свидетельств о том, что кто-то их видел, ведь, по преданиям, они исчезли еще до прихода русских. Сравнительное изучение преданий разных регионов (Русский Север, Урал, Западная и Восточная Сибирь) с привлечением параллелей из устных традиций некоторых других этносов, проживающих в перечисленных регионах, позволило установить, что образ исчезнувших аборигенов в русских преданиях представляет собой систему мифологических мотивов (ста-

тических)²⁹, гармонично сопрягающихся с главным сюжетобразующим мотивом (динамическим) – самозащитой³⁰.

Мотивы образа (исчезнувшие аборигены – "черные", "мохнатые", "крупные", "мелкие", "злые", "сыроядцы", "богатые", "умельцы", "рудокопы" и т. д.) являют собой не просто перечень противоречивых качеств. Напротив, они семантически связаны и на основании этих связей могут быть сгруппированы, в каждой группе может быть выделена семантическая доминанта.

1. Общее значение "чужой", то есть потенциально "враг", объединяет следующие мотивы: "быть черным", "иметь тело нечеловеческого размера или формы (быть мелким, крупным, одноногим и т. п.)", "быть злым (враждебным)", "быть сыроядцем (каннибалом)". Мотивы "быть злым", "быть сыроядцем" имеют прозрачно выраженную негативную семантику. Семантика мотива "быть черным" может быть установлена по материалам толковых словарей. Ряд наиболее важных значений слова "черный": "испачканный чем-либо, грязный"; "по суеверным представлениям, чародейский, колдовской, связанный с нечистой"; в переносном смысле "отрицательный, плохой", "мрачный, безрадостный, тяжелый" – "черная тоска", "черные думы"; "злостный, низкий, коварный" – "черная зависть", "черная измена", "черная магия", "черное слово" (брань), "черная немочь" (проказа), "черная смерть" (чума)³¹. Следовательно, слова "черный", "грязный", "чуждый" являются семантически связанными, причем общее в значениях имеет негативный характер. Устойчива также связь слова "черный" с мифологическими персонажами.

Установлено также, что для мифологических персонажей характерны различные телесные аномалии, включая иные размеры тела, его деформацию и т. д.³².

2. Общее значение "обладающий богатством" имеют мотивы "быть богатым", "быть умельцем", "быть рудокопом", "быть мохнатым".

Связь мотивов "быть умельцем", "быть рудокопом" с представлением о богатстве, на наш взгляд, достаточно очевидна, а в мотиве "быть мохнатым" может быть установлена в результате анализа. Мохнатость как свойство мифологических персонажей и ее связь с плодородием уже рассматривалась Б.А. Успенским³³. Материалы современных словарей арготизмов показывают, что семантика мотива остается устойчивой: "богатый человек" обозначается рядом синонимов, среди которых – "бобер", "бобр", "мохнатый", "с бородой", "шуба"; "мохнатым" называют взяточника; отсутствие шерсти (волосяного покрова), напротив, ассоциируется с бедностью: так, "бесшерстный" означа-

ет "неимуший человек", "остриженным" называется "потерпевший, жертва"³⁴.

Доминирующие мотивы "быть чужим", "быть богатым" в свою очередь образуют мотив "чужие люди – богатые". "Чужие" появляются извне или следы их былого пребывания обнаруживаются за пределами человеческого мира (в земле), при этом они обладают богатством. Следовательно, представители "иного" мира – богатые или, наоборот, чье-либо богатство заставляет предположить связь этого персонажа с "иным" миром.

Доминирующий сюжетобразующий мотив также имеет мифологическую семантику. Наиболее подробно автором были исследованы предания о белой березе. Вначале – на материале Омской обл., а затем на общесибирском материале³⁵. Предания, в которых исчезновение (гибель) аборигенов связано с появлением в их местах "белой березы" ("белого дерева", "белого леса"), были записаны также в XIX–XX вв. на Русском Севере, Урале, в Западной и Восточной Сибири³⁶.

Уместно привести один из таких текстов (в сокращении), опубликованный П. Городцовым: "Во времена очень древние ... на увале жил дикий народ чудь. Люди этого народа были ростом малы, почти что в половину роста наших русских людей <...> Чуди были люди дикие и жили в землянках <...> В те времена в здешних местах рос только красный лес ..., березы люди совсем не знали и не видали. С течением времени в лесах появилось белое дерево – береза, и чудь стала размышлять о значении этого небывалого явления и ... решила, что появится белый царь, который овладеет этими местами подобно тому, как белое дерево распространило свое владычество в этих местах. Чудь пришла в ужас от этого обстоятельства и порешила: лучше нам умереть своей смертью от своей руки, чем принять смерть от руки чужеземных пришельцев. И вот в один и тот же день чудь собралась – каждая семья в своей землянке, забрали туда все свои пожитки и сокровища, подрубили столбы, – крыша рухнула и задавила дикарей. Так прекратила свое существование чудь ..."³⁷. Ряд мотивов этого текста совпадает с мотивами преданий фольклорного архива ОмГПУ: "Раньше, говорят, люди были. Будто как-то эти люди стали прятаться. Пошел, говорят, белый лес, будет белый народ, нам житья не будет. И будто бы, от стариков я слышал, закапывались в землю"; "Говорили, что люди дикие жили. Когда белые березы стали расти, то они предположили, что белые люди скоро придут... Вот они стали эти курганы делать и закапывались туда..."³⁸.

Большое сходство преданий вызывало у авторов желание объяснить, почему именно береза играла роль "рокового" дерева, вызы-

вающего гибель древнего народа. Эти попытки предпринимались с XIX в. В.П. Кругляшова впервые высказала предположение о связи образа березы с верованиями, однако считала, что "вначале мотив белой березы возник в среде нерусских людей, вероятнее всего татар..., но постепенно он вошел в русские предания о чуди, о татарах (критическое отношение к власти белого царя...)"³⁹.

Анализ этнографических материалов не выявил сугубо негативного отношения к березе ни у ряда угорских народов, ни у русских⁴⁰, но зато показал, что представление о березе в культурах разных этносов амбивалентно (это находит свое выражение в обрядах и в устной традиции), то есть береза может в разных случаях соотноситься с каждым членом оппозиции жизнь / смерть. Но в русских преданиях образ "белой березы" не является изолированным, его семантика в полной мере проявляется только в противопоставлении образу аборигенов – "диких", "мохнатых", "черных" людей.

Многочисленные попытки отыскать потомков фольклорной чуди, как известно, оказались бесплодными⁴¹, однако до последнего времени сохраняется традиция рассматривать предания как исторические, причем обнаруживается стремление показать, что "общая тенденция в развитии мотива – преодоление мифа в его структуре, вытеснение их реалистическими элементами"⁴². Исследование текстов показывает, что мифологические мотивы в преданиях не только не "вытесняются" реалистическими элементами, но образуют устойчивую систему.

Выше мы показали системность мотивов образа исчезнувших аборигенов, теперь можно наблюдать, как оппозиция белый / черный порождает сюжет: гибель черных аборигенов-предшественников в результате появления белого дерева, символизирующего приход новых (белых) людей. Следует еще раз подчеркнуть, что семантика цвета в устной традиции не имеет прямого соотнесения с реальным цветом кожи представителей исторических этносов. Например, Ремезовская летопись включает интересное татарское предание о битве двух зверей, символизирующих русских и татар: "При Кучюме же видение бысть..., два зверя исходяще со сторон острова из Ыртыша и Тобола и битву учиняша между собой велию; Иртышной же бел и велик, волосистой, с вола, подобие волку; Тоболной же мал и черн, подобен псу гончому, якожь в битве одолевати большаго и мертва излагати и в воду уходити, и болшей оживаше и в воду уходити". Волхвы дали Кучуму такое толкование видения: "Болший зверь твое царство, а малый русский воин, имат быти вскоре и тако ты умерщвляти и пленити и в разхищение отгнати и грады твои взяти"⁴³.

В этом тексте БЕЛЫЙ зверь означал ТАТАР, а ЧЕРНЫЙ – РУССКИХ. Белый цвет связан со значением татар как будущей жертвы, поскольку "белый" имеет сложную семантику, в том числе может быть связан с представлением о смерти (напр., "БЕЛОЕ дерево"). Белого затравленного зверя гонит черный, похожий на гончего пса. Здесь черный цвет явно связан со значением русских как врагов татар, а образ врага является частью более широкого понятия – образ "чужого". Даже в имени Черного Арапина, персонажа эпических песен южных славян, эпитет "черный" обусловлен его образом врага и не связан напрямую с цветом его кожи⁴⁴. Негативное значение черного цвета в паре черный / белый подробно рассмотрел В. Тэрнер, исследовавший универсальную цветовую триаду⁴⁵. В русских же преданиях о самопогребении "чудь" ("чуди"), "дикие люди", "дикари" изображены не как явные враги, а как "чужие", так как они, по народным представлениям, погибли еще до прихода русских. Таким образом, исследование показало, что предания об исчезнувших народах квазиисторичны, сюжеты имеют этиологическую семантику, поскольку призваны объяснить остатки различных древних сооружений, а также судьбу тех, кто некогда их построил.

Исследование преданий, безусловно, должно быть продолжено, однако уже полученные результаты заставляют внести некоторые уточнения в предложенное определение преданий, то есть считать их конститутивным признаком наличие в тексте мифологических мотивов и признать "информативную" функцию квазиинформативной.

Легенды

В отечественной науке в последнее время получило развитие широкое понимание легенды, в результате чего к этому типу повествований стали относить тексты с различными жанрообразующими признаками⁴⁶.

Автор поддерживает и развивает концепцию В.Я. Проппа, согласно которой народная легенда есть "прозаический художественный рассказ, обращающийся в народе, содержание которого прямо или косвенно связано с господствующей религией"⁴⁷. Это определение позволяет строго отделить рассматриваемый жанр, с одной стороны, от легенды книжной, а с другой – от сказки и близких легенде жанров несказочной прозы. От сказки легенда отличается тем, что народ верит в действительность описываемых событий. Иначе говоря, для легенды характерна установка на достоверность, присущая также преданиям и мифологическим рассказам (быличкам и бывальщинам). От повество-

ваний последних двух типов легенда отличается функционально (для нее характерны объяснительная, дидактическая функции, а также их совокупность), системой персонажей, сюжетно. Таким образом, для русской народной легенды характерна связь с христианством. Сюжеты связаны с именами библейских персонажей, но в целом, как установлено В.Я. Проппом, не восходят ни к письменности, ни к духовному стиху⁴⁸. Связь с христианством, по понятным причинам, обусловила фактический запрет на изучение произведений этого жанра в советское время. Отсутствие публикаций не позволяет нам судить в целом о бытовании легенды в Сибири в XX в., но о бытовании легенды в Прииртышье можно сделать некоторые выводы. Это оказалось возможным благодаря материалам фольклорного архива ОмГПУ. Несмотря на то что не проводилось целенаправленного собирания легенд, в 1970–80-е гг. было записано, а позднее каталогизировано более 30 текстов этого жанра. Здесь уместно отметить вклад преподавателей кафедры Л.М. Белкиной, Н.К. Козловой, Т.Г. Леоновой, Л.В. Новоселовой.

Записи произведены в г. Омске и 11 районах области: Горьковском, Колосовском, Любинском, Нижне-Омском, Оконешниковском, Омском, Саргатском, Седельниковском, Тарском, Тюкалинском, Щербакульском, что позволяет сделать вывод о наличии богатой традиции. Большинство исполнителей русские, отдельные тексты записаны от украинцев.

В местных текстах можно выделить космогонический сюжет (о сотворении мира двумя братьями, один из которых впоследствии становится Господом, а второй чертом), о странствующем Божестве – Иисусе Христе, о святых (победе Егория над змеем, о Николе и Касьяне), о Пресвятой Марии Богородице (Троеручнице). Ряд сюжетов связан с Евангелием: Христос и ученики; чудеса, сотворенные Иисусом Христом и др. Наиболее популярны повествования о наказании грешников за работу в праздник и за осквернение церкви и икон.

Большой научный интерес представляют тексты двух последних групп, отражающие народное понимание греха. Библейский идеал человека в наиболее концентрированном виде выражен, как известно, в ветхозаветных заповедях (в главе 20 книги Исход) и христианских (Нагорная проповедь; глава 5 Евангелия от Матфея). Но уже в работах ученых XIX в. был отмечен особый характер крестьянской религии, существенно отличающейся от официальной. Исследованию народного представления о греховности большое место отведено в указанной выше работе В.Я. Проппа⁴⁹, однако ученый, по цензурным соображениям, не мог в полной мере осветить все стороны этого представления

и рассмотрел следующие: осуждение скупости, пьянства, лени, убийства, способы искупления грехов.

Жизнь крестьянина проходила и проходит в постоянном труде, в заботах о хлебе насущном. Тема крестьянского труда ярко отражена в произведениях разных фольклорных жанров, но в легендах освещение этой темы совершенно уникально: народная мораль осуждает тех, для кого заботы о собственном пропитании находятся на первом месте, а также тех, кто самонадеянно полагается лишь на свои силы. Можно сказать, что на материале легенд смысл пословицы "На Бога надейся, а сам не плошай" подвергается корректировке, возникающей при инверсии ее частей: "Сам не плошай, а на Бога надейся" (!). В легендах осуждаются люди, работающие в праздничные дни. Праздничные дни – это не те, в которые МОЖНО не работать, а те, которые должны быть отданы духовным размышлениям. Мирские заботы следует отложить, поэтому работа в праздничные дни ЗАПРЕЩЕНА. Поразительно, что в народном сознании уравниваются люди и другие живые существа (животные, птицы).

В местных материалах есть ряд текстов о наказании тех, кто работает в Благовещенье. Религиозный смысл этого праздника общеизвестен, поэтому не будем его подробно комментировать, отметим лишь, что работать в Благовещенье – значит оскорблять Божью Матерь. Лаконично и ярко об этом говорится в пословице: "В Благовещенье птица гнезда не вьет, красна девица косы не плетет". Характерно, что пословица акцентирует запрет именно на существах женского пола. То же самое прослеживается и в легендах. Наказывается, например, кукушка: "Кукушка начала в один день вить гнездо. Этот день был праздник Благовещенье <...> Поэтому у ней нет своего гнезда <...>"⁵⁰.

Следует подчеркнуть, что в легенду не всегда включается мотив о прямом наказании, иногда он может весьма тонко заменяться мотивом морального осуждения, поскольку люди "не ведают, что творят". Показателен в этом смысле рассказ о встрече шофера с некоей старушкой: в день Благовещенья один шофер выполняет рейс. Двигатель его машины глохнет, водитель начинает его ремонтировать, но безуспешно. В этот момент к машине приближается незнакомая "бабка", вышедшая из леса, очень грязная, и просит подвезти ее, причем непременно в кабине. Водитель соглашается подвезти в кузове, потому что ему неприятен внешний вид женщины. Она, однако, настаивает и обещает, что в случае его согласия двигатель заведется. Шофер вынужден принять условия и, когда они вместе с "бабкой" едут в кабине, спрашивает: "Бабушка, почему ты такая грязная?" Та отвечает: "Ми-

лый мой сыночек, сегодня праздник, а ваши жены стирают и льют на меня грязную воду, вот и грязная"⁵¹.

Следует обратить внимание на то, что сам водитель не осуждается, хотя он тоже работает в праздничный день, то есть грешит. Объяснение можно видеть в том, что герой рассказа едет по служебной надобности, он вынужден работать, следовательно, не виноват. Женщин же никто не заставляет стирать именно в праздник, поэтому их действия осуждаются. То, что мораль не выражена прямолинейно, представляет, на наш взгляд, особую ценность.

Народное понимание греха, хотя и не совпадает с догматическим, но многоаспектно, далеко от схематизма, различает степень виновности и даже учитывает, что по вине грешника могут пострадать безвинные существа. Примером может служить рассказ о том, как один мужчина в какой-то из праздников делал терку из жести для картофеля. Ему сделали замечание, но он продолжил свое занятие вплоть до полного завершения. Вскоре окотилась овечка, принадлежащая этому мужчине, и оказалось, что у ягненка "все брюхо в дырочках"! Здесь мораль выражена вполне прозрачно: "Как терку пробивал – так ягненку и сделал"⁵², кроме того, своеобразно интерпретирован библейский мотив "безвинного агнца".

Важно, что в легенде кара не переносится на детей грешника. Это существенно отличает повествования рассматриваемого типа от быличек, в которых дети, проклятые родителями, похищаются мифическими существами, а в семью, соответственно, подбрасываются "подменыши".

Еще важнее, что народное сознание четко различает простых исполнителей и тех, по чьему наущению творится черное дело, иначе говоря, "соблазнитель". В этом смысле поразителен по силе воздействия рассказ, записанный от П.И. Халаевой, который достоин быть приведен без всяких сокращений: "Был сухой лог. Сено на нем косили. А из горы тек родник, а от него сажень пять земля провалилась, и [образовалось] озеро, где был этот лог. Поехали братья сено косить на лог, а там-то это озеро, и икона в нем плавает. Председатель и говорит: "Что делать будем?" А его мать отвечает: "Навоз-то у вас есть? И засорите озеро". Они три дня возили на озеро навоз, и все без толку. А на мать как напали черви, и в три дня всю ее источили. Она говорит: "Я не умру, а только мучиться буду, а ты очисти озеро". И когда озеро очистили, тогда она умерла"⁵³.

К сожалению, текст записан собирателем, недостаточно опытным, чтобы задать необходимые для полноценного анализа вопросы: кто был изображен на иконе? что случилось с иконой? подверглись ли

наказанию те, кто осуществлял глумление над святым источником? какова судьба этого источника? Возможно, рассказчик и не смог бы дать ответов на перечисленные вопросы, поскольку главная цель повествования очевидна – рассказать о наказании подлинного виновника. Объявление иконы в каком-либо месте – известный в агиографии мотив, который совершенно однозначно толкуется как проявление Божьей воли и как указание на строительство храма, посвященного тому или тем, кто изображен на иконе. Не людьми, но по Божьей воле избирается место, время строительства храма, исполнители.

В приведенной легенде главная вина за осквернение источника и иконы лежит на женщине – матери председателя. Поражает, что она советует засыпать озеро не землей, хотя это было бы гораздо проще осуществить, а именно "засорить" навозом. Очевидно, земля (почва) не может сама по себе осквернить воду несмотря на то, что, по человеческим меркам, земля, смешанная с водой, является "грязью". Оскверняют воду именно испражнения (навоз), хотя намерение засыпать озеро не может быть осуществлено. Три дня пытаются убрать озеро, и за эти же три дня черви "источили" грешную женщину. Ее муки длятся, она не может умереть, пока озеро не будет очищено. Смерть в этом тексте понимается как освобождение. Можно предположить, что очищение озера способствует очищению души (искуплению греха), таким образом, смерть не является наказанием, Бог прощает и принимает душу.

Таким образом, исследование легенд и сравнение их с произведениями других жанров народной несказочной прозы поможет в полной мере понять особенности русского национального характера, своеобразие менталитета и проявление общечеловеческих качеств.

Очерк 3. Традиции строительного дела, верования и обрядность русских старожилов Приобья конца XIX – начала XX вв.

Русские крестьяне-сибиряки создали своеобразную народную энциклопедию сельскохозяйственного производства: был выработан календарь работ, комплекс агротехнических знаний, приемы ухода за скотом, многократно апробированные в конкретных условиях.

Полная зависимость от природы заставляла земледельца тщательнейшим образом изучать окружающий его мир, примечать "мель-

чайшие подробности случайностей природы", улавливать закономерности и связи одних явлений с другими. Это вылилось в целый свод правил, примет, тонких и верных наблюдений. Зоркий крестьянский глаз подмечал все, детальность наблюдений и, соответственно, примет поражает современного человека⁵⁴.

Но сфера деятельности крестьян не ограничивалась только работами в поле, в нее органично включалось и строительство, ведь зачастую крестьяне сами себе ставили избы и постройки подворья, которые постоянно подновлялись, ремонтировались, изменялись согласно требованиям семьи. Находясь в прямой зависимости от природных явлений и имея дело с естественными материалами, крестьяне были включены в общий жизненный круговорот, постоянно убеждались в незыблемости и неизбежности законов природы, что служило основой для выработки определенных представлений о временных закономерностях и устойчивой системы традиций и в плотничьем ремесле.

Наиболее распространенным строительным материалом Сибири, несомненно, издавна является дерево, которое можно назвать самым доступным и простым в обработке материалом лесистых районов Сибири.

Широта и разнообразие применения дерева – от ложек до ткацких станков и самой избы – вызвали необходимость появления условий и правил, выработанных для получения качественных изделий. Накопленный эмпирический опыт передавался от родителей детям, от отца сыну, от мастера ученику. В деревнях особо ценились умельцы, знающие, "знатные" люди. "Раньше народ был неграмотный и все делалось по обычаю, что зависит от природы и что связано с природой, и передавалось из поколения в поколение, а приметы разные были – замечали, как солнце закатывается, месяц как показывает, как летят птицы осенью, как ведут пчелы, муравьи... На все природа реагирует, а человек примечает", – говорят старожилы.

В лесных районах Приобья недостатка в строительном лесе и материале на топливо не было. Каждый хозяин, когда ему было необходимо, выезжал в лес и рубил нужное ему дерево. В 1882 г. крестьяне Мальшевской вол. Алтайского окр. по числу окладных душ имели право на бесплатное получение 153400 бревен для постройки и 15340 кубических сажень дров. Строевой лес отпускался крестьянам из близлежащих Инского и Караканского боров, причем самая дальняя возка была 35–40 верст. За бесплатное получение лесных материалов крестьяне обязаны были производить опалку боров и являться на тушение лесных пожаров. "Топливом крестьяне пользовались без надзора подлесничих. Билеты на бревна часто выдаются после рубки, причем сами

крестьяне заявляют, что каждый рубит где попало и сколько хочет, а за излишек каждая деревня платит подлесничему"⁵⁵.

На основе длительных наблюдений были установлены наилучшие сроки заготовки материала, которые увязывались с биологическими циклами роста деревьев и фазами Луны. По сообщениям старожил, наилучшим временем заготовки сосны на постройки является поздняя осень или зима, когда прекращается в стволе сокодвижение. Иногда рекомендовали для заготовки март, мотивируя это тем, что мартовское солнце сразу вытопит из опшкуранных бревен много смолы, что придаст им большую прочность. Кроме того, зимнее время свободно от работ в поле, а "древоруб – та же страда. Не нарубишь до пахоты – так зиму сырником и будешь топить". "Те, кто постарше да посильнее, отправляются рубить дрова подальше от слободы, на ночеву, то есть ночи на три-четыре, а то и на неделю. Ребята дровишек порубят где-нибудь недалеко: все же хоть на осень истопить придется" (Тюмень)⁵⁶.

Считалось важным отнять дерево от корня в полнолуние; если это сделать раньше, то бревна будут отсырывать, а позже – трескаться. Также допускалась заготовка леса "на старый месяц" – в период фазы убывания. Перекликаясь с мнением крестьян, автор "Назирателя", литературного памятника древности, пишет: "Дерево для построения дома нужно срубить в ноябре – декабре или чуть позже, да лучше на ущербе месяца, потому что об эту пору по морозу выходят из дерева всякие смолы и лишние соки, особенно из-за стылого воздуха, который стужей своей изгоняет из дерева свойственное ему тепло до самого корня и даже в земную глубину, молодой же месяц умножает всякую влагу, а на ущербе ее убавляет"⁵⁷. Замечание это имеет древние корни, поскольку это произведение по своему происхождению является переводом с латинского сочинения Пестра Кресценция, написанного ок. 1305 г. на основе античных и средневековых источников.

Лес на дрова заготавливали только на старый месяц, считая, что только в этом случае они будут жаркими.

Для различных изделий использовали разную древесину. Большое внимание уделялось выбору вида и породы дерева, учету характерных свойств древесины и условиям роста деревьев в природе.

Особо ценили лиственницу, называя ее крепким, "железным" деревом. Ее обычно использовали для фундаментных стоек избы – "стульев", как дерево наиболее устойчивое к воздействию влаги и гниения. Если у хозяина был достаток и возможность, то и первый, окладной, венец также делали из лиственницы. Встречаются также и избы, срубленные целиком из лиственницы (д. Большой Оеш, Колы-

ванского района Новосибирской обл.). Нередко постройку новой избы крестьяне откладывали, если не могли к сроку постройки подобрать весь необходимый лес, специально договариваясь о приобретении, например, сплавной лиственницы в районах, где она произрастает.

Универсальным материалом считалась сосна. В избе, сложенной из сосновых бревен, легко дышалось, сосна достаточно прочна, не так тяжела, как лиственница, легче в обработке. Ее использовали не только для возведения сруба, но и для покрытия крыши, плах для пола; из комля дерева или сучковатого смолистого бревна делали фундамент. Сосну также использовали для изготовления долбленых корыт, ступ, седел и прочих поделок, необходимых в хозяйстве. При этом для построек особо учитывалась смолистость сосны, обеспечивающая долговечность сооружения. Постройка, сложенная из леса, который заготовили зимой и "на старый месяц", по понятиям старожилов, "вовремя", может стоять долго, со временем все более укрепляя древесину вытекающей изнутри смолой, как бы каменея. Тес кровли, колотый из такого леса, служит без замены более 50 лет.

Для построек ценился кондовый лес, росший в глубине бора, такие бревна были ровные, смолистые, с прямослойной древесиной. "Кромешный" лес, т. е. растущий на кромке бора, избегали брать – он мало смолистый, подвержен гниению, плохого качества – "миндачный".

Для получения качественного строительного материала из дерева существовали определенные правила хранения и обработки. После валки выбранных деревьев их распиливали на бревна нужной длины. Особое внимание уделяли сушке бревен. После ошкурки бревна тщательно складировали так, чтобы штабель хорошо проветривался, бревна каждого следующего ряда укладывались перпендикулярно предыдущему. Срезы замазывали известкой или глиной, чтобы сушка и отток смолы шли не через них, а равномерно через ствол, что придавало особую прочность древесине и красивый красноватый цвет, по которому во многих регионах Приобья хороший строительный лес назывался "красным". Когда складывали из бревен сруб, сторону дерева, обращенную при росте в естественных условиях на север, т. е. ту сторону, что имеет более плотную древесину, ориентировали на внешнюю часть постройки, чтобы внутри избы оказались только южные стороны деревьев, а снаружи – северные, что придавало особую прочность постройке.

Березу использовали в качестве топлива и для изготовления утвари. Для поделок ее рубили весной и летом, когда "прольет березовка" – березовый сок. Для топориц, осей колес, полозьев саней брали "степную" – одиноко стоящую березу, так как она имеет более креп-

кую, свилеватую древесину. В лесу же советовали брать березу, древесину которой по технологии нужно было расщеплять для поделок – мялок, дощечек. Кроме того, по народным наблюдениям, если березы растут парами, то та, что стоит на ветру, имеет свилеватую древесину, та же, что стоит за ветром, поменьше размером, и ее древесина хорошо раскалывается. Березу советовали сушить под навесом год и более. Бересту употребляли как гидроизолирующий материал для крыш и фундаментных стоек и как материал для разного размера туесов и туесков, коробов и коробок. Березу также использовали для детских люлек и очипа – специальной жерди для крепления люльки в доме, очип из сосны сломается, из черемухи слишком изогнется, березовый же достаточно прочен и гибок. Из черемухи делали обручи на кадки. Из ивы делали лопаты, кросны, лодки-долбенки, гробы-домовины, так как это дерево "не рвет" при сушке и обработке. Из ветвей ивы и черемухи плели корзины, мордушки для рыбной ловли.

Осину же редко использовали. Только если хозяин был небогат, то часть построек ставил из осины, иногда же делал сосновый низ, а верх строения из осины. Осину избегали использовать для постройки изб, считая ее "горьким" деревом: "В таком доме горько будет жить". Существовал род запретов на использование различных деревьев. Запрещалось брать скрипучие деревья, деревья с явными дефектами, дуплами. Не брали также деревья, не упавшие при рубке на землю, запутавшиеся в ветвях других деревьев. Считалось, что все это не только ухудшит постройку, но и принесет несчастье в хозяйство. Если на рубку деревьев для постройки ехали только молодые, старшие напутствовали их, советовали, какое дерево подходит, а какое нет.

Дерево прекрасно поддается обработке и не требует сложного инструментария. При известной сноровке практически все работы можно выполнять ограниченным набором инструментов, куда входят: пазник для выборки пазов в бревнах, черта для отметок, нож-косарь для расколки бревен на дрань и тес, стружок, рубанок, фуганок, ножовка, напарий (сверла) различных диаметров, уровень и, наконец, универсальный инструмент – топор, которым можно было и пазы сделать, и бревна обтесать, и тонкую работу выполнить. В этот перечень нужно включить и пилу, хотя ее применяли редко, так как предпочитали торец бревна обрабатывать топором, чтобы закрылись мельчайшие поры древесины, что препятствует проникновению воды и гнилостных бактерий внутрь бревна, а пила хотя и ускоряла работу, но изготовленный с ее помощью материал был худшего качества. Ножовки и ручные пилы использовали для тонких деталей пропильных наличников и карнизов, однако для ранних построек обычно характерны на-

личники с глубинной резьбой, для исполнения которой требовались долота. Маховая пила с двумя рукоятками, устанавливаемая вертикально, предназначалась для распиливания бревен на доски.

Когда требовалось, крестьяне сибирских деревень сами себе ставили избы, бани и другие постройки подворья, так как хорошо владели приемами и правилами плотничьего дела. Как правило, строительство начиналось весной, когда сходил снег. Чтобы закончить строительство до больших сельскохозяйственных работ, хозяин, решивший строиться, собирал родственников и сродственников на "помочь" ("помощь"). Если отец отделял взрослых сыновей, то первый год все строили для одного, второй год – для другого, третий – для третьего. Работа по "помочи" означала, что хозяин за работу не платит, а угощает всех, участвовавших в работах, а при необходимости сам идет на "помочь". Из России в Сибирь иногда заходили плотничьи артели, странствующие в поисках заработка; особо умелыми считались вятские и нижегородские плотники. Такие артели подряжались к сибирякам на работу, в этом случае хозяин старался ничем не обидеть артельных плотников, хорошо заплатит им и угостит. Ремесло и мастерство плотника почиталось наравне с мастерством кузнеца, часто этим умельцам приписывались мистические способности. Их работа была овеяна легендами. В.А. Ермакова из д. Верхний Сузун (Сузунский район Новосибирской обл. рассказывала, вспоминая детство, как, нанимая на работу мастера-плотника Оленева, отец ее усомнился в его мастерстве. Плотник же, чтобы доказать свою умелость, сказал, что поставит два амбара, причем в одном всегда будут мыши, а в другом никогда. Так и получилось. Мышей в одном амбаре никак не могли вывести. Рассказывали также, что если плотника не устраивала оплата или угощение, полагающееся в каждый день работы и в особые дни начала или завершения определенного этапа строительства – при установке окладного венца ("Не обмоешь – скрипеть будет"), потолочной балки – матки ("Если матку не обмыть, она не ляжет"), после покрытия крыши ("С победой"), то он мог навредить хозяевам – вставить в угол избы горлышко разбитой бутылки, чтобы завывало на ветру, подставить между бревнами щепки, чтобы стены промерзали, а мог и сделать так, чтобы сор на полу избы был всегда и его невозможно было вымести.

Иногда хозяин сам ставил сруб, а всю "чистую" работу – наличники, причелины, охлупень, ставни – делал мастер. Деревенские мастера, делавшие на заказ, были самоучками, перенявшими мастерство у другого деревенского умельца. Плату за работу им давали такую, чтобы не обидеть человека, чтобы не стыдно было еще раз обратиться,

когда понадобится. Мастера же, когда подряжались, просили пива наварить, уговаривались на оплату деньгами или холстом.

Выбору места для дома придавали большое значение, ведь в этом доме предстоит прожить не одному поколению семьи. Зачастую главенствующую роль при этом играли чисто практические соображения – чтобы рядом была река, чтобы это место хорошо освещалось солнцем.

Наиболее распространена была такая примета: место для дома нужно выбирать ночью или рано утром, идти нужно было на предполагаемое место босиком и в одной рубахе, без верхней одежды, чтобы лучше чувствовать холодные и теплые места. По звездам и Венере-Зарнице определяли время благоприятное для выбора места под строительство. "Когда три звезды полнощные – Кичиги, которые появляются на ночном небе вместе с Зарницей, закатились, то пора идти – это пять часов утра". Если в предварительно выбранном месте охватывает холодом, то оно не годится для дома – холодное, зато оно хорошо для копки колодца, так как здесь могут близко к поверхности подходить грунтовые воды. Если нужно определить место для колодца поточнее, то с вечера клали несколько сковородок кверху дном в разных местах, утром же смотрели, на какой сковороде скопится больше влаги – там и копать. Если приходилось для нового строительства рубить деревья и корчевать пни, замечали несколько мест, где росли ивы – там устраивали колодец, в этом месте вода была близко. Часто новые дома ставили на месте, где ранее уже жили, новый дом ставили на месте старого, так как земля там была мягкая, легко было голбец рыть. Однако, если это место пользовалось дурной славой или там содержали скот, то избегали строить, а выбирали другое, "неназемное" место.

Хозяев беспокоило благополучие семьи, по их мнению, тесно связанное с местом расположения дома. Считалось, что дом нельзя строить на перекрестке дорог – не будет держаться скотина, с семьей будут несчастья. Нельзя ставить дом на самой гриве – "неладно будет с семьей". Размещение дома на гриве не рекомендуется; по мнению сельчан, семьи, живущие в таких домах, всегда преследуют несчастья. Часты рассказы о том, что в семье, живущей в таком месте, вскорости после переезда умирает глава семьи или муж убивает жену, а затем кто-то из домочадцев зимой замерзает в лесу (Ордынский, Сузунский районы Новосибирской обл.). Не советовали также ставить дом на месте ворот (Венгеровский район той же области).

Благоприятным же местом для дома будет расположение его на некотором возвышении, но не на гриве, или же в низинке, но не в овраге. Если дом стоит в низинке, то это обеспечит стечение к нему бо-

гатства. Эти приметы перекликаются с советами "Назирателя": "Нужно еще беречься, дом не ставить туда, где может быть сильный ветер, поэтому лучше всего под горой в низине ставить, а не на самой горе, не в самой низине и уж не в темном овраге, но на месте таком, где дом овеивает здоровый воздух и очищает все так, чтобы не было бед; да лучше бы место такое, где солнце стоит целый день, потому что тогда и черви, если они зародятся и нездоровая сырость распространится, ветер такой разнесет их, а солнечный жар уничтожит и высушит"⁵⁸.

Выбрав место, старались сам дом ориентировать окнами на солнечную южную сторону, чтобы "в избе весело было".

Известна ориентация церквей на те точки горизонта, где восходило солнце в день церковного праздника или в день поминания святого, которому был посвящен храм (к этим дням и приурочивали закладку храмов, если праздник относился к весенне-летнему периоду), или на точки горизонта, где восходило солнце в день (или накануне) закладки храма вне зависимости от дня храмового праздника (если он был осенью или зимой); кроме того, были и храмы, сориентированные на географический восток, определяемый, возможно, по Полярной звезде⁵⁹.

Такое внимание к ориентации здания можно отметить не только для культовых зданий, но и для изб. Ко времени нашего исследования эта традиция была практически утрачена, сохранились только ее отзвуки. В д. Малышево Сузунского района Новосибирской обл. нами было записано, что в избе над печью в стене делали специальное отверстие так, чтобы в определенный день в это отверстие заглядывало солнце, что считалось хорошей приметой, сулящей мир, добро и счастье в доме. Таким образом, изба была сориентирована соответствующим образом, чтобы, возможно, это произошло в один из праздничных дней весенне-летнего цикла, когда "солнце играет" – на Пасху или Троицу, что является, вероятно, одной из примет правильного расположения, критерии которого необходимо еще исследовать.

По словам Б.Н. Рыбакова, "дом – мельчайшая частица, неделимый атом древнего общества был весь пронизан магическо-заклинательной символикой, с помощью которой семья каждого славянина стремилась обеспечить себе сытость и тепло, безопасность и здоровье"⁶⁰. Это положение в чем-то было верно и для конца XIX – начала XX вв. Не случайно и в этот период каждой фазе строительства придавалось исключительно важное значение, начиная от момента закладки дома.

После тщательного выбора места под дом, начиналась его закладка. Богобоязненные крестьяне для освящения начала строительства приглашали священника. После таинства, помолясь, "положив начал", принимались за работу: "Ну, с Богом?" А для того чтобы без вся-

ких сомнений в доме был достаток, не полагались только на помощь, испрашиваемую христианской молитвой, а совершали и действия, имеющие языческое происхождение – например, под окладной венец, на фундамент, в четырех углах будущей избы клали по монете, "чтобы водились деньги" (Сузун). Когда ставили постройки для скота, то под матку клали солому, чтобы "скотинка водилась". Существовали запретные и благоприятные дни для начала строительства, так, например, понедельник и 13 число считали несчастливими для начала любого дела. Запрещали начинать строительство в воскресенье, согласуясь с Библией. По словам М.М. Портнягина из д. Мереть Сузунского района, "Бог сотворил землю за шесть дней, а седьмой день, воскресенье, отдыхал. Раньше люди божественные были, все это соблюдали". Особыми днями считались дни церковных праздников, недаром к ним в быту готовились заранее: старались все в избе вымыть и вычистить, а в сами праздники запрещалось работать. "Торопились вернуться в субботу с работы, чтобы успеть в доме все вымыть и самому вымыться, так как ответу на том свете не будет, хоть сорок святых заступятся" (д. Нижний Сузун). Особо запретным днем для любого вида работ было Благовещение (7 апреля н. с.), в этот день "Птица гнезда не вьет, девица косы не плетет".

Закладку дома начинали с устройства его основания. Если грунт был недостаточно плотен, сначала делали фундамент под дом – размечали его по шнуру, копали ямы под стойки глубиной 0,6–1,0 м, опускали туда деревянные стойки – "стулья", иногда предварительно обожженные или смазанные дегтем, чтобы предотвратить гниение их в земле. Стойки выводили вровень с землей или на 0,3–0,6 м выше уровня земли. Если были камни, то забивали ими и глиной подготовленные ямы, делая прочное основание. Если грунт был достаточно плотным, то под углы избы подставляли камни, покрывая их для изоляции от древесины бревен двумя слоями бересты. На стайки, или на камни, или на уплотненный грунт укладывали окладной венец – окладник – и далее выставляли венцы до нужной высоты. Как правило, общее количество венцов до матицы было нечетным, как правило, 15–17 при 6–7 верхковом лесе в "отрубе" – в диаметре бревен (23–32 см). Нижние венцы делали из более толстых бревен, верх сруба складывали из более тонких. Сруб ("струб") рубили или сразу на месте, или же еще в лесу, где хранили срубленный лесоматериал, а затем перевозили в деревню и собирали. Придавая дереву большую водонепроницаемость, окладник мазали дегтем или смолой, которую варили сами. В этом случае фундаментных стоек не ставили, а первый венец укладывали прямо на уплотненный грунт. Первый венец часто для устойчивости

рубил "в охряпку", остальные же венцы в "чашу" ("с остатком"), с пазом в верхнем бревне, позже стали применять рубку "в лапу" для неотопливаемых помещений. Для тепла между бревен прокладывали мох. Такой способ назывался "ставить избу на мху". Лучшим для этой цели считался "озерный мох", который брали осенью на озерных прогалинах болота. "Боровой мох" – это тот, что растет в бору, в отличие от упругого озерного при высыхании крошится и высыпается, то есть не обеспечивает хорошей теплоизоляции. После пригонки бревна в срубе оно снимается, на нижнее бревно укладывался слой мха, который придавливался окончательно устанавливаемым бревном.

Когда высоко выводили стойки, дома делали с "завалинками". В Сузунском районе Новосибирской обл. некоторые хозяева из кержаков к зиме "завалинки" заваливали землей, а к лету землю отваливали для "продува".

Пол настилали из широких плах. Делали его или в два слоя – "черный" и "чистый", или в один слой. Плахи для пола очень тщательно обтесывали, отбивали шнурком или ровно отфугованной рейкой, кромили, пропиливали ножовкой, чтобы добиться ровного края для плотной укладки встык. Полы первоначально не красили, однако содержали в большой чистоте – не только мыли, но и скребли ножами-косарями.

Внутри стены чисто обтесывались, необтесанная часть оставалась только за печью. Позднее стены стали обмазывать глиной и белить или штукатурить и белить, иногда их красили олифой, растертой с глиной для придания ей цвета, или масляной краской.

Верхний венец избы назывался "черепным", в нем вынимались "четверти", пазы в четверть бревна, и настилался потолок, также сделанный из плах, которые укладывались "вразбежку" ("внахлест", "внакладку"), когда одна из плах несколько заходила на другую. После установки крыши потолок утепляли, набрасывая сверху земли на 2–3 четвертины (в размер ладони) (д. Средний Алеус Ордынского района Новосибирской обл.), или промазывали глиной и засыпали перегноем слоем в 20 см. Для утепления потолка также иногда использовали глину, размятую с мякиной, которой промазывали швы со стороны чердака ("вышки"), но этот способ был одним из позднейших и считался худшим по эффективности. Самым старым способом утепления считалось покрытие соломой, которую укладывали слоем 20–30 см на "вышке" (д. Мереть Сузунского района Новосибирской обл.).

Имели распространение дома как на высоком, так и на низком подклете. Сибиряки-старожилы, люди более состоятельные предпочитали дома на высоком подклете, переселенцы и люди победнее стави-

ли дома на низком подклете. Наличие подклета автоматически подразумевало использование его для хозяйственных нужд – устройства подполья или подвала. Редко, только в богатых семьях, например купеческих, встречалось устройство в подклете мастерской (д. Большой Оеш Колыванского района Новосибирской обл.). Это был большой дом купца. Некоторые дома имели жилой подклет. Строили также и двухэтажные дома (д. Кирза Ордынского района Новосибирской обл.), хотя в основном были распространены одноэтажные дома. Наиболее старый тип дома – "со связью", трехкамерный дом "изба – сени – изба" или "изба – сени – горница" в конце XIX в. вытесняется пятистенками, "скатниками" и крестовиками, "круглыми" домами с прихожками или сенями. Пятистенки крылись двускатными крышами, которые в разных местностях назывались по-разному: "по-амбарному" (д. Алеус, Ордынского района Новосибирской обл., "крыжом" (д. Мереть Сузунского района Новосибирской обл.), "быком" (районный пос. Маслянино Новосибирской области). "Круглые" дома крылись четырехскатной крышей. Крепили крыши на самцах и на стропилах. Основным кровельным материалом было дерево, тес и дрань.

Топорный тес выделялся топором из двух половинок расколотого бревна. Из одного бревна можно было сделать только две тесины, драни же получалось значительно больше. Поэтому тес был дороже и был доступен только людям с достатком. С появлением маховой пилы начали использовать пиленый тес. Для дранки распиливали бревно на части длиной 1,5–2 м. Затем их раскалывали на четыре части, из четвертинок специальным ножом драли дранку, осторожно ведя его вдоль бревна. Или же, не раскалывая на четвертины, приставляли нож-косарь к торцу бревна и ударяли по ножу кувалдой, чтобы он вошел в древесину, а затем осторожно продвигали нож. На дранку шла кондовая прямослойная и мелкослойная сосна. Было замечено, что крупнослойная древесина не годилась для этого, так как скалывалась. Дранку делали толщиной 3 см и более.

Применялось несколько способов покрытия дранью и тесом: "впритык", "вразбежку", "с подшилником". При покрытии "впритык" на обрешетку крыши набивали два сплошных слоя досок одинаковой ширины вплотную, доска к доске. Причем верхние доски устанавливали над стыками нижнего ряда, оба ряда желобились для организации стока воды. Делали желобки по всей длине доски – "дорожили" стружкой (стамеской с лезвием полукруглой формы). Способ "в разбежку" был более дешев, так как требовал меньшего количества материала, но и менее надежен – тесины укладывались как бы в два слоя, но не вплотную одна к другой, а так, чтобы верхняя доска закрывала стык

между двумя нижними. В этом случае также оба ряда желобились. Такой менее надежный, но дешевый способ носил также название "победному". При покрытии третьим способом – "с подшильником" – верхний слой тесин был сплошной, а внизу вразбежку лежали доски под каждым стыком верхнего слоя. Оба слоя желобили.

Верхняя слега конструкции крыши носила название "боевого бруса", в ней делали паз, куда вставляли концы тесин покрытия крыши. Сверху их прижимали специально обтесанным бревном – охлупнем. При безгвоздевой конструкции крыши "на курицах и потоках" на обрешетку крыши укладывались специальные слуги с загнутыми концами, на которых поддерживали поток – легкое бревно с пазом, куда вставлялись тесины крыши, другим своим концом упертые в "боевой" брус. В этом случае также сверху укладывался охлупень. Такие крыши древнего происхождения не требовали применения дорогого тогда металла – гвоздей – и прекрасно служили в течение десятилетий. В качестве "куриц" использовали стволы елей нужного размера с частью корневища, так как ель имеет развитый и прочный у основания корень. Если же ели не было, то курицы вырезались специально из древесины других пород. Однако довольно быстро получили распространение стропильные конструкции крыш, что было обусловлено в значительной мере тем, что, например, в Верхнем Приобье ель не растет, что требовало выработки других конструктивных приемов устройства крыши, кроме того, с ростом благосостояния семьи гвозди перестали быть проблемой.

Сени, являясь конструктивной частью дома, возводились одновременно с основным срубом или пристраивались позже. Сени делались срубные либо из теса или бруса, по длине они занимали часть стены или всю стену целиком. Авторы исследований крестьянских жилищ замечают, что в Тюменском уезде (Усть-Ницинская слобода) почти везде отсутствовали сени. Надо заметить, что в Томске, например, среди построек этого периода сени отмечены везде.

Вход в дом мог быть оформлен крыльцом. Вынесенное крыльцо устраивалось в виде площадки, которую делали на уровне пола избы. На площадку крыльца вело 3–5 ступенек, она ограждалась перилами с балясинами. Над крыльцом устраивалась односкатная или двускатная крыша, крепившаяся на столбах. Встречались и внутренние лесенки в сенях, в этом случае вынесенное крыльцо не делали.

Косяки на дверные проемы и рамы в оконные проемы вставлялись в последнюю очередь, когда оставалась только "чистая" работа – "наряд избы", наличники и ставни. В домах было много окон, в избе-клетки – 3–4, в пятистенках, крестовиках – от 5 до 12. Большое количе-

ство окон выходило на улицу или на южную сторону. В ранних постройках на северной стороне дома окон было мало или не было совсем, в более поздних постройках размещение окон по сторонам света утратило в большой степени свое значение, его сменила ориентация большинства окон на улицу. Все окна избы делались косячатые, "колодные", иногда с полукруглым верхом, очень нарядные. Делались одинарные, двойные и даже тройные окна. Волоковые окна иногда устраивались только в сенях. В окнах устраивались как сплошные оконные рамы, так и створчатые. Окна стеклили, бедные хозяева затягивали их брюшиной, прибывая через досточку гвоздями. Такое окно из брюшины служило 1–2 года. На севере Западной Сибири в первой половине XIX в. уже были окна из стекла, но зимой их заменяли "брюшинными оконницами", в том числе и в зажиточных домах, что объясняли тем, что такие окна не давали "мокроты от намерзания"⁶¹.

Окна оформлялись наличниками без ставней или с одно-двухстворчатыми ставнями. Наличники делались по желанию хозяев или очень лаконичными, без резьбы, иногда с выделением цветом некоторых деталей, или же нарядными, замысловатыми. Имела широкое распространение пропильная резьба, которая пришла на смену глубинной. Наличники с глубинной резьбой выполнялись из осины как материала более податливого для резьбы. Мотивы резьбы повторялись с некоторыми вариациями, это растительные, зооморфные, антропоморфные, геометрические орнаменты. В разных населенных пунктах, на разных улицах, концах деревни существовала определенная мода на узоры. Для украшения наличников, ставен и карнизов приглашался мастер. По свидетельству Н.Г. Федосеева из д. Базой Томской обл., многие односельчане заказывали резьбу старику Колахматову. Наличники его работы сохранились до сих пор на нескольких домах, которые выделяются среди других своей нарядностью благодаря прекрасной резьбе, сделанной мастерски и с большим вкусом.

Входные двери домов делались одностворчатыми из 4–5 широких деревянных плах. Внутренние же двери были также одностворчатыми или двустворчатыми, в пятистенках их часто не делали, между комнатами оставляли лишь широкий проем. В деревнях региона внутренние двустворчатые двери красились или расписывались петухами.

Важным моментом в строительстве дома была установка печи. Иногда печь приходилось ставить не только, когда строился новый дом, а несколько раз перекладывать, если она чем-то не устраивала хозяев или прогорала. Но если в доме была глинобитная печь, последней неприятности не случалось. Глинобитные печи прочнее и надежнее кирпичных, лучше держат тепло, не отсыревают, с течением вре-

мени становятся как единый фигурный кирпич, разломать ее трудно даже ломом. Глину ("землю") на печь брали недалеко от деревни, а иногда, если глинистые слои подходили близко к поверхности земли, то и в своем голбчике. Использовали обыкновенную красную глину, пластичную, но нежирную. Битье печи приурочивали к полнолунию, чтобы она не трескалась и не отсыревала.

Печи ставили в углу избы, слева или справа от входа, устьем ("целом", "салом") повернув к стене, противоположной входу, почти вплотную к стене, оставляя 20–30 см для кухонной утвари – ухватов, кочерг и т. п. Между печью и стеной, над входом, устраивались деревянные полаты, где клали спать детей. На полатах было тепло от печи и просторно. В некоторых домах вместо больших полатей устанавливали узкую полку.

В избах печи делались с дымоходом – "по-белому", печи без дымоходов – "по-черному" – в тот период в избах уже не ставили.

"Битье" русские печи делали за один день техникой битья мастер с подмастерьем или хозяин с "помочью". Работать приходилось очень быстро, чтобы глина не пересохла. Кое-где, например в сузунских деревнях, печь была хозяйка, приглашая соседок и родственниц "в помочь", стариков, чтобы помогли советом. Все деревянные детали печи делались хозяином или кем-нибудь из родственников-мужчин. Бревенчатый сруб подводили до уровня пола или немного ниже. На сруб клали половинки бревен, бревна небольшого диаметра или толстые плахи – делали основание для печи. На него насыпали слой глины. Ставили печной столб, делали привязку. Затем до определенной высоты возводили из бруса или плах опечек так, чтобы удобно было бить глину. Накладывали слой за слоем толщиной 5–10 см, которые били, уплотняя, деревянными молотками ("чекмарями" – Венгровский район) или пестиками. Работа распределялась так, что один человек бил, другой прибивал. Заостренным концом молотка в каждом слое делались углубления – велось пазование, затем накладывали новый слой и били округлым концом молотка. Такой прием был необходим для большего уплотнения. Опечек поднимали до нужной высоты. Между слоями глины насыпали немного соли, чтобы слои лучше "сливались" и печь была крепче.

На удобной для хозяйки высоте (каждая печь делалась индивидуально – "под хозяйку", ведь ей приходилось работать около печи ежедневно по несколько часов) формовали шесток и под печи (гладкую горизонтальную площадку с небольшим уклоном к устью печи), набивая глину в опалубку, которую в дальнейшем разбирали.

Вятские мастера, приходившие с артельным промыслом в Сибирь, определяли размеры печи так. Прежде всего усаживали хозяйку дома на табурет. Расстояние от верхней пуговки на шее хозяйки до плоскости табуретки давало высоту свода внутренней части печи, которая, однако, не должна была превышать 60 см. Устье печи должно было быть на 10 см шире плеч хозяйки, а высота его равна их ширине. Шесток в глубину должен быть равен размеру от локтя до кончиков вытянутых пальцев. Высота печи делалась равной росту хозяйки плюс два спичечных коробка.

Под подовый слой насыпали слой песка или битого стекла, чтобы печь была жарче. Для образования внутреннего пространства печи делали специальную опалубку – "свинку", короб из досок с полукруглым верхом. Формовали на шестке верхнюю часть печи с чувалом и дымоходом, вырезали устье ножом, делали прорезь для заслонки, печурки – небольшие ниши для трубы самовара, сушки рукавиц, хранения спичек – и специальные отверстия для выгреба угольев и пепла. Выбирали загнету – углубление в подовом слое печи, куда сметали угли для поддержания ровного жара.

Чувал был прямоугольной формы и делался так: стержнем его служили чурки из нетолстого березового бревнышка, вокруг них набивали глину, ограничивая ее опалубкой. Между половинками чурок делали зазор, куда вставляли бересту, которую затем поджигали, когда их требовалось убрать. Трубу чувала, сделанную из кирпичей, выводили на крышу. Колено чувала называлось "боровок", его делали для отбоя искр, чтобы они не вылетали в трубу, а тепло дольше сохранялось. Но во многих печах "боровков" не было.

Когда печь была готова, ее топили первый раз, в дымоходе поджигали бересту. Доски свинки и чурки сгорали, образуя внутреннее пространство печи. Иногда свинку вытаскивали до топки и использовали несколько раз. Для того чтобы вытащить свинку, нужно было дернуть за предварительно прикрепленную к ней веревку; свинка рассыпалась на составляющие ее досточки, и их убирали. Для набирания печью прочности ее топили некоторое время несколько раз в день, и она постепенно высыхала.

Обычно печь белили серой глиной, а позже и известью, несколько раз в год. Часто в горнице для тепла устанавливали голландку ("галанку"). В начале века как дополнительную печь стали применять фабричную металлическую печь "Контрамарка".

Сибиряки печи топили дровами из лиственного леса, в холода их не жалели, переселенцы же, приехавшие из бедных лесом районов, поначалу топили кизяками, соломой, дудками, для тепла затыкали ок-

на соломой, а затем перенимали сибирский обычай. Сибиряки иной раз даже стыдили их: "Не позорь Сибирь! Не топи кизяком!" (М.М. Портнягин, д. Мереть Сузунского района Новосибирский обл.

Окончание работ по установке печи отмечали всей семьей в тот же день, приглашая всех "помочан".

С печью в народном сознании связаны понятия надежности, защиты, основательности. Это воистину ядро дома, домашний очаг, дающий благополучие, сытость, тепло. На печи спали старики; ребяташки, испугавшись грозы, грома, жались поближе к печи.

В сибирских заговорах от тоски по умершему часто обращались к печи: "Как ты, матушка-печь, не боишься ни воды, ни пламени, так бы и ты (имярек) не боялся, не страшился" (записано в д. Каргополово Ордынского района Новосибирский обл.). Наговорить его нужно было на воду и сбрызнуть наотмашь того, кто страдал боязнью. При этом он должен был стоять около печи и посмотреть в нее, к чему его нужно было принудить, сказав: "Что-то неладно у вас в печи".

Используя угольки из печи, лечили от испуга. Приговаривая необходимые слова, нужно было бросить три уголька в воду. Если угольки потонут – человек вылечится, если же нет, то причина болезни не в испуге.

Некоторые заговоры необходимо было произносить на новый месяц при затопленной печи. Например, такой (при этом нужно было опустить три спички в воду и приговаривать):

*Стану я робися, (имярек), благословясь,
Пойду перекрестясь,
Из дверей в двери,
Из ворот в ворота,
На восточную сторону.
На восточной стороне
Есть божия церква,
Есть престол Христовый,
Матушка пречиста, пресвята госпожа,
Не смывайте, не сметайте
С моря пену,
А смойте, сполощите
Все хитки, притки, уроки, переполони
И родимое худобище, азевище
С девки-самокрутки,
От слепца, от кривца и проезжа молодца.
От всех дуба проклятых мышей,
Которые договоры, которые переговоры,*

*Исполна, исцелна
Семьдесят семь жилочек, семьдесят семь суставчиков,
Смой, сполощи
На весь месяц,
На молоду, на ущерб и на полны месяц.
Аминь. Аминь. Аминь (Записано в д. Каргополово).*

Кроме того, существовали приметы, связанные с атрибутами печи. Когда шел град, советовали для его прекращения выбросить из окна печную заслонку и нож.

Клюка (кочерга) и помело (веник из еловых или сосновых лап для выметания золы из печи) служили для приманивания домового ("суседа", "соседушки", "леда", "хозяина").

В представлении русских крестьян Приобья домовый являлся полновластным хозяином дома и двора, от него зависели в большой степени здоровье и благополучие домочадцев и скота. По рассказам, домовый перед каким-нибудь важным событием подавал знак – ночью шумел в голбце, скрипел, а то и тоненько плакал. Если ночью слышали какой-нибудь необычный звук, то спрашивали: "К худу ли, к добру?" Если ответ был: "К худу", то ожидали беды.

Местопребывание домового можно было определить только по косвенным данным, если он являлся кому-то из домочадцев, то по собственному желанию. Обитал он где-то в подполье, рядом с печью, или же на чердаке, т. е. на периферии жилого пространства. Обличье его описывали по-разному. То это маленький мужичок, одетый в рванье, обутый в лапти (Сузунский район), то – лохматое существо (Ордынский район Новосибирский обл.), то – вообще его образ совмещался с лаской, маленьким шустрим хищником. "Это черненький прогошистый зверек – хозяин дома, обижать и трогать нельзя" – из полевых записей, сделанных в д. Ключевая Венгеровского района Новосибирский обл. Обычно домового увидеть нельзя, если не применить особого способа. Для этого хозяину дома или кому-нибудь из старших в семье нужно было под Пасху пойти в церковь, взять там зажженную свечу и донести домой, чтобы она не погасла. Со свечой нужно было подняться на чердак, там-то в этот момент и можно было увидеть домового (д. Малышево Сузунского района Новосибирской обл.).

Кроме того, считалось, что домовый любит животных той же масти, что и он сам. Поэтому у хозяина волей-неволей подбирались все животные одной масти – и лошади, и коровы, и собаки, и кошки. Животных другой масти домовый не любил, гонял их ночью, мучил. Полюбившихся же коня или корову домовый ласкал, обихаживал, чистил, конскую гриву заплетал в косы. Особым покровительством домо-

вого из обитателей дома пользовались старые бабушки. Ночью он им заплетал косички, такие мелкие да частые, что расплести было невозможно.

Говорили, что двум хозяевам нельзя в одном доме жить, так как домовые будут соперничать, драться, тесно им: "Два медведя в одной берлоге не живут". Это замечание несомненно указывает на рудиментарные представления о духе дома как предке хозяина.

Недаром при переселении в новый дом необходимо было позвать с собой домового. Часто, переселяясь, хозяйка в первую очередь переносила клюку и помело, клала их на печь, тем самым приманивая домового на новое место, при этом приговаривая: "Соседушка-братушка, пойдем к нам на ново место" (Нижний Сузун Сузунского района Новосибирской обл.

Существовало огромное множество вариантов приговоров, зовущих домового: "Хозяин мой, пойдем со мной, я дорогой, а ты стороной" (старожилы – выходцы из Нижегородской губ.), "Соседушка-батушка, ты у нас хозяин, так иди, люби скотинушку", "Дедушка-вуканушка, пойдем со мной" (старожилы деревень Сузунского района), "Домовой-домовой, не оставайся, пойдем со мной" (старожилы районного пос. Маслянино) и т. п. Считалось, что если домового не позвать с собой, то он рассердится, все в семье разладится, домовый будет бродить вокруг, беспокоить всех. Для домового пекли специальный маленький хлебец из остатков теста, поставленного на большой каравай, который пекли на новоселье. Такой хлебец клали в подпол дома и под крышу в стойле для животных.

У домового был весьма капризный нрав. Если кто-то из домочадцев ему не полюбится, то будет ему мешать спать, ночью душить, щипать до синяков. Особенно часто это случалось, если из дома уезжала одна семья и въезжала другая или же в доме оставалась на постой чужая семья. Иногда доходило до того, что, не выдержав, люди уезжали из такого дома. Чтобы задобрить домового, хозяйка также пекла специальный хлебец для него и с приговором "Дедушка-соседушка, люби хозяйна с хозяйношкой да скотинушку" (вариант – "Батушка-соседушка, братанушка, полюби нас да скотинушку, красную и синюю, чернопес и краснопес, и белую") кладут его в подпол, предварительно разделив на четыре части, к северной, восточной, южной и западной стенам (д. Устюжанино Ордынского района Новосибирский обл.).

По окончании строительства дома назначался особый день новоселья. Это один из важнейших этапов в жизни семьи, от него могло зависеть и все дальнейшее благополучие. Множество примет, правил, условных манипуляций привлекалось для обеспечения гарантий хоро-

шей жизни на новом месте. Чтобы в доме было богатство, "полная чаша", советовали переезжать в полнолуние; молодой или старый месяц, ущербный, сулил ущерб, бедность. Май считался неблагоприятным временем для переселения – маяться будешь. Лучше всего было переселяться до Петровок, т. е. до покоса (12 июля нового стиля). Нельзя было переходить в новый дом в понедельник, в церковный праздник. Благовещение накладывало запрет как на все работы, так и на переселение. Рекомендовали переселяться с четверга на пятницу, с пятницы на субботу. Суббота считалась наиболее легким, удачным днем для новоселья.

Желание придать преемственность связи нового и старого выражалось в том, что для новоселья в старом доме ставили квашню, а хлеб из нее пекли в новом доме или же переносили саму квашню, а иногда и готовый хлеб. С той же целью переносили золу из загнет старой печи в загнет новой.

Иногда за два дня до новоселья переносили бушное (стиральное) корыто, что должно было обеспечить богатую жизнь. Накануне в дом заглукали кошку. Иногда же первой приходила старая бабушка, приносила икону и оставалась ночевать. Наутро приходили смотреть, все ли в порядке с ночевавшими. Если все было хорошо, то это было знаком к удачному новоселью и ко всей последующей жизни на новом месте.

Если до новых жильцов в доме жила другая семья, то при продаже дома нужно было следить, чтобы прежние жильцы оставили стол, икону и заслонку от печи или же по другим версиям – стол и стул. Это считалось необходимым для счастья в доме.

На новоселье приглашали родственников, сродственников, друзей, соседей. Собирались все в старом доме и праздничной процессией шли в новый. Впереди шел хозяин с хлебом-солью, хозяйка с клюкой и помелом, кто-то из почтенных старушек нес икону. Другие участники шествия несли курицу, вели телка, коня. Гостей приглашали в дом, скотину заводили во двор. Первым заходили хозяин или хозяйка, иногда старушка с иконой, иногда маленький ребенок, иногда же через порог пускали кошку. Хлеб ставили на стол, икону – в передний угол, клюку и помело клали на печь. Старушки молились, и, благословясь, заходили все приглашенные. Всех звали за стол, угощали. Гости желали хозяевам счастливой, богатой жизни в новом доме. Некоторые хозяева заказывали в день новоселья отслужить молебен.

На подворье, кроме дома, к концу XIX – началу XX вв. большинство сибирских крестьян-старожилов имело широкий набор хозяйственных построек, что позволяет выделить в классификационном отношении двурядную, однорядную, покособразную и свободную за-

стройку усадьбы. Кроме того, усадьбы имели открытые и крытые дворы. В зимнее время всю усадьбу могли покрывать временной крышей из жердей, по которым укладывали солому. К типичным хозяйственным помещениям можно отнести: амбары, часто двухэтажные ("двужирные"), сараи, стойки, крытые дворы для скота, погреба, разного рода навесы для дров и пр. В Приобье широкое распространение получила замкнутая, огороженная по периметру планировка усадьбы. Дом располагался с краю или посередине ее. По мере развития хозяйства количество приусадебных построек росло.

Хозяйственные постройки усадьбы, как и изба, выполнялись в срубной технике. Срубы бань, амбаров, напогребицы рубили "в чашу". Для протяженных построек, таких как крытые дворы для скота, использовали технику заплота, при которой пазованные столбы вкапывали в землю на 0,8–1,0 м, а между ними делали заполнения из тонких бревен, полубревен или плах. В такой же технике выполнялись и изгороди. Более тонкие изгороди плели из веток и тонких стволов деревьев – тын или плетень. Земельный участок огораживали пряслом – изгородью из жердей.

Хозяйственные постройки покрывались тесом или дранью "в разбежку" в комбинации с горбылем, часто – "пластом", практически плоской крышей, покрытой дерном. Для устройства "пласта" на сруб постройки набрасывались тонкие жерди так, что получалась плоская односкатная или двускатная кровля. На жерди укладывали корье, а затем пласты дерна. Если жерди были уложены с малым зазором, то на них сразу накладывался дерн (дд. Паутово, Амба, Малая Черемшанка, Середино Кольванского района Новосибирской обл.). Редко хозпостройки покрывались соломой по жердям.

На усадьбе ставили погреба с напогребицами. С осени копали яму по потребности хозяина 2,5–3 м глубиной, опускали в нее сруб из тонких бревен или плах. Затем рубили напогребицу в рост человека или немного выше, покрывали ее крышей. Для нее в качестве материала советовали использовать лиственницу ("листвяк"), так как она не боится сырости, прочна, не дает постороннего запаха. Дно ямы засыпали слоем песка и устилали соломой. Зимой до марта (в марте лед становится "дряхлым"), в мороз кололи на реке лед, для сухости вымораживали его на берегу. Затем перевозили и укладывали на полу погреба. На лед набрасывали еще один слой соломы. В таком погребе лед с зимы мог сохраняться все лето.

Бани строились в усадьбе отдельно от остальных построек, но нередко случаи, когда их ставили впритык к ним. Иногда бани выносили за усадьбу, располагая на берегу реки.

Баня – это единственное место в усадьбе, где не властвует домовая, это своеобразный антипод избе, для которого существуют запреты на время пребывания там. В некоторых районах Приобья баня считалась местом нечистым, обиталищем бесов или волхитки. Распространен был обычай окатываться водой из проруби или просто приготовленной заранее холодной водой, так как считалось, что, напарившись в бане, человек становится "банным", которому нельзя ни есть, ни пить, ни идти в церковь, часть запретов действовала для него до тех пор, пока он не окатится холодной водой и не "положит начал" молитвой. Однако в тот день, когда ходили в баню, никогда церковь не посещали.

У кержаков д. Нижний Сузун считалось необходимым, идя в баню, снять крест, так как он жжет. У православных же – наоборот, без креста в баню опасались идти, говоря: "Христос всегда с человеком должен быть". А чтобы не жгло, крест брали в рот.

Нельзя было мыться в праздники, необходимо же было вымыться в среду и субботу, чтобы быть чистым к воскресенью, пятниц же избегали, считая, что а этот день моется мордва (Ордынский район Новосибирской обл.).

В полночь опасались находиться в бане, считая, что "бесы могут задавить" (Сузунский район). Когда обрабатывали лен в бане – чесали, трепали, мяли – то к 12 час. ночи обязательно уходили, бросив всю работу.

Однако в Крещение и Рождество ходили в баню гадать именно в полночь. Приносили петуха и курицу, в чашку наливали воды, на пол насыпали пшеницу, клали колечко. Следили за поведением птиц: если петух подходил к воде – муж будет пьяницей, к пшенице – хлебороб, к колечку – скоро замуж идти.

В банях устраивали печи "по-черному", которые складывали из кирпичей, камней, "сока" – отходов медеплавильного завода (Сузун), а также делали глинобитными. В пространстве между потолком и кровлей устраивали дымоволоки из досок, выводя его на крышу. Когда топили печь, маленькие волоковые оконца в стене затыкали тряпками. В банях иногда делали "белые" печи с дымоходом, но крестьяне предпочитали "черные", говоря, что от "белой" печи "дух не тот". "Черные" печи более экономичны, лучше держат тепло⁶².

Бытовали различные типы усадеб и хозяйственных построек. Планировка усадеб и тип построек во многом зависели от достатка хозяев, а также от тех традиций, что были усвоены крестьянами у себя на исконной родине, в России. Большие производящие хозяйства имели разветвленную сеть подсобных помещений в усадьбе. Большое ко-

личество скота предполагало наличие помещений для него, загонов и тому подобное. Обязательными, повсеместно встречающимися были в усадьбах бани и погреба. Очень часто колодец располагался также в пределах усадьбы. По сообщениям, чалдоны предпочитали колодцы с "журавлем", большое распространение имели также колодцы с вертушками. Сама усадьба делилась часто на несколько частей – "чистый" и "черный" ("скотный", "грязный") дворы и огород. Некоторые сооружения, такие как баня, колодец, сараи, могли быть вынесены за пределы усадьбы.

Возникновение, развитие, типология русских сельских поселений, жилых и хозяйственных построек Сибири, традиций строительного дела и связанная с ним семейная обрядность во многом обусловлены заселением, хозяйственным освоением территории и формированием за Уралом постоянного русского населения. К концу XIX в. в районах Приобья сформировалась сеть русских старожильческих сел и деревень, население которых имело устойчивую систему представлений об особенностях ведения строительного дела в природно-климатических условиях Сибири, характеризующуюся, с одной стороны, сохранением российских традиций, а с другой – творческим применением ее на земле, ставшей для русских уже родной. Об этом говорят многие параллели в этнографических данных по регионам России и Сибири. Традиции строительного дела крестьянства Приобья основывались на экологических знаниях, трудовых навыках, представлениях о времени и пространстве как части коллективного сознания крестьянства, причем освящение и закрепление трудовой традиции было тесно связано с верованиями, которые непосредственно вплетались в повседневные занятия, испытывая их воздействие и оказывая на них влияние.

Очерк 4. Изменения в традиционном костюме русских юга Западно-Сибирской равнины в последней трети XIX – начале XX вв.

Изучение народной одежды как этнографического источника традиционно входит в круг интересов российских этнографов. В последние годы был опубликован целый ряд работ, посвященных одежде русских сибиряков⁶³. И все-таки актуальным остается рассмотрение проблем, связанных с функционированием комплекса традиционной

одежды как компонента этнической культуры. В предлагаемом очерке предпринимается попытка этнографического осмысления тех изменений в одежде (прежде всего из ткани), которые произошли в костюме, бытовавшем у русских сибиряков, живших на юге Западно-Сибирской равнины в конце XIX – начале XX вв.

В современной научной литературе сложилось мнение, что в доиндустриальную эпоху народная одежда имела этномаркирующую функцию и отражала разнообразные процессы, протекавшие в обществе. Однако развитие промышленности и товарных отношений разрушили "вещный мир" традиционной русской деревни, уничтожив и технологическую цепочку производства одежды от изготовления тканей до пошива отдельных вещей. Сменивший народный костюм комплекс так называемой городской одежды исследователями часто оценивается как этнически невыразительный, разрушающий привычный для традиционного общества костюм-символ. При этом обычно связывают утрату этнических черт в народном костюме с широким распространением покупных тканей и производством одежды на заказ, приобретением ее на рынке, разрушительным воздействием на крой и отделку городской моды.

Исследование одежды, распространенной на юге Западно-Сибирской равнины в конце XIX – начале XX вв., показывает, что русским сибирякам было известно более 250 терминов для одежды, не менее 40 вариантов кроя разнообразной одежды из ткани. Не все вещи сочетались между собой, некоторые из них носили только в будни, другие – по праздникам. Учитывая это, предлагается следующее разграничение понятий.

Комплекс одежды – это устойчивый набор отдельных предметов (компонентов) одежды, привязанный к обширным историко-культурным районам⁶⁴. Критерием для выделения комплекса являются этнически специфические компоненты. Ареал распространения прочих составляющих может быть гораздо шире, чем территория бытования самого комплекса.

Если эти рассуждения приложить к западносибирским материалам, то в комплекс одежды будут включены самые разнообразные компоненты: сарафаны и юбки, туникообразные рубахи и толстовки, армяки, шабуры и пальто-дипломат. Ни один личный гардероб не содержал всего, что бытовало в регионе. Индивидуальный набор вещей и их сочетание в конкретной ситуации зависели от традиционных установок на изготовление и использование одежды, моды, личного вкуса ее владельца. Из этого следует, что внешний облик каждого человека прежде всего выражал коллективные установки социума, а лишь затем – индивидуальность потребителя.

Набор вещей, которые традиционно сочетались между собой, назовем костюмом. В рамках одного комплекса одежды существовало несколько костюмов. Например, западносибирский комплекс включал в себя так называемые "традиционный" и "городской" костюмы. Они, в свою очередь, имели праздничный и будничный варианты. Полный набор вещей, надеваемый одновременно, можно назвать комплектом.

Для чего же предложена эта иерархия понятий? Прежде всего, она позволяет рассматривать одежду как единое культурное явление, связанное с другими элементами культуры этноса. Для анализа выберем наиболее существенные структурные связи. Крой одежды, технология изготовления и декор во многом определялись выбранной тканью. Включение определенной вещи в гардероб отражало эстетические представления индивида, обусловленные традицией и коллективом. Влияла на это решение и мода. Выделенные сущностные связи дают возможность проследить динамику и трансформацию западносибирского комплекса одежды и интерпретировать происходившие изменения.

Итак, в Западной Сибири было выделено два типа костюма: "традиционный" – более старый и "городской" – относительно новый. Основу традиционного костюма составляли компоненты одежды, бытовавшие у русских еще до их переселения в Сибирь и сохранившиеся в последней трети XIX – начале XX вв. на территории Европейской России. У женщин важнейшим компонентом этого костюма является сарафан, у мужчин – порты или чембары на вздержке и туникообразная рубаха (Рис. 1–2).

Традиционный костюм не был неизменным. В XIX в. шло развитие типов сарафанов и женских головных уборов. Изменялись мужские рубахи, например, "круглая рубаха" соотносится по крою и терминологии с "круглым сарафаном". Появились новые детали в верхней одежде. Новые элементы традиционного костюма прежде всего интегрировались в праздничный костюм. Его характерной особенностью было то, что компоненты праздничной одежды не "списывались" в разряд будничной со временем, а сохраняли свой статус весь период существования вещи. Покупные ткани сначала использовали для пошива праздничного традиционного костюма, и именно этот факт достаточно жестко разграничивал сферу употребления отдельных вещей до начала XX в.

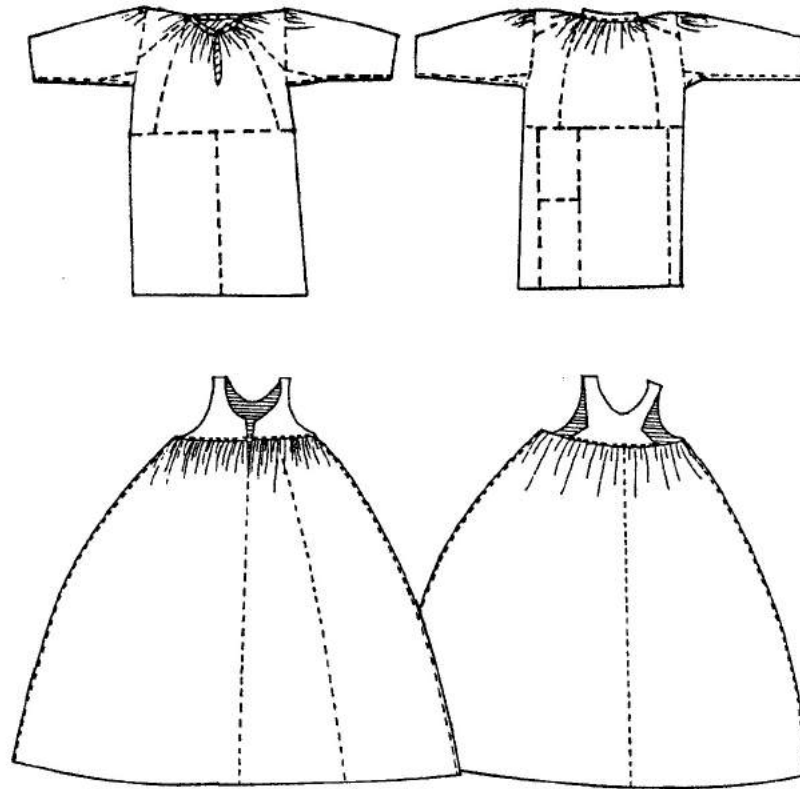

Рис. 1. Традиционная одежда – сарафан и рубаша

Формирование "городского костюма" можно датировать рубежом XVIII–XIX вв., но в быт сельской местности он вошел позже⁶⁵. У женщин его основу составляли юбка с кофтой или платье, у мужчин – узкие брюки на поясе и клешенная рубаша (Рис. 3–4). Первоначально городской костюм был праздничной одеждой. Городской костюм также был подвержен изменениям, которые, однако, не затрагивали его основу, и она сохранялась в течение всего XIX – первой трети XX вв. Городской костюм был ориентирован на использование при его изготовлении покупных тканей, хотя отдельные вещи и шили из домотканины.

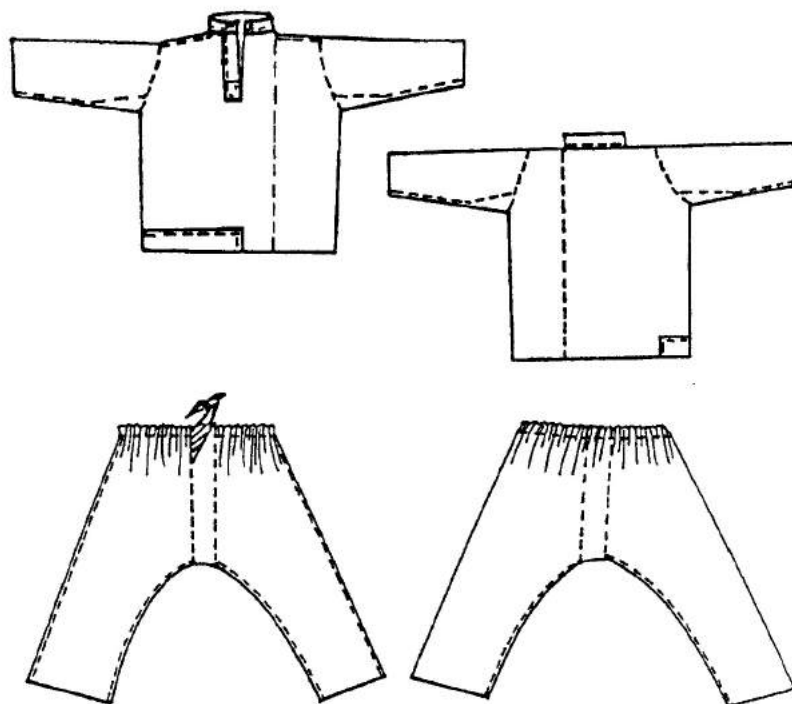

Рис. 2. Традиционная одежда – рубаша и чембары

Одной из основных причин, обеспечивших в дальнейшем широкое распространение городского костюма, является его генетическая связь с традиционным. В нем сохранились принципы составления комплектов одежды, ее многослойность, особенно характерная в женской одежде. Набор вещей, надеваемых одновременно, состоял из белья, горничной одежды, фартука. Обязательной частью мужского и женского костюма оставалось наличие пояса и головного убора, скрывающего волосы.

В большинстве районов юга Западно-Сибирской равнины два костюма дополняли друг друга, использовались в разных ситуациях одними же и теми людьми. Каким было соотношение костюмов в жизни сельского населения юга Западно-Сибирской равнины? Самое очевидное – связать городской костюм с праздничной одеждой, традиционный – с будничной. Часто исследователи уточняют, что традицион-

ная одежда использовалась как рабочая, городская – в качестве обрядовой (свадебной и, начиная с рубежа XIX–XX вв., погребальной)⁶⁶. Однако этим не ограничивается соотношение костюмов, которое было более сложным. Как пример рассмотрим только два аспекта проблемы: соотношение костюмов в мужской одежде и соединение в одних комплектах предметов разных костюмов.

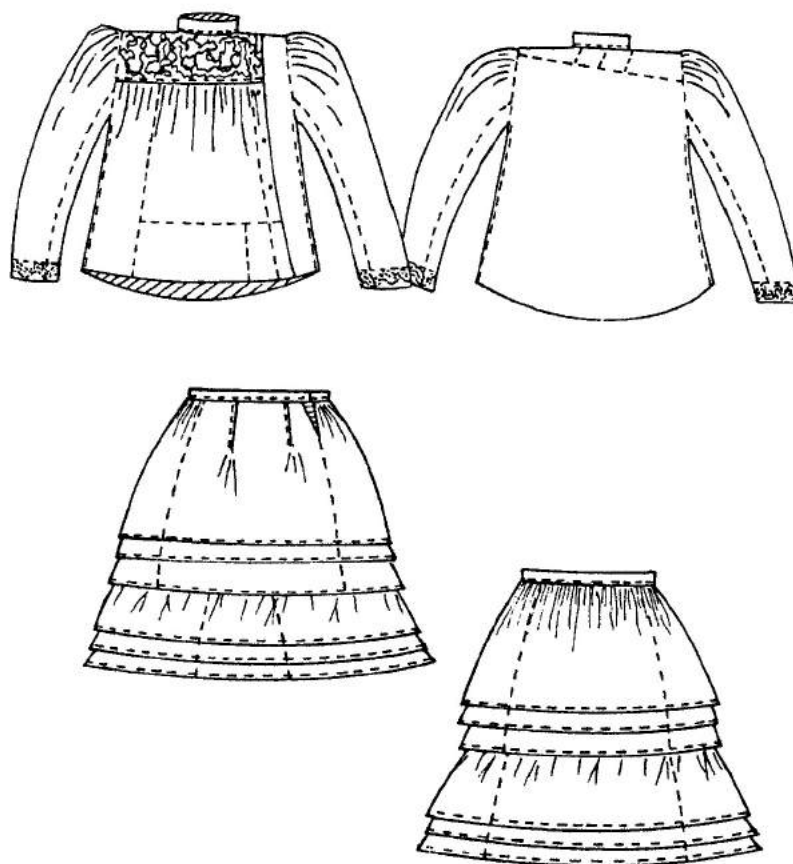
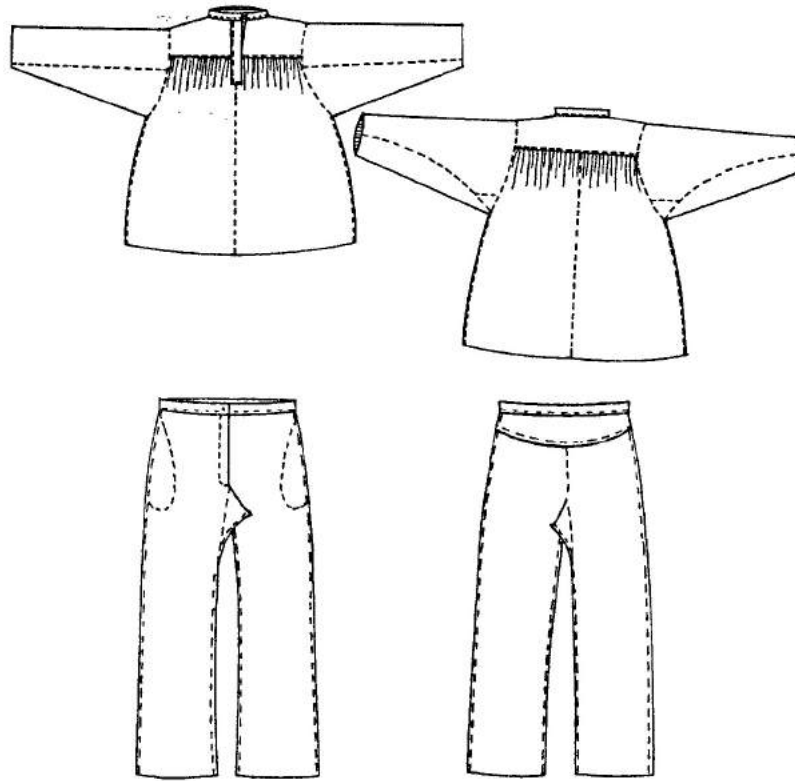

Рис. 3. Предметы "городского костюма" – юбка и кофта

*Рис. 4. Предметы городского костюма –
брюки, "круглая" мужская рубашка*

Известные исследователи русской традиционной культуры, в том числе сибирской, Н.И. Лебедева и Г.С. Маслова считали мужскую одежду единообразной и поэтому неинформативной для исследователя-этнографа. Н.П. Гринкова писала, что "мужская одежда... является весьма неблагоприятным материалом ввиду того... что мужчины уже давно... восприняли ряд новых явлений, заслонивших старые черты"⁶⁷.

Из этих двух, внешне непротиворечивых точек зрения более приемлемой кажется первая. Позволим себе уточнить ее, добавив, что мужская одежда дольше сохраняет свои формы. Что же касается тезиса о "новых явлениях, заслонивших старые черты", то он вполне может

быть оспорен. В частности, длительное время сохранялись традиционные чембары (шаровары) в качестве основы рабочего повседневного, праздничного и обрядового вариантов традиционного костюма. Шаровары разного кроя шились из разных тканей: рабочие и будничные – из холста и пестряди, праздничные – из сукна, плиса, камлота. Распространен этот тип штанов был среди крестьян и казаков⁶⁸. Аналогичным образом можно проследить бытование туникообразной рубахи и халатообразной верхней одежды среди всего мужского населения региона.

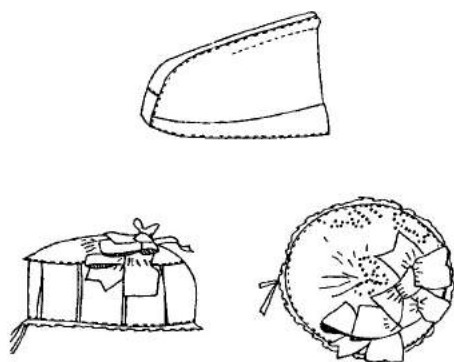

Рис. 5. Шамшура и наколка

Оценив именно таким образом мужскую одежду, признаем, что бытование городского мужского костюма было более узким территориально, чем иногда представляется. Достоверные данные о его преобладании в мужской одежде можно датировать концом XIX в. и локализовать в пригородах⁶⁹. Соединение в одних комплектах предметов разных костюмов отчетливо прослеживается на примере женской одежды. Обычным было соединение традиционной рубахи и юбки, платья, кофты. Только распространение "обтяжных" фасонов привело к смене типов нательного белья. Долгое время женщины соединяли городской костюм с традиционными головными уборами. Несмотря на то что шамшуры быстро вышли из употребления на рубеже веков, заменили их головные уборы типа чепца, продолжающие традицию старинных повойников. Даже крайне популярная наколка, повсеместно распространенная в изучаемом регионе, в своей основе имела традиционный крой (Рис. 5).

Обычно распространение городского костюма связывают с появлением фабричных тканей. Чаще всего это утверждение соответствует действительности, но нередки и другие ситуации. Жительницы тасжных районов, перенимая новый крой одежды, использовали ткани домашнего производства. Ширина ткани не позволяла сделать платье достаточно широким, и это приводило к появлению дополнительных клиньев, то есть новые фасоны превращались в старые "горбачи" с рукавами.

К 1870-м гг. городской костюм был известен во всем регионе, но не являлся необходимой частью каждого гардероба⁷⁰. Широкое распространение компонентов городского костюма можно датировать 1890–1900 гг., хотя и в это время сохранялись территории, где наиболее употребительным был традиционный костюм. Для начала XX в. характерно постепенное вытеснение компонентов традиционного костюма из одежды молодежи и людей среднего возраста в детскую и старческую одежду.

Из всего изложенного следует вывод, что городской и традиционный костюмы сосуществовали на всей территории изучаемого региона. Основой различия костюмов был крой, но большое значение для их разделения имели и ткани, определявшие технологию изготовления, возможный декор и даже отдельные элементы кроя. Несколько большее значение имел городской костюм в женской одежде, локализовать его как определяющий можно на территории Сибирского казачьего войска и в пригородах, особенно Томска и Тобольска.

Другим важным обстоятельством, определяющим выбор отдельных вещей для гардероба и, как следствие, формирование комплексов, являлись эстетические представления об одежде. По требованиям, предъявляемым к одежде, противопоставлялись праздничная и будничная одежда. Это вело к большой разнице внешнего облика населения в праздники и будни. Особенно сильны были различия в детской будничной и праздничной одежде.

Вещи для повседневной носки должны были быть чистыми и соответствовать нужному размеру. О небрежно одетых людях неодобрительно говорили: обдергай, отряхай, зачепаха, а об их одежде – бухло, кубарка, коротай. Наибольшая нетерпимость проявлялась по отношению к женщинам, одетым в короткую одежду и не покрывающим голову⁷¹.

В то же время в будни было принято ходить одетыми очень скромно, в недорогой одежде. Не одобрялись общественным мнением большие гардеробы будничных вещей. Принято было иметь 2–3 комплекта белья и несколько предметов горничной одежды. Обычным явлением в будни были "доноски", то есть поношенные вещи, передаваемые от одного ребенка к другому и иногда от зрелых людей – пожилым. Исключение из этого правила составляла молодежь брачного возраста, особенно девушки, которые и в будни одевались довольно разнообразно и добротно.

Видимо, в последней трети XIX в. не существовало еще четкого разделения повседневной и рабочей одежды. Рабочий комплект формировался из вещей постоянной носки и дополнялся защитной одеж-

дой – рукавицами, поголенками, нарукавниками. Лишь с 1890–1900 гг., когда сарафан начал постепенно выходить из широкого употребления, женщины, выходя со двора, заменяли его комплектом из юбки и кофты. Вероятно, это можно считать началом формирования женской рабочей одежды.

Совершенно иным было отношение к праздничной одежде. Она и по названию выделялась из общего гардероба, именуясь "обряд", "сряда"⁷². Обряд должен был быть ярким, богатым, затейливо украшенным. Для его изготовления выбирали ткани чистых, ярких до пронзительности цветов. Для женской одежды использовали блестящие ткани, причем предпочтение отдавали более качественным и дорогим – суре и парче. Плотный и толстый, с мягкими отблесками плюш использовался для пошива верхней одежды и мужских штанов. Широко распространены были блестящие отделки – вышивка бисером, блестками, золотной нитью. Представления о красоте требовали украшать женскую одежду большим количеством отделок разного вида и цвета.

Любовь к яркому и богато декорированному костюму у русских сибиряков была очень устойчива. А.А. Люцидарская, изучавшая традиционный быт Сибири XVII–XVIII вв., пишет, имея в виду преимущественно праздничную одежду, что у сибиряков она отличалась разнообразием фасонов и материалов. Цвета одежды были яркими, а сочетания красок самыми неожиданными⁷³.

Богатство одежды понимали в прямом смысле слова, то есть ценилась дорогая покупная одежда. Наиболее качественные ткани и вещи считались изготовленными за границей и назывались "голландскими, шведскими"⁷⁴. В праздники носить предметы традиционного костюма было непрестижно, и люди, ходившие в ней, получали обидные прозвища: шабурник, андорашница, чембарник. Свидетельством бедности являлось и изготовление "обряда" из домотканины не только в пригородных районах, но и в довольно глухих углах изучаемого региона⁷⁵.

В то же время общественным мнением осуждался и чрезмерно богатый гардероб. Многие информаторы подчеркивали, что приобретение тканей и вещей "среднего уровня" было доступно почти всем слоям сибирской деревни. Более зажиточные люди приобретали дорогие виды верхней одежды, платья, полшалки и т. п. Тянуться за ними хозяева среднего достатка не пытались. Существовало даже понятие "неподъемной" одежды, купить которую было не по средствам. Хотелось бы подчеркнуть, что "не по средствам" не означает, будто в хозяйстве вообще не было нужных денег, но требуемые суммы выходили за рамки того, что можно было потратить на одежду. Лишь отдельные

щеголи (по крестьянской терминологии, "модисты, форсуны") приобретали одежду более дорогую, чем это допускали доходы.

Н.А. Миненко описывает подобные ситуации не только на материалах одежды, но и жилища, пищи. Она не склонна объяснять как-либо эти факты, делая общий вывод о соответствии контрастов в материальной культуре уровню социальной неоднородности сибирской деревни⁷⁶. Однако чрезмерное щегольство не по достатку можно трактовать и как попытку компенсировать имущественную ущербность, скрыть свой истинный социальный статус, превратив одежду в символ престижа. Видимо, именно такое понимание одежды и породило быстрое изменение праздничной одежды, в то время как повседневные комплекты менялись медленно.

Одним из факторов изменения комплектов одежды была крестьянская мода (в дальнейшем – мода). Модой можно назвать кратковременные колебания в крое, расцветке и декоре одежды сельского населения. "Задавали тон" в формировании внешнего облика середняцкие и зажиточные слои населения. С новыми элементами в одежде заинтересованные лица знакомились на ярмарках, съезжих праздниках, при поездке в ближайший город.

Мода села не была напрямую связана с творчеством профессиональных модельеров и одеждой представителей высоких социальных слоев, но в некоторой степени, опосредованно, они диктовали изменения в народном костюме. В селе всегда ощущалось влияние одежды городских низов на сельский костюм. Это нашло отражение в широком распространении, в том числе и в ряде научных публикаций, понятия "городская мода". Заметим однако, что городские веяния весьма своеобразно преломлялись в одежде сельского населения, и вряд ли можно считать, что одежда сельских жителей и городских низов была одинакова.

Чтобы стало ясно, о каких модных явлениях в дальнейшем идет речь, приведем некоторые примеры. На рубеже XIX–XX вв. носили прямые и относительно узкие рукава, позже – рукава с буфами. В 1910 – начале 1920-х гг. очень модно было носить фартук с ляжками через грудь, в ляжки вшивали оборки. В эти же годы в моде появились и исчезли резиновые пояса, которые девушки носили поверх кофты. В 1920-е гг. по праздникам под воротник кофт стали надевать мужские галстуки. Вообще же фиксировать колебания моды очень сложно, так как они редко записывались наблюдателями прошлого⁷⁷. В основном ученые располагают материалами полевых сборов.

Анализируя известные модные явления, можно выделить несколько функций моды. Несомненно, что именно она позволяет по

внешним признакам выделять "своих" и "чужих". Здесь уместно обратиться к рассказу Д.Г. Бондаренко, записанному в 1984 г. в Ленинском районе Кустанайской обл. (территория бывшего Сибирского казачьего войска). Домна Григорьевна считала, что внешне отличить не только казака, но и казачку было легко. Подчеркнем, что к процессу узнавания не имела отношения форма, так как не все казаки носили ее постоянно. Рассказчица упорно настаивала на том, что казаки и крестьяне носили одни и те же вещи, более того: "Крестьянин побогаче так, бывало, разоденется, что казакам и не снилось". По ее же словам, "в казаках что-то было..."⁷⁸. Другой наш собеседник, казак Г.И. Негодин, как бы поясняя мнение Д.Г. Бондаренко, рассказывал, что в каждой станице молодежь придумывала какие-то особенные мелочи в костюме, быстро подхватывавшиеся сверстниками и выделяющие группу односельчан. Он вспоминал, что на рубеже 1910–1920 гг. в казачьем пос. Пресноредуть особым образом укладывали в складки голенища сапог⁷⁹. Добавим, что сминать сапоги вообще было модно в казачьей среде, и не только в молодежном кругу.

Не приводя более подробных примеров, упомянем, что такого рода модные поветрия особенно часто обнаруживаются в местах с неоднородным русским населением. В переселенческих районах бывшего Тарского уезда рассказывали, что старожилы носили модные узкие пояски с особым тканым узором. П.Е. Бардина пишет, что крестьяне в пригородах Томска щеголяли в особых "пиньжаках", которые надевали с рубахой навывпуск и чирками. Считалось, что как "...надену сорочку, пиньжак, брючки, – так нисколечко не схож с крестьянами"⁸⁰. Все эти мелкие детали выделяли именно "своих" из общей массы населения. Территории с общей модой могли быть достаточно велики и, напротив, незначительны. Характерно, что модные детали, о которых шла речь, существовали не очень долго, довольно быстро заменяясь какими-либо другими.

Другие модные явления подчеркивали особый социальный статус части населения. Известно, что существовали вещи очень дорогие, недоступные основной части общества. Такие предметы одежды могли быть вполне традиционны, например, богато расшитые шамшурь, отделанные бисером саки и т. п. Речь в данном случае идет о другом явлении, когда было важно не столько иметь деньги, чтобы купить какую-либо вещь, сколько знать, что конкретная вещь стала популярной у значительной части населения. Обычно такой модный элемент являлся компонентом городского костюма, то есть не был знаком основной части населения. Продержавшись какое-то время как модный,

впоследствии он входил в быт всей общины. Этот путь распространения модных компонентов одновременно показывает и механизм смены традиционного костюма городским.

Часто мода как механизм формировала костюм, который не выделял, а маскировал какую-либо группу. Примером может быть костюм сибирских казаков 1920-х гг. Этот процесс подробнее описан у М.Д. Голубых, поэтому только коротко изложим его материалы⁸¹. В годы Гражданской войны трудности с "мануфактурой" вынудили казаков использовать домотканину. При этом изменился привычный крой отдельных вещей, многое было заимствовано из будничной одежды крестьян, в частности кофты типа "шугай". К середине 1920-х гг. этот крой стал привычным для повседневной одежды и, как модная новинка, вошел в праздничный наряд, который шили из красивых дорогих тканей. Казачки же внешне перестали выделяться из крестьянской массы.

Можно ли считать, что смена более характерной "казачьей одежды" на общераспространенную произошла сознательно, поскольку отношение государства к казачеству стало неоднозначным? Если в данных М.Д. Голубых нет ошибки, а исследование его представляется очень скрупулезным, то, собственно, вопрос сводится к проблеме сознательного "конструирования" моды, "изобретения" ее широким слоем населения. Однако в современном костюмоведении и социологии моды принято считать, что мода подсознательно отражает экономические, социально-психологические, эстетические и другие характеристики общества, в котором она создается⁸². Процесс творчества подсознателен даже у профессиональных дизайнеров, заранее определяющих цели своей работы. Крестьянская же мода создавалась коллективно, всеми ее потребителями и мастерами, изготавливавшими одежду. Поэтому, с одной стороны, мода отражала процессы, протекавшие в сибирской деревне, а с другой – укладывалась в традиции народной одежды, предлагая потребителям новинки, генетически связанные с традиционным костюмом, его кроем, декором, технологией пошива.

Мода воздействовала на весь комплекс одежды русского населения юга Западно-Сибирской равнины. Выбор модных компонентов костюма был сознательным. Изменение кроя, технологии и декора вели к необходимости изменить параметры ткани – ее ширину, фактуру, цвет. Но уровень владения техникой ткачества у большинства русских крестьянок не позволял этого сделать. В условиях, когда имелась возможность приобретать ткани фабричного производства, произошел отказ от домотканины, использование ее для пошива одежды было сведено к минимуму. Независимым друг от друга стало бытование

тканей и одежды. Полный разрыв цепочки "ткань – одежда – потребитель" произошел в первой трети XX в. Имело ли это какое-либо этническое значение?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к некоторым вехам истории народного костюма русских сибиряков. Постепенное сложение русского населения юга Западно-Сибирской равнины обеспечивало постепенность и незаметность изменений в традиционном русском костюме, который приносили с собой переселенцы в XVII–XVIII вв. В сложившемся комплексе, бытовавшем в старожильской среде, наиболее четко прослеживались севернорусские элементы, характерными чертами которых являются рубахи с прямыми поликами, сарафан, шугай. Сохранялись и севернорусские термины, например, "лопоть" (одежда), "рукава", "станушка". Указанные черты наиболее отчетливо прослеживаются в районах раннего заселения (северные районы Омской, южные – Тюменской и Томской обл.).

Тесные связи с севернорусскими элементами сохраняли северо-восточные, что прослеживается по терминам "шамшура", "кушак". Д.К. Зеленин считал, что северо-восточные специфические элементы есть не что иное, как претерпевшие модификацию в условиях Вятской и Пермской губ. севернорусские черты костюма⁸³. Вместе с потоками переселенцев XVIII в. они проникли в Сибирь, влияя на местный традиционный комплекс, сложившийся еще в XVI в., формируя основу одежды старожильского населения самых южных районов современной Тюменской, а также Курганской и Новосибирской обл.

Не всегда можно различить севернорусские и среднерусские элементы одежды. Однако некоторые из исследованных музейных материалов по умеренности декора, расположению швов, длине женских рубах и некоторым другим деталям можно отнести именно к среднерусскому комплексу. Вообще же особенностью старожильской западносибирской одежды является потеря еще в XVII в. этнически самобытных черт, отличающих локальные варианты костюма⁸⁴. Другими словами, одежда сибиряков-старожилов утрачивала этнодифференцирующую функцию и, видимо, уже в XVII–XVIII вв. объединяла пеструю по своему происхождению массу русских сибиряков. Процесс формирования сибирского костюма сопровождался и "усреднением" вырабатываемых в домашнем хозяйстве тканей, затронувшем в большей мере их цвет и орнаментальное решение.

Из наблюдений середины XIX в. можно сделать вывод о внешней похожести русского костюма юга Западно-Сибирской равнины. П.П. Семенов-Тянь-Шанский писал, что одежда сибирских крестьян была несравненно лучше одежды крестьян Европейской России.

Н. Черняковский отмечал характерное для русских сибиряков щегольство. Однако из записей наблюдателей, принадлежавших к достаточно высоким общественным слоям, можно сделать и другой вывод. Да, одежда сибиряков была дорогой, но главное, она отражала те представления о красоте и добротности, что были понятны самим писавшим⁸⁵. Видимо, можно считать, что совпадение представлений о добротности и красоте одежды также свидетельствует о складывании в этот период "городского" костюма в Сибири.

Описывая тенденции развития западносибирского комплекса одежды, необходимо указать на влияние на костюм русских сибиряков со стороны переселенцев конца XIX – начала XX вв. С одной стороны, переселенцы, прибывая в Сибирь, старались изменить свою одежду в соответствии с принятыми здесь нормами. Многие еще до отъезда с родины интересовались сибирским бытом и прибывали в Сибирь, приняв, насколько могли, новый облик. Особенно это касалось переселенцев из южных губерний России. Выходец из Рязанской губ., давая советы своим односельчанам, собравшимся переезжать на жительство в Сибирь, писал так: "Бабы в платках ходят, в юбках, в пальтах; сошуну (женская верхняя надетка, шушпан – прим. редактора) не нужны здесь, их не носят, запанья – тоже. Юбки по две возьмите с собой, а остальное продавайте, башмаки свои захватите"⁸⁶. Таким образом, наиболее выразительные черты костюма утрачивались еще до переселения. Тот же, кто сохранял специфические виды одежды, в Сибири ими практически не пользовался.

И все же изменить полностью свой облик переселенцы не могли. Г.И. Успенский, описывая курских переселенцев в Сибирь, отмечал, что они не просто иначе, чем старожилы, одеты, но и "...одеты, обуты и обмотаны в продукты всякого рода растительности: лык, мочал, пеньки..."⁸⁷. В одном из опубликованных В.Н. Григорьевым писем сибирский новосел советует при переезде брать с собой гребенки, гребни и берда⁸⁸. Чем же объяснить такую приверженность к домотканине?

Возможны три соображения по этому поводу. Во-первых, у переселенцев обычно было мало свободных денег, а домотканина делала одежду более дешевой. Во-вторых, уже комментировались требования к повседневной одежде, так что, отказавшись от наиболее специфичных видов одежды, переселенцы могли чувствовать себя комфортно и в старом костюме. В-третьих, некоторые из них (особенно выходцы с северо-запада Европейской России), производили ткани, в том числе и одежды, которые отличались высоким качеством и большой, до 60 см, шириной. Это позволяло кроить из них вещи городского образца, следуя, однако, своим представлениям о красоте и добротности одежды.

Особенностью переселенцев было и то, что, отказываясь от привычной одежды, они начинали носить городской костюм, способствуя, таким образом, его скорейшему распространению. Причиной этого, видимо, было то, что подавляющая часть поздних переселенцев – выходцы из южных губерний. Они не могли принять на новом месте жительства новый костюм с яркой этнической спецификой, не соответствующий их эстетическим представлениям. Не могли они носить и старую одежду. Городской же костюм был этнически нейтрален.

Описанная тенденция изменения переселенческого костюма была массовой, но не единственной. Известны случаи консервации костюма, которая происходила относительно редко, в местах локального проживания крупных групп переселенцев из одного места выхода. Обычно группа была настолько велика, что составляла брачный круг и не нуждалась в таких контактах с окружающим населением, которые бы заставили приспособить свою культуру к сибирским стандартам.

В настоящее время группы, о которых идет речь, достоверно выделяются только полевыми методами. Автором был собран материал, который позволяет выделить две локальные группы, расселившиеся в деревнях Березники и Калачики (ныне не существующие) Булаевского района Петропавловской обл. и в деревнях Поречье, Алексеевке, Игоревка Муромцевского района Омской обл. Видимо, этих групп было больше, но в конце XX в. получить доказательства их существования оказалось возможно только в ходе экспедиционных работ.

Приведем некоторые материалы, свидетельствующие о консервации костюма⁸⁹. В Березниках жили переселенцы из Орловской губ. Для них со времени переселения (1910-е гг.) была характерна женская одежда, состоявшая из юбки, кофты и фартука. Юбки шили из черной ткани с особым чередованием цветных полос, образующих клетку. Такую ткань невозможно было подобрать на рынке, поэтому ее ткали в хозяйствах. Некоторыми особенностями отличалась и рубаха, входившая в комплекс одежды, она лишь была укорочена в 1920–30-е гг. и превратилась в кофту. Мужская одежда также выделялась характерными чертами кроя и отделки. Этот костюм без изменений продержался до 1960-х гг., а некоторые пожилые люди носили его и позже. Однако особенностью описываемого костюма были не отдельные черты его кроя или декора, а то, что он существовал долго и устойчиво, и носила его подавляющая часть коллектива.

Отметим, что население Березников и Калачиков отличалось от жителей соседних деревень не только одеждой, которая была лишь внешним проявлением особого уклада жизни, присущего этой группе сибиряков. Отношение к ним со стороны живущих в соседних деревнях было неоднозначным. Зрелые люди сотрудничали с жителями рядом расположенных деревень, славились как хорошие ткачи, молодежь же часто вступала в конфликты. Если вернуться к анализу одежды, то очевидно, что приведенный пример показывает роль одежды как этномаркирующего признака. Отметим, что особенности костюма в сознании информатора были тесно связаны с особой тканью, из которой он выработывался. Как бы вторят этому рассказу слова М.Ф. Богдановой, которая, говоря об одежде жителей Игоревки, подчеркивала, что характерный костюм бытовал в их деревне до 1950-х гг., когда в колхоз приехал новый председатель из Омска и запретил ткать, потому что это якобы позорит деревню как нищую⁹⁰.

Выделив две тенденции развития переселенческого костюма в Сибири, вернемся к тому, как он взаимодействовал с одеждой русских старожилов. Уже высказывалось мнение, что с появлением в Сибири значительного количества переселенцев более распространенным стал городской костюм. С момента прибытия в Сибирь больших групп переселенцев, то есть с конца 1890 – начала 1900 гг. традиционный комплект стал вытесняться и из будничной одежды старожилов. Ускоренными, по сравнению с предыдущим временем, темпами шла внутренняя нивелировка западносибирского комплекса одежды. Видимо, в качестве ответной реакции на этот процесс складывались локальные сибирские варианты русских традиционных костюмов европейского происхождения у переселенцев.

Подобные процессы можно проследить и у некоторых сибиряков-старожилов, которые также с трудом поддаются фиксации, в связи с чем будет приведен только один пример. Некоторые полевые материалы и коллекция одежды Тобольского музея-заповедника доказывают, что в 1910-е гг. среди русского старожильческого населения пригородных районов Тобольска появилась мода на праздничную одежду в подчеркнuto русском стиле⁹¹. При этом фасоны и отделка вещей отражали представления изготовлявших их мастеров о том, какой была традиционная одежда. Как правило, за основу комплектов выбирался крой, характерный для городского костюма, но использовались добротные ткани домашнего изготовления, большое значение придавалось отделкам. Основой декоративного решения были либо тканые бранью полосы, либо вышивка бранью швами (Рис. 6).

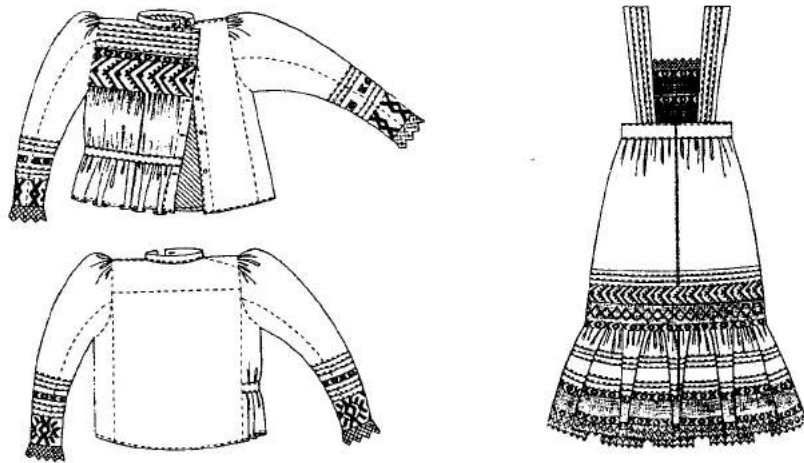

Рис. 6. Одежда в подчеркнуто русском стиле

Вряд ли можно считать, что это была сознательная мода, что мастера сознательно подчеркивали в своем костюме наиболее характерные для старожильческого населения элементы одежды, противопоставляя ее одежде переселенцев. Скорее она подсознательно отражала некоторые протекавшие в обществе процессы. Аналогичная ситуация на материалах европейской части России описана Л.С. Ханявиной, которая отмечает, что иногда зажиточные слои сельского и отчасти городского населения тяготели к русской народной одежде, изготовляли ее с золотым шитьем, из дорогих тканей и использовали как праздничный наряд⁹².

Объяснить этническое значение процессов, изменявших одежду русских сибиряков, можно, исходя из общепризнанной сейчас в специальной литературе точки зрения на народный костюм как знаковую систему⁹³. Любой традиционный костюм содержал информацию о поле, возрасте, семейном положении, достатке и месте жительства ее обладателя. Различия в костюме были минимальны у жителей близлежащих населенных пунктов, нарастая с расстоянием между поселениями. Неизменность костюма обеспечивала верную дешифровку содержащихся в нем сведений. Необходимость вложить в костюм определенный смысл устанавливала цепочку "изготовитель – потребитель – вещь". Очевидно, что делали и носили костюм в одной семье, то есть отчуждение его было минимальным.

В Сибири русское население было смешанным, отличаясь местами выхода, а, кроме того, представители разных социальных групп селились рядом, без деления на слободы. В этих условиях были важны не столько этнические различия в культуре или быте, сколько социальные. Поэтому для сибирского комплекса одежды было характерно сохранение в традиционном костюме наиболее нейтральных, усредненных черт, узнаваемых русскими любого происхождения. Эти черты и некоторые виды одежды, известные всему населению региона, характеризовали носителя костюма как сибиряка. Начавшиеся в конце XIX в. массовые переселения сделали сибирскую часть русского этноса еще более неоднородной. Именно в это время традиционный костюм начинает окончательно вытесняться из широкого употребления.

Быстрое складывание городского костюма отражало необходимость выразить социальный статус владельца одежды. Этому же служила и мода, выделявшая в ряде случаев определенные социальные группы. Именно для городского костюма характерен разрыв между производством и потреблением, что подчеркивало общественное и имущественное положение хозяина костюма. Большое количество модных элементов костюма появилось в одежде в 90-х гг. XIX – первой трети XX вв. Изложенные материалы показывают, что в это время модные элементы городского костюма выделяли группы не только по социальному, но и по этническому признаку, отделяя внешне старожилов от новоселов. Вероятно, это можно рассматривать как проявление этнических последствий массовых переселений в Сибирь.

Очерк 5. Конопля, вши и змей-любовник

*– Шуба пашура,
Куда ходила?
– Вшей провозжала,
На пень сажала:
сидите, вши,
когда рожь пожнем,
то и вас возьмем.*

(Народная загадка о конопле)⁹⁴

Среди сюжетов об огненном змее – женском любовнике – есть один очень интересный, суть которого сводится к следующему: мифическое существо, приняв образ молодого парня (умершего или отсутствующего мужа, любимого девушки), начинает летать к девушке (женщине), так как она или поднимает вещь, принадлежавшую ему (в которую он обращается), или тоскует об умершем (отсутствующем) муже (любимом). Затем это мифическое существо вступает с ней в любовные отношения. Люди замечают, что женщина сохнет (худеет, чахнет, желтеет), или люди видят летающего к ней огненного змея, иногда женщина сама замечает неладное. По совету знающих людей, девушка (женщина) садится на порог, распускает волосы, расчесывает их над конопляными семенами, насыпанными в подол или фартук, щелкает семя. На вопрос мифического существа: "Что ты делаешь?" – отвечает: "Вшей ем". Мифическое существо или плюет на нее, или бьет в дверь (реже – саму женщину) и сразу же улетает. Больше оно не появляется.

Из двадцати двух текстов на этот сюжет, которыми мы располагаем⁹⁵, часть имеет иную версию концовки: здесь диалог продолжается.

"А разве можно вшей есть?" – спрашивает мифический любовник (Или: "А разве люди едят вшей?", "Разве можно крещеной кости вшей есть?").

"А разве змеи живут с женщинами?" – парирует женщина (или "А разве может мертвый к живой ходить?", "Разве можно некрещеной кости к крещеной ходить?"). Этим мифическое существо убеждает в алогичности происходящего и тем самым конфузят. Обман раскрыт, и он понимает, что женщине ясно, кто на самом деле ее посещает. Поэтому иногда в этой версии вводится дополнительная деталь: змей ударяется оземь, принимает свой настоящий облик и улетает.

Первую версию мы условно назвали "психологической", так как, на первый взгляд, реакция мифического существа на действия и слова его возлюбленной психологически мотивирована: он испытывает отвращение, потому улетает. Вторая – получила название "разоблачительной".

Какая из них более ранняя? Не является ли первая усеченным вариантом второй? Попробуем разобраться. Для начала обратимся к болгарским мифологическим песням, сохранившим архаичный пласт славянских верований. В песне "Радка и змей" девушка спокойно говорит матери:

*Ты меня сватаешь, мама,
Сватаешь, а не спросишь,
Хочу ли пойти я замуж,
Змей меня любит, мама,
Змей любит, возьмет меня в жены...*

А в песне "Дена и змей" девушки упрекают подругу во лжи и говорят о ее любовной связи со змеем как о явлении обыденном, хотя и нежелательном, опасном для нее:

*Ох, беда тебе, подруга,
В тебя, Дена, змей влюбился...*⁹⁶

Мы видим, что девушка здесь знает, кто ее любовник, и ему нет нужды маскироваться, скрывать свою сущность. Отсюда следует, что продолжение диалога не имеет смысла, а сама "разоблачительная" концовка – позднее эволюционное явление, возникшее в результате подвижности быличковых мотивов, взаимовлияния сюжетов. В пределах темы "Мифический любовник" есть целый сюжетный тип, в котором разоблачение является центральным мотивом. Одни из сюжетов этого типа, представленный в основном украинскими текстами в записи В. Гнатюка⁹⁷, как раз имеет аналогичную концовку, также построенную в форме диалога. Возможно, отсюда она и была перенесена в текст о расчесывании волос над конопляным семенем.

Название первого типа концовки условное, так как дело здесь не в том, что действия женщины змею неприятны, а в том, что они опасны для него! Казалось бы, в них нет ничего особенного: ей нужно вызвать к себе отвращение, поэтому она делает вид, что ест вшей. Для этого и берутся семена конопли, на них похожие. А чтобы змей не почувствовал обмана, распускают волосы и делают вид, что насекомые из них вычесываются. Но на самом деле простота эта кажущаяся. Во-первых, сам обман мифического существа – это "магический прием, используемые для защиты от нечистой силы, болезней и других опасностей"⁹⁸, имевший общеславянский характер. Во-вторых, все детали

комплекса имеют свою особую значимость: и конопля, и "поседание" вшей, и распущенные волосы, и порог, и даже фартук (или подол), в который семена насыпаны!

Начнем с конопли. Несомненно то, что это растение является древнейшим оберегом. Многие факты говорят и о том, что в этом качестве оно связано именно со змеем. В с. Павловка Седельниковского района Омской обл. от белоруса В.С. Шульгаца нами была записана быличка о том, как человек, у которого змей похищал из амбара хлеб, подкараулил его: "...он глянул – а наверху сидит змей, подсыпает! И он слышал, что коноплю его убить можно..."⁹⁹

Связь эта сохранилась в поверьях, связанных с укусом змеи: "Конопля прикладывается к ране, происшедшей от укушения змеи или ужа, которая скоро заживает"; "На Воздвиженье не тянут конопель: гадюка вкусе". Прослеживается связь и в заговоре от укуса змеи: "Ишов Август по широкой дорози, узышов на крыжавую дорогу; на крыжавой дорози стоиць дуб, у тым дубу змяиный зуб, – кусав и рвав рабу божаму цело. Я твой яд вымаю, коноплянии и маковым зерням отсыпаю, цябе проклиною и отсылаю к дубу, к змяиному зубу". В поверьях о змеях-рептилиях говорится: "Уверяют, что сии гады входят человеку во внутренность..., такого поят парным и наговоренным коровьим молоком, смешанным с конопляным маслом", "У хорватов и словенцев на Еремеев день – 14 мая – существовал обычай изгнания змей. В этот день избегали полевых работ, хотя коноплю сеять разрешалось, даже рекомендовалось". В метеорологических представлениях: "В Полесье, на Черниговщине, до Благовещения "не ті пали ні льону, ні конопель, щоб не витіпав град хліба в полі і городини. Ті пали з осені..."¹⁰⁰.

Воспоминания о защитной силе конопли сохранил и народный эпос. Вспомним сюжет о борьбе Кожемяки со змеем: "Когда умолили Кирила Кожемяку идти против змея, он обмотался коноплями, обмазался смолою, взял булаву пудов десять и пошел на битву"¹⁰¹. Л.Г. Бараг в статье "Сюжет о змеборстве на мосту в сказках восточнославянских и других народов" замечает: "В целом ряде восточнославянских сказок мать змеев гонится за героем, приняв облик гигантской свиньи или коровы. Кузьма-Демьян и ученики-молотобойцы бьют чудовище молотами, перековывают в кобылу, дарят ее герою и предлагают ему объехать на кобыле вокруг света или кузницы, держа в руке зажженный пучок льна или конопли. Он должен вернуться до того, как лен или конопля сгорят"¹⁰².

Позже конопля, конопляное семя, наряду с семенами льна и мака, по-видимому, стала применяться как оберег и от ходячего покой-

ника: "В северо-восточной Сербии для того, чтобы покойник не стал вампиром, нагая женщина кадила очесами конопли волосы покойника; пепел, остатки конопли и волосы клали в гроб". В прииртышских текстах о ходячем покойнике (любовнике и нет) обсыпание дома конопляным, льняным и маковым семенем выступает как оберег.

В дальнейшем конопля стала восприниматься как защитное средство от нечистой силы вообще: "Нечистики не останавливаются на льнище, коноплянице и на пшеничной полосе – на первых двух вырастают предметы, производящие масло – приправу к постным кушаньям, а на втором – материал для изготовления просфир".

Конопля используется и в народной медицине. Так, по мнению белорусов, "подвей" – болезнь наступает от того, что человек попадает в вихрь. "Лечение этой болезни таково: знахарь или знахарка сучит предварительно длинную нитку из дикой конопли или крапивы; больного сажают перед топящейся печью и сперва начинают просить подвей, чтобы он оставил больного в покое, а затем переходят к угрозам, что если он не оставит больного, то его, подвевя, силой свяжут и сожгут"; "Неразлучную с разрешением от бремени боль желудка следует унимать конопляным молоком, которое подается "родилке" прежде, чем освободят ее новорожденного от "бруды"; "Коноплю курят от кашля, от золотушной боли глаз, от желтухи. Конопляное семя применяют от болей".

Конопля – защитное средство от ведьм и их козней: "На Купалу собирают против ведовства конопляный цвет или кашку, которую рассыпают перед воротами своего дома и в хлевах, чтобы ведьма не могла сюда проникнуть"; "Утром на Купалу нужно пересыпать коноплей дорогу, где за околицей будет проходить скот в поле. Если такую конопляную "сцежку" перейдет корова с отнятым у нее молоком, то последнее и все, приготовленное из него, поедят черви... Если в Купалу потрясти коноплю-самосейку, то сюда не замедлит явиться ведьма и станет просить, чтобы больше не трясли коноплю". В с. Пологрудово Тарского района Омской обл. считают, что ведьмина корова на Ивана Купалу не может перейти костру¹⁰³.

Итак, мы увидели, что конопля, в том числе и ее семена, обладает апотропеическими свойствами. Но вернемся к нашему сюжету, в котором эти свойства завуалированы тем, что ее семена здесь соотносятся со вшами и замещают последних. Это соотношение не является только принадлежностью данного быличкового сюжета, а возникло гораздо раньше, помимо него. Чтобы убедиться в этом, обратим внимание на приведенную В. Далем загадку о конопле, вынесенную в эпиграф. Дело не только во внешнем сходстве семян и насекомых. "Сим-

волика вшей определяется их множественностью, вследствие чего они соотносятся с однородными мелкими предметами: семенами льна, крупой, бобами, крошками хлеба, деньгами (монетами)..."¹⁰⁴. В этот ряд, выстроенный авторами статьи о вшах недавно вышедшего первого тома этнолингвистического словаря "Славянские древности", нужно включить и семена конопли. Сопоставление насекомых и семян мы видим в следующих белорусских поверьях: "У того по лицу телу по-ползут вши, кто при жизни имел дурную привычку от нечего делать выдергивать лен в головках"; "Во время шитья белья нельзя есть хлеба, маку, конопли: в белье будут разводиться вши"¹⁰⁵.

В сюжете о змее-любовнике упор делается на "поедание" вшей. И дело здесь не в том, что эти действия должны вызвать отвращение у змея, а в том, что он больше не может приблизиться к женщине. И не потому, что она ему неприятна, а потому, что она теперь надежно защищена. Чтобы убедиться в этом, обратимся к ряду этнографических данных.

В статье А. Редько "Нечистая сила в судьбах женщины-матери" читаем: "В Казанской губ. при задержании послета родильнице дают проглотить вшей в хлебе. То же средство практикуется в Западно-Русском крае. Само собой является предположение, что это средство дается для произведения рвоты. Но этому объяснению мешает следующее обстоятельство. По словам доктора Сицинского, к тому же средству прибегают в Минской губ.: при задержании послета дают трех вшей, но там зачастую делают таким образом, чтобы родильница не знала об этом. Такую же подробность отмечает В. Даль, он упоминает о двух народных средствах при задержании послета: дают роженице без ее ведома парочку вшей или, вместо них, золу. Правда, в Каширском уезде Тульской губ. родильнице говорят вслед за тем, что она съела". Автор статьи доказывает, что это применяется не с целью вызвать рвоту, как трактуют информаторы, – ведь для этого достаточно обмануть женщину, сказав, что она съела, а не кормить ее вшами на самом деле. Кроме того, в Тульской губ. "в Тульском и Веневском уездах хлеб с тремя вшами дают съесть и коровам в том же положении". А уж корове – хоть говори, хоть не говори – все равно не поймет. А. Редько считал, что это способ изгнания нечистой силы или особого духа, угрожающего родильнице.

Далее приводится свидетельство доктора Демича о лечении лихорадки у русских и мордвы тем же способом: "...народ, представляя себе лихорадку в образе безобразных дьяволиц-дев, думает, будто бы эти девы-лихоманки боятся разных мерзких, противных предметов, и в последующем изложении упоминает, между прочим, давание внутрь

вшей и клопов без ведома о том больного"¹⁰⁶. То же самое встречаем и у В.И. Даля и П.П. Чубинского¹⁰⁷.

Вшей, закатанных в хлебный шарик, дают и больным желтухой: "От "жевтачки" нужно съесть в хлебе живую вошь"; "от "живтачки" много помогает: а) употребление в пищу головных вшей, б) прием в водке домашних клопов, раздавленных в рюмке..."¹⁰⁸.

Этот лечебный прием известен и в Прииртышье. Нами записано даже два сюжета текста, повествующих об эффективности такого лечения: "От желтухи я слышала. Вошь живую надо в яичко пустить и пить это яичко. Одного старика врачи отказались лечить. Выписали домой: "Иди, смерти дожидайся". Жена выходит от врача и плачет.

– А ты что, миленькая, плачешь?

– А вот такое дело: у меня мужа не берут лечить.

– Ой, миленька моя, вот яичко разбей, вошь пусти и дай выпить.

Она сделала так – и куда делась желтуха"¹⁰⁹.

Съеденные живые вши помогают и от "сухотки": "Много помогают "сухотнику" употребление в пищу собственных вшей при условии, чтобы он не знал об этом"¹¹⁰.

Итак, употребление внутрь живых вшей в народной медицине расценивается как средство облегчения трудных родов, лечения лихорадки, желтухи, "сухотки".

А. Редько, о чьей статье шла речь выше, считал, что данное средство рассчитано на то, чтобы вызвать у болезни (которая, как известно, воспринималась одушевленным живым существом), сидящей внутри человека, отвращение.

Можно согласиться с подобным объяснением, если не принимать во внимание наш сюжет о змее. Ведь в нем (кстати, как и в случае с последом) мифическое существо не находится внутри женщины. И если в случае заболевания лихорадкой, желтухой, сухоткой через человека угощают вшами саму болезнь, то в случае со змеем ситуация иная: он их даже и не пробует! Конечно, можно объяснить это механическим перенесением средств лечения названных болезней в быличковый сюжет. И в этом случае "психологическая" мотивировка поведения змея (он испытывает отвращение) станет оправданной. Все, казалось бы, встает на свои места: связь данного оберега со змеем вторична, сюжет следует считать поздним. Но пойти по этому, лежащему на поверхности пути, нам не позволяют некоторые метеорологические народные представления.

Мы знаем, что древней ипостасью огненного змея является молния. Об этом писал в свое время А.Н. Афанасьев: "В огненном змее народная фантазия, создавшая мифические образы не иначе, как на

основании сходства и аналогии их с действительными явлениями, олицетворяла молнию, прихотливый извив которой напоминал воображению скользкую по земле змею"¹¹¹. У С.В. Максимова в его "Нечистой, неведомой и крестной силе" нам встретилось такое верование: "Во время грозы нельзя быть с растрепанными волосами ... Не надо в голове искаться: не одну такую бабу стрела забила насмерть, других же оглушила"¹¹². Нет ли здесь связи: молния потому бьет женщин, ищущих в голове, что змей чувствует опасность от этих паразитов?

В образе змея народ олицетворяет и градовую, дождевую, грозовую тучу. В.Н. Добровольский в статье "Звукоподражание в народном языке и в народной поэзии" приводит такое поверье: "Чтобы дождь пошел, бьют лягушек и ловят блох. Прыгающих лягушек и насекомых нжут на нитку и вывешивают на кустике, приговаривая: "Как эти блохи и лягушки повисли, чтоб тучи повисли"¹¹³". Подобное поверье зафиксировано и в Харьковской губ.: "Як блохи здорово кусоуцьця – дощ буде"; "Блохи кусают на дождь". В. Мошков, приводя подобное поверье гагаузов: "После дождя всегда одолевают блохи", в примечании сопоставлял его со славянским: "В д. Малая Дубровица говорят: "Як барзо блохи кусають, то будэ дощ"¹¹⁴".

Блохи в данных представлениях, видимо, идентичны вшам. Так, в Прииртышье, в д. Жирновка Называевского района Омской обл., от украинки М.И. Чернобровиной записано: "Нельзя насекомых мелких убивать – дождь пойдет". Авторы статьи о вшах словаря "Славянские древности" приводят приметы, где фигурируют уже непосредственно эти насекомые: "Вошь вылезет на ухо – к дождю или, наоборот, к хорошей погоде (мазовское); найти одну вошь – к дождю, две рядом – к дождю с градом (волгоградское). На Гомельщине для вызывания дождя вошь подвешивают на волосе на дерево над колодцем, на забор и обливают водой". О.А. Терновская пишет о том, что подобные обряды зафиксированы у восточных и южных славян и приводит еще интересные для нас сведения о связи блох с водой, весенним пробуждением природы, использование "гадов" для выведения блох. Для этой цели берут землю во время первого весеннего грома, если ею посыпать постель, то ни одна блоха не укусит. "Для истребления блох пользуются первым громом, после него берут землю и посыпают ею пол, постели и стены, приговаривая: "Гром прогреми, блох разгони!" – три раза"¹¹⁵. О.А. Терновская объясняет "дождевую" функцию блох следующим образом: "Способные к активному передвижению по вертикальной оси пространства мухи и блохи ... являются носителями метеорологических функций – с их помощью осуществляется смена времен года. Тем

самым они обеспечивают связь социума с природой. Их физическое уничтожение.... – залог непрерывности движения времени"¹¹⁴.

Можно предположить иное: дело не в "передвижении по вертикальной оси", а в связи насекомых со змеем. Отсюда и их "метеорологическая функция". Почему льет дождь? Это реакция змея на блох и вшей (он или пугается и отпускает воду, или радуется, что уничтожили этих насекомых, и дарует дождь). По этой же причине гром бьет блох. Отсюда – связь насекомых со сменой времен года не прямая, а, вероятнее, опосредованная – через змея.

Рассмотренным выше метеорологическим представлениям соответствует одна деталь нашего сюжета, на которую можно было и не обратить внимания, если бы не повторение ее в разных текстах: "...Так женщина и сделала. Когда она все это сказала, он плюнул и перестал к ней ходить"; "...Женщина так и сделала. Змей так плюнул на нее, что даже водой ее всю залил, скрылся и уже больше не прилетал"; "...Вин тоди як росердыться, та як почне плювать, так чысто й йи усю облював, а сам з хаты и загул...з того часу уже и не прыходыв". Таким образом налицо та же реакция змея на вшей, как и в приведенных выше этнографических фактах: он отпускает воду! Об этом писал и А.Н. Афанасьев: слюна – метафора дождя¹¹⁵. Разве это не свидетельствует об архаике детали, да и самой формы в целом?

В связи с этим "психологическая" мотивировка принята быть не может, ровно как и предложение о механическом перенесении в сюжет оберега из народных средств лечения лихорадки, желтухи, сухотки и облегчения трудных родов. Скорее всего, перенесение было обратным: от змея к названным болезням. Дело в том, что во всех этих случаях так или иначе ощущается связь со змеем!

Проиллюстрируем эту мысль на примере трудных родов. А. Редько задавался вопросом: кто же тот дух, который мешает родильнице? Склоняясь к рассмотрению его как нечистого, беса, исследователь признает его особенность и связь с последом: "...народ и донныне сохранил память о каком-то отношении нечистого к последу..." Но ответа на поставленный вопрос у автора нет. Он же приводит ссылку на издание "Народы России", в котором говорится: "Существует поверье, что при родах нечистая сила в образе змеи старается напасть на новорожденного и задушить родильницу"¹¹⁶.

В.А. Мошков отмечал, что "боязнь за новорожденного ребенка и роженицу в первое время после родов принадлежит к числу международных, широко распространенных в Европе и Азии. Боятся, что ребенку могут повредить: злой дух, дьявол, нечистая сила, мифические великаны, летучие змеи..."¹¹⁷.

В. Бондаренко в "Очерках Кирсановского у. Тамбовской губ." писал, что у русских жителей губернии существует поверье в "коловертышей" – помощников ведьм. По своим функциям эти мифические существа то же, что огненный змей – мифический помощник, носящий хозяину молоко, хлеб, деньги. А появляются эти коловертыши из собачьего места, то есть следа, положенного под печку!¹¹⁸ Перечисленные сведения говорят о том, что один из духов, вредящий родильнице, мог иметь змеиное происхождение.

Можно предположить и иное. Г.Н. Потанин в статье "Святой Касьян и сказка о больной царевне" анализировал мотив исцеления царевны, имевший связь со змеем или нечистым (разрезают утробу, из нее вычищают змеешей, "дьявольское гнездо" и т. п.). Болезнь он связывает с ее беременностью от змея: "В одной из сказок у Афанасьева больная царевна ... заболела от того, что к ней по ночам летал змей; сказка заставляет предполагать зачатие от этого сверхъестественного любовника; лечение должно в таком случае иметь изгнание нечистого зародыша или его истребление..." В числе лекарственных средств называется трава "донник". Потанин приводит свидетельства о том, что эта трава в народной медицине применяется для лечения детского родимчика. Ее название он сопоставляет с названием болезни женского чрева: "Именем дна у русских называлась какая-то женская болезнь, как это видно из заговоров, в связи с которой находятся амулеты особого рода, так называемые "змеевики"¹¹⁹. А теперь процитируем отрывок из болгарской мифологической песни "Радка и змей", в которой змей признается девушке:

*...Радка, красная дева,
Снопы я зажгу, Радка,
А сено зажечь не умею.
Ведь в нем есть разные травы,
Есть в нем желтый донник
И тонкая горечавка.
Когда запалю я сено,
С тобой придется расстаться...*¹²⁰

Предположительно можно рассуждать следующим образом: донник – оберег от змея. Он мог применяться при родах от него (или для облегчения родов, или с целью избавиться от нежелательной беременности?), позже любые трудные роды (а еще позже – и вообще болезни женской утробы) стали связываться с злокозненным действием змея. Донник был средством исцеления, а впоследствии название средства было перенесено на саму болезнь (ср.: желтый донник – трава;

золотой донник – болезнь). Так или иначе, но связи змея с трудными родами есть.

Анализируя белорусские и русские заговоры от "золотого донника", Г.Н. Потанин отмечал их соотносительность с заговорами от лихорадок, связанных с именем Сисиния. "В других заговорах, – писал он, вместо двенадцати страшных девиц – одно чудовище Гилу". В. Гордлевский в статье "Из османской демонологии" писал о том, что "у византийцев была вера в змеевидное существо Гелу, ... пожирившее младенцев"¹²¹.

Е. Ляцкий, рассуждая об одном из имен лихорадок "Гладея", считал, что оно восходит как раз к греческому "Гило": "Все сведения о ней сводятся к тому, что она привидением является у постели новорожденных и убивает их"¹²². Имя Гладея у Ляцкого сближается также с вещицей – вештицей.

О сближении имен "Вещица" со змеем "Голубицей" – "Голубе-ей" писал и М. Дикарев: "Со словом "вещица" (ведунья, ведьма) в русских заговорах чередуется: змея, голоубица, голубица, конечно, потому, что все эти слова со стороны своего значения тождественны. Белорусский заговор (Романов) в числе других также называет змею Голубею". Далее читаем: "Наконец, тождество Вещицы-Голубицы с Сивилой-Гекатой, убивающей стрелами людей, устанавливается и сербским поверьем: "Вештица се зове жена, која леги по кучама и једе луде, а особито малу дјецу"¹²³. Это сербское поверье сходно с западноукраинским представлением о дикой бабе – "богыне": "Если родившая женщина вместе с ребенком не вложит в "колыску" рогового ножа и не будет поддерживать в комнате, где лежит ребенок, постоянного огня, то рискует тем, что "богыня", то есть чертовка, возьмет из "колыски" ребенка и на его место положит своего..." "Богыня – то така нечыста кобыта, що жыє в лиси; она ходыт гола, а цыцьки маєе такы довгы, що може их перевысыги через плэчы, гыбы косы... А она ще миняєе в ноцы диты; як ино не хрещене, то зараз пидминяєе: возьме людську дитыну, а лишаєе свою, таку суху и паскудну, же сыи мэзко подывыты. То іе видмина"¹²⁴.

Ю. Яворский, опубликовавший это поверье, считает его не соответствующим образу дикой бабы, как и то, что она сосет грудь у молодых мужчин¹²⁵. На наш взгляд, эти функции не только характерны для этого мифического существа, но и доказывают змеиное происхождение "богыни" как женской параллели мифического любовника (она соблазняет молодых мужчин, вступает с ним в любовную связь, сосет у них грудь, отчего последние сохнут).

И, наконец, сама ведьма-вещица может вынимать младенцев из материнской утробы¹²⁶. Кроме того, в быличках ведьма часто имеет функции огненного змея – мифического помощника (отнимает молоко у коров, выдаивает чужих коров, отнимает спорость у хлеба, летает по небу в виде огненного предмета и проч.). У белорусов ведьму, например, в купальских песнях прямо называют змеей¹²⁷.

Связь лихорадки со змеем осуществляется не только в прямом сопоставлении одной из сестер-лихорадок со змеей, но и в обратном соотношении: применении частей змеиного тела (или самой змеи) для лечения этой болезни: "Лихорадка, по мнению пудожан, не любит, если змею, убитую до Егорьева дня, зашить в голенище и положить под постель..."; "Нужно найти живую змею, распоять свой пояс или ремень, и перегони ее три раза взад и вперед (через пояс) и пусти живую. И тогда этим змеиным поясом подпояшь больного лихорадкой, и она непременно бросит"; "Если кому придется найти выползок змеи, то есть змеиную шкуру..., вот этот выползок и завязать в тряпку и на нитке, на суровой носить на шее. Лихорадка отстанет"¹²⁸. Четкого представления о характере взаимоотношений лихорадки и змея у нас пока нет. Вопрос этот может стать предметом специального исследования. Нужно только отметить, что поверья о двенадцати сестрах-лихорадках – явление более позднее (византийское влияние через христианизированные тексты заговоров). Отсюда логично предположить, что "поедание вшей" в качестве защитного средства было перенесено на них со змея, а не наоборот¹²⁹.

Что же касается желтухи и сухотки, то следствия этих болезней очень похожи на результат воздействия змея на женщину: от его любви она желтеет и сохнет. Отсюда и применение против них змеиного оберега¹³⁰.

Итак, мы выяснили, что поедание вшей являлось защитным средством в первую очередь от змея. И дело здесь не в отвращении к ним. В чем же? На этот вопрос пока ответа нет.

И вновь вернемся к сюжету, героиня которого, имитируя поедание насекомых, делает вид, что вычесывает их из головы. Для этого распускает и расчесывает свои волосы. Это простое, на первый взгляд, действие здесь также имеет особую значимость.

Мифологическое значение волос очень широко, начиная от воплощения в них жизненных сил человека, богатства и счастья и кончая их вредоносной силой. Последнее прежде всего связывается с "простоволосью" замужней женщины. Сибирская исследовательница П.Е. Бардина, комментируя поверья сибиряков, отмечает, что "причину закрывания волос замужней женщины исследователи видят в основном в

представлениях о магической силе волос, способной повредить роду мужа, или в качестве знака полового табу для женщины, вступившей в брак"¹³¹. В сюжете "Конопля и вши" действует не замужняя, а девушка или (эволюционно значительно позднее) – вдова. Поэтому значение ее непокрытых и распущенных волос нужно искать не в "нарушении полового табу". А вот их магическую, а тем более охранительную функцию нужно принять во внимание. Так, Г.С. Маслова в своем исследовании "Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в." отмечает: "...при помощи волос можно не только было нанести вред человеку, но они могли служить ему и защитой: у многих народов ношение пряди собственных волос служило амулетом..."¹³² В словаре "Славянская мифология" читаем: "Врачевание и магическое использование В[олос] демонстрирует веру в особую силу В., способную наряду с другими магическими действиями (сжигание, окуривание, закапывание в землю и т. п.) предохранять людей от болезней или изгонять их..."¹³³

Каким же образом женские волосы помогают изгнанию змея? Чтобы ответить на этот вопрос, приведем еще одну цитату, на этот раз из статьи "К представлениям о человеке и животном". Ее авторы Н.Е. Грысык и И.А. Разумова, объясняя значимость волос как одного из важнейших атрибутов многих сказочных персонажей, выстраивает интересную цепочку, как раз приводящую к сути и нашего вопроса: "...волосы являются одним из самых подчеркиваемых и выраженных атрибутов сказочных персонажей. В волшебных сказках действует "Сам с перст, усы на семь верст", "Сам с ноготок, борода с лоток", "Краса – долгая коса", "Царевна – золотые косы" и др. Сказка, не знающая описаний внешности, постоянно указывает на этот функционально значимый признак. Важность его определяется представлением о волшебной силе, заключенной в волосах и присущей данным персонажам. Устойчивым атрибутом являются волосы и для персонажей низшей демонологии. Б.А. Успенский отмечает, что "простоволосость – один из важнейших признаков нечистой силы... Многие обрядовые действия женщины проводили с непокрытой головой. Распущенные волосы придают девушке чародейскую силу. Так участницы обряда опахивания должны были быть с распущенными волосами..."¹³⁴. Значит, распустив волосы, женщина как бы уподобляется мифическому существу, становилась с ним на одну ступень, приобретала равную с ним "чародейскую" силу, что, по народным представлениям, должно было во многом обеспечить успех проводимых защитных обрядов. Подтверждением этому, на наш взгляд, служат следующие факты (связанные именно со змеем), приведенные Н.И. и С.М. Толстыми в работе

"Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах": "Снятие платка (снять платок – опростоволоситься) и распускание волос отмечено в Драгачеве, в с. Горачичи. При появлении градоносных облаков собиралось несколько женщин, которые снимали платки, расплетали косы, волосы и напевно кричали:

*Наши хлеба, наши хлеба
Не боятся града.
Вернись, вернись, град,
Бей по вырубленным лесам,
Бей по гнилым пням,
По ненужным колодам.
Бей там, град".*

И еще: "По словам С. Трояновича, в Елакцах и окрестностях, когда град идет или готовится пойти, простоволосая непорочена (то есть последняя среди сестер и братьев) старуха оборачивается к туче и кричит:

*Нет, змеюка, нет, змеюка
Здесь худшая змеюка,
Простоволосая!.."¹³⁵*

Нужно отметить, что в нашем сюжете волосы (так же, как и конопля, вши) значимы не только сами по себе, но и в комплексе: как обитающие в них насекомые соотносятся с семенами конопли (льна), так и сами волосы соотносятся с волокнами названных растений. В указанной уже работе Г.С. Масловой читаем: "Надо отметить роль льна, точнее волокна льна, связанного с прической (его вплетали в косы, подкладывали для устройства рогов, клали при окучивании на голову). По представлениям крестьян, лен был похож на волосы". В главе о родинно-крестильных обрядах находим следующие сведения: "В Полтавской губ. в день, когда ребенку исполнялся год, был такой обычай: приглашали бабу, которая выстригала ему волосы крестообразно, а потом стригла всю голову. Мальчика стригли на топоре, а девочку – на конопле, которая отдавалась бабке в качестве вознаграждения"¹³⁶.

Следующая деталь нашего защитного комплекса – подол или передник, в который женщина насыпает семена конопли. И хотя этот атрибут встречается лишь в шести текстах из двадцати двух, оснований считать его случайным нет. Во всех остальных текстах указаний, куда нужно насыпать семя, просто нет. И лишь в одном случае уточняется: "...наберы симья у черепочки и на тим плечи поставь черепочок, и на тим. И роспусты свои волоса и чешысь и йижь симья"¹³⁷. Уточнение явно алогично: проделать такой трюк под силу разве что цирковому артисту.

Твердой уверенности в апотропеических свойствах подола и фартука у нас нет, так как специального поиска подтверждающих этнографических данных не предпринималось. Но те немногие, которые оказались в поле нашего зрения, свидетельствуют об особой значимости названных атрибутов в некоторых обрядах. А.Ф. Журавлев в своем исследовании "Домашний скот в поверьях и магии восточных славян", описывая обряды, призванные обеспечить зачатие у домашней скотины, приводит следующие данные: "Перед случкой насыпать овса беременной женщине в подол и дать этого овса кобыле" (Болховский уезд Орловской губ.); "...заставляют беременную женщину покормить нежеребую кобылу овсом из передней полы рубашки..."; "чтобы свинья помногу давала поросят, надобно, чтобы ее кормила из своего подола женщина, часто рожавшая" (Калужская губ.); ср.: упоминания кормления коровы из подола с целью воздействия на ее плодовитость в работе А.Ф. Журавлева¹³⁸.

Г.С. Маслова пишет о женской одежде, связанной с днем первого выгона скота в поле: "На Севере (Олонецкая губ.) этот день имел огромное значение (скот после долгого стояния наконец выгоняли на подножный корм). Все "забасятся" – наденут лучшие рубахи, сарафаны, подолы. Особенно большое внимание уделялось одежде молодых первого года замужества. Молодуха надевала рубаху-подольницу, украшенную по подолу широкой полосой вышивки или тканого узора, сверху которой, под сарафан, надевала несколько (до пяти подолов) холщовых юбок, почти сплошь затканых и вышитых разноцветным гарусом. Молодуху, появившуюся на сгоне, односельчанки внимательно осматривали, поднимали подол сарафана – судили об искусстве хозяйки". В комплекс женской обрядовой одежды, предназначенной для многих весенних и летних праздников, обязательно входил и передник. Он имел особую значимость во время посева льна: "По украинским материалам, лен сеяли в день Константина и Елены; считалось что посеянный в этот день лен уродится очень хорошим, особенно если сеять из фартука. То же отмечено на Брянщине (в начале XX в.): при посеве льна хозяин надевал женский фартук, в который клал семена, чтобы лен был длинным..."¹³⁹; во время поминальных обрядов: "...хозяйки при поминальных столах не должны быть в передниках: покойник "человека в переднике не видит"¹⁴⁰.

И последняя деталь – порог, на который садится женщина, собираясь избавиться от мифического любовника. Она встречается в двенадцати текстах из двадцати двух. В верованиях, связанных с порогом, можно выделить три основные черты, определяющие его функцию в нашем сюжете: 1) порог – символическая граница между домом

и внешним миром; 2) граница между мирами реальным и ирреальным; 3) место обитания мифических существ.

Первая функция – самая "прозрачная". Действительно, порог "наряду с дверью, замком, нарисованным мелом или вырезанным крестом и другими оберегами образует непреодолимое препятствие для нечистой силы". Таково его значение во многих сюжетах и информациях о мифическом любовнике: "Чтобы избавиться от змея, надо взять травы белоголовнику и "брат и сестра" и, оттопивши этих трав, настоем их вымыть на пороге. Понюхав этих трав, змей уж больше не прилетит"; "...И вот ей свекровь посоветовала: "Насыпь возле порога золы и скажи заклинание три раза". И вот в двенадцать часов ночи он пришел к ней, порог переступить он не смог, так как там была зола, а наутро она проснулась – на золе увидела козлиные следы..."; "...Поздно прилетает змей, упал около порога, снял крылья, спрятал под стреху и зашел в хату". То же представление обнаруживается и в обычае вытаскивать в порог нож, косу, обсыпать его в предохранительных целях солью, мазать чесноком и проч.¹⁴¹.

Служа границей между своим и чужим пространством, порог выступает в то же время и границей между своим и чужим миром. В те моменты жизни, когда человек стоит одной ногой в мире реальном, а другой – в ирреальном (рождение, свадьба, смерть), значимость порога так или иначе проявляется. Так, например, через него переводят роженницу, чтобы ребенок быстрее появился на свет¹⁴². В той же функции порог выступает в тексте № 17 сборника сказок Д.М. Балашова "Пропавшая девочка": девочку похищает нечистая сила. Когда ее находят, отец протаскивает ее через три порога и благословляет¹⁴³; в прииртышской записи обрядового магического действия: "Если ребенок чахнет, нужно истопить баню, ребенка в тряпочку завернешь и посередине порожка положишь. А сама в бане молишься: "Мать сыра-земля, забери ребенка или дай ему здоровья"¹⁴⁴. Представившись молодцем или умершим любимым мужчиной, из иного мира приходит к женщине огненный змей (а позднее – покойник из мира мертвых). Поэтому она и садится на границу миров, чтобы навсегда преградить ему дорогу.

Это место выбрано еще и потому, что оно – самое оптимальное для контакта с мифической силой, которая незримо присутствует на пороге или под ним: "любимое место пребывания домового – это голубей, порог у входной двери, место под шестком и место под печкой" (Ярославская губ.). В прииртышской быличке домовый лезет к женщине, уснувшей на пороге. А колдунья, по мнению жителей Усть-Ишимского района Омской обл. (вятских по происхождению), специально ложится головой на порог, ожидая своего выпаренного из яйца

змея. Связанные при жизни с нечистой силой колдуны встречают свою смерть на пороге. Видимо, с этим значением порога связан запрет в повседневной жизни садиться и вставать на порог, а также здороваться через него и вообще что-либо делать: "На порозі гріх що-нибудь робити, бо не буде воно так, як хочеш". Не будет, так как нежить, обитающая здесь, обязательно помешает, напакостит. Но, если уметь с ней обращаться, быть человеком "знающим", то на пороге, наоборот, можно приобрести особую силу. Так, "многие заговоры читаются натошак на пороге", купальские травы "колдуны и знахари... держат или в трубе, как и черную книгу, или под печкой, или же под порогом и в прочих укромных местах". И, наконец, сюда же следует, видимо, отнести и лечение многих болезней на пороге, в том числе лихорадки и родимца. И "идея преодоления болезни и избавления от страдания"¹⁴⁵ как раз и объясняется тем, что, вооружившись какими-либо магическими предметами (уголь; нитка, спряденная наотмашь; осиновый колышек; травы и проч.), или совершая особые действия (топтанье, "рубка" топором), или произнося обрядовый диалог, люди становятся равными по силе духам болезней и, входя в их мир (порог – граница), вступают с ними в единоборство.

Так поступает и героиня нашего сюжета: распустив волосы (уподобившись при этом мифическим существам), вооружившись магическими предметами (конопля, передник), совершая магическое действие ("поедание" вшей), она смело вступает на границу ирреального мира, что дает ей дополнительную силу для борьбы со змеем!

Таким образом, в сюжете "Конопля и вши" все действия женщины и все используемые ею атрибуты имеют как бы два значения: внешнее, лежащее на поверхности, и внутреннее – глубинное. Внешнее заключается в ее стремлении вызвать у змея отвращение к себе. При этом весь набор применяемых средств кажется продуктом художественного творчества, вызванным к жизни быличковым сюжетом. Но внутреннее значение каждой детали – в ее апотропических свойствах, выходящих далеко за пределы сюжета и уходящих своими корнями в глубокую древность. Соотнесенность их между собой свидетельствует и об архаическом характере всего защитного комплекса в целом. Трудно сказать, связал ли сюжет воедино существующие отдельно обереги или отразил имевший место в действительности магический, направленный против мифического змея обряд. Но древний характер формы вне сомнений.

Осталось добавить, что лучше всего сохранила сюжет украинская народная традиция.

Очерк 6. Современное состояние традиционных календарных обрядов у русских Среднего Прииртышья

Вся жизнь человека от рождения до смерти пронизана определенными идеями, которые составляют систему символических действий, называемую обрядностью. В современных календарных обрядах сложным образом переплелись старые и новые элементы, поэтому цель нашего исследования состоит в выявлении традиций и новаций в современной обрядности на примере русского населения Среднего Прииртышья. Это актуально как в теоретическом, так и в практическом плане, прежде всего, потому, что традиционные элементы широко используются в обрядовой культуре нашего времени.

Источниками нашей работы являются материалы этнографических экспедиций Омского государственного университета и Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН 1986–1987 гг. и 1994 г., материалы местной периодической печати и данные личных архивов авторов.

В современном календарном цикле начало года, как и в традиционном календаре, связывают с декабрьско-январским увеличением долготы дня. Но, если в первой трети XX века встреча нового года логично соединялась с идеей рождения богочеловека, и потому большее предпочтение отдавалось празднованию Рождества Христова и Крещения, то в советское время, с изживанием религиозных воззрений, встреча нового года полностью перешла на 1 января, день официального начала календарного года в григорианском и юлианском летоисчислениях.

С 1994 г., когда Рождеству был придан статус государственного праздника, его стали более широко отмечать на семейном и общественном уровнях. Это подтверждается результатами этносоциологических обследований, проведенных сотрудниками Омского государственного университета и Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН. Если в 1986–1987 гг. Рождество отмечали лишь 7 % респондентов (в основном лица старшего возраста), то в 1994 г. – уже 83 % опрошенных (представители всех половозрастных групп). Увеличилось число посещающих в этот день церковь как из религиозных побуждений, так и руководствуясь эстетическими мотивами (послушать церковные песнопения, посмотреть праздничное облачение служителей церкви и т. д.). Большую роль в популяризации религиозных праздников играет активная деятельность церковных организаций, пропагандирующих эти праздники на радио,

телевидении и в средствах массовой информации (трансляция всенощных служб, послания патриарха в связи с началом Великого поста, его поздравления с Рождеством, Пасхой и т. д.).

Большую роль в популяризации Рождества играют работники сферы культуры, которые разрабатывают сценарии проведения праздников в городе и на селе, основываясь на некоторых народных традициях. Так, в 1995 г. в с. Кибер-Спасское Калачинского района Омской обл. отмечали сочельник (день накануне Рождества) и, по древнему обычаю, зажигали костры, чтобы усопшие родители могли согреться у огня, поминали умерших кутьей¹⁴⁶. А в Омске, в центре города, в 1994 г. были организованы рождественские гуляния с театрализованным представлением, в котором "участвовали" исторические и сказочные персонажи: Петр I, бояре, баба Яга, лешие, черти и т. д. Наряду с религиозными мотивами (выступление архиепископа Омского и Тарского Феодосия с напоминанием о библейских событиях рождения Христа), звучали и общечеловеческие (возжигание свечей в память о всех усопших родственниках). Вместе с традициями (ряженье в его театрализованном варианте) имели место инновации (широкое использование пиротехники для фейерверков и современной аппаратуры для молодежной дискотеки). Бесплатное угощение мороженым всех присутствующих детей явилось, на наш взгляд, продолжением рождественских традиций доброты и милосердия. Выступление коллективов художественной самодеятельности с показом традиционных народных танцев способствовало пробуждению интереса и уважения к культуре разных этносов. В январе 1997 г. на сценах музыкального театра и академического театра драмы Омска были поставлены мистерии на библейские сюжеты о рождении сына Божьего, что явилось еще одним шагом на пути возвращения из небытия светлого праздника с его идеями всепрощения, добра и милосердия¹⁴⁷.

Проходят рождественские вечера и в сельских Домах культуры. В 1994 г. в с. Усть-Ишим о предстоящем вечере жителей села оповестили по радио и телевидению. В празднично украшенном зале, где была установлена елка, перед собравшимися выступили пожилые женщины с рассказом о традиционном праздновании Рождества, а затем исполнили рождественский религиозный гимн. Стар и млад приняли участие в конкурсах колядок, русской пляски под гармонь, сочинении сказок. "Дед" в шапке-ушанке и лаптях водил "козу" – мальчишку в вывернутой шубе с рожками из бумаги, с колокольчиками на шее и в цветастой юбке. "Коза" скакала по залу и веселила присутствующих.

Рождение "козы" не было характерным для этих мест, основное население которых имело генетические корни в севернорусских губер-

ниях, где "водили коня". Незнание местных традиций и отсутствие литературы по западносибирским праздникам привело к тому, что методист при написании сценария опирался на общероссийские источники, которых также недостаточно в сельских библиотеках. Следует отметить позитивное желание организаторов вечера дать наиболее полную информацию для зрителей в доходчивой форме. Так, ведущая рассказала о народных гаданиях и продемонстрировала гадание с курицей для собравшихся в круг девушек. В расписном шатре с прикрепленной над входом подковой (пример неоправданной контаминации различных по своему происхождению элементов) сидела цыганка, которая желающим узнать судьбу ворожила на картах и кофейной гуще.

Заслуживает положительной оценки попытка организаторов привлечь к активному участию в празднике взрослых и детей. Дети подыгрывали гармонисту на шумовых инструментах: стиральной доске, "бутылкофоне" (доске с отверстиями, в которые вставлялись бутылки), жестяном ведре, цинковом тазике, деревянных ложках, алюминиевой кастрюле, ухвате, чугушке, заслонке. В этом можно увидеть продолжение традиции хождения ряженных, создававших шумовой эффект для отпугивания "нечистой силы". Помимо исполнения традиционных песен и плясок ("Барыня", "Ой вы, сени, мои сени" и т. д.), звучали и современные эстрадные мотивы ("Ламбада"). В конкурсе "Кто быстрее" две команды соревновались на быстроту одевания в русские народные костюмы. Закончился праздник веселой пляской взрослых и детей под гармонь¹⁴⁸.

В областном центре также имеются свои интересные примеры проведения Рождества. Так, с 1992 г. Омский государственный историко-краеведческий музей проводит музейный праздник Рождества для молодежи. Работники музея организовали праздник на высоком профессиональном уровне. В зале, имитирующем интерьер крестьянской избы (лавка, домотканые дорожки, полотенца, утварь из фондов музея), собираются приглашенные (не более 40 человек). Ведущая знакомит присутствующих с истоками святочных обрядов. Затем учащиеся школ ставят народную драму "Царь Максимилиан", участвуют в народных играх "Бояре", "Селезень", "Журавль", "Номера", "Баба" и других. Ряженные (участники фольклорно-этнографического ансамбля музыкального училища) – мужчины, переодетые женщинами, женщины в мужских костюмах (пример традиционного обрядового travestizma), цыгане, черти, медведи – требуют платы за участие в вечерке (отгадывание загадок). Тут же водят "коня", на котором восседает парень в маске старухи с двумя лицами, один из которых смотрит в прошлое, другой – в будущее. Инсценируют народную игру "в покойни-

ка", которого могут "оживить" поцелуи присутствующих девушек. Музейные святки завершаются гаданиями¹⁴⁹. Организаторы сумели объединить в одном празднике знакомство с народными и религиозными традициями, их символикой, участие приглашенных в играх. Здесь нашлось место импровизации, развитию творческой активности, превращению присутствующих из зрителей в участников действия, чего часто недостает в проведении других народных праздников.

Положительные примеры воспитания любви к народным традициям имеются в детских дошкольных учреждениях, где проводятся утренники, посвященные Святкам (например, в детском саду № 403 Омска).

С развитием физкультуры и спорта существовавшая в традиционной культуре традиция рождественских забегов получила новое звучание: стали устраиваться марафоны, посвященные Рождеству (причем первым стартует Дед Мороз), и новогодние заплывы моржей¹⁵⁰.

Фото 1. Катание с горок на Новый год в г. Калачинске Омской обл.

Еще одна традиция – строить снежные городки и горки – перешла в святочный цикл обрядов из масленичного, но сейчас ледяные крепости играют лишь эстетическую роль, в то время как раньше они были важным компонентом любимой забавы взрослых и детей (взятие

снежного городка), зато горки по праву стали самым популярным новогодним развлечением людей всех возрастов¹⁵¹ (Фото 1).

Новый год как государственный праздник новолетия начал оформляться в 1930-е гг. По подсчетам социологов, 93 % омичей считают Новый год самым любимым праздником¹⁵². Сейчас как в городе, так и на селе он проходит примерно по одному сценарию: 31 декабря в сельских и городских Дворцах культуры устраиваются торжественные вечера, с подведением итогов года, театрализованным представлением, праздничной беспроигрышной лотереей и конкурсами под девизом "Кто быстрее", "Кто лучше", "Кто сильнее". Центральными фигурами праздника являются Дед Мороз и Снегурочка, персонажи, созданные творчеством масс из произведения А.Н. Островского "Снегурочка", русского ряженья (образ "деда"), образа святого Николая. Новогодний костюмированный бал также уходит своими корнями в русское ряжение. Сейчас наряжаются в основном дети и подростки. Наряду с традиционными костюмами животных – медведя, зайца, лисы, курочки, петушка, популярны костюмы литературных сказочных героев – Бабы Яги, Красной Шапочки, Золушки, Снежной Королевы, феи, Робина Гуда, Кота в сапогах, мушкетеров, доктора Айболита, Буратино, Мальвины, а также любимых мультипликационных героев – Чебурашки, крокодила Гены и других¹⁵³. В предпочтении костюмов сказывается влияние эпохи – экономические, научные, спортивные достижения, политическая конъюнктура, мода, воздействие кинематографа. Так, если в 1950-е гг. наряжались в национальные костюмы – символы различных республик СССР, колосом пшеницы, початком кукурузы, то в 1960–1970-е гг. – космонавтами, роботами, звездочетами, а в 1980-е – шахматными королевами, олимпийскими медвежатами. В 1990-е гг. под влиянием западных мультсериалов появились костюмы Черного Плаща, Белоснежки, гномов. Получают распространение костюмы, выполненные участниками театров бумажной моды полностью из целлофана¹⁵⁴. Сейчас все больше появляется костюмов в народном стиле, а также костюмов животных, чей год наступает согласно восточному календарю (например, ряжение "свиньей" в 1995 г.)¹⁵⁵.

Торжественные вечера, которые сейчас проводятся реже, чем 10–20 лет назад, заканчиваются ближе к полуночи. Все расходится по домам, где встречают Новый год согласно традиции в кругу семьи праздничным застольем, просмотром телепередач, реже – пением народных песен. Если Новый год встречают с друзьями, то устраивают игры "Барыня прислала", "Телефон", "Вопрос – ответ", срезание призов, жмурки, розыгрыши – все это в зависимости от возраста, интеллектуального развития, интересов, социальных запросов собравшихся.

Около двух часов ночи народ опять заполняет улицы и площади городов и поселков, чтобы слиться в едином потоке гуляющих вокруг празднично украшенных елок и ощутить себя частью целого. Кое-где появляются ряженые, чаще "цыганки" и "шуты", реже Деда Морозы и Снегурочки. Гуляющие поют народные песни, частушки, пляшут, катаются с ледяных горок. Праздник продолжается вечером 1 января у друзей, родственников, в парках культуры, где катаются на украшенных тройках лошадей. Поскольку один и тот же человек является членом разных коллективов, то он встречает праздник несколько раз – в кругу семьи, друзей, родственников, в трудовом или учебном коллективе, в детском саду, во Дворце культуры (ТЮЗе, цирке, Концертном зале филармонии), в обществах по интересам.

С введением в календарной системе так называемого "нового стиля" (григорианского) 14 февраля 1918 г. православные христиане столкнулись с определенными трудностями, когда Новый год оказался отброшенным в Рождественский пост, запрещающий обильное потребление пищи, спиртные возлияния и веселье. Поэтому с этого времени в народе укоренилась традиция отмечать Новый год два раза – по григорианскому и юлианскому календарю ("старому стилю"). К "старому Новому году" часто бывают приурочены традиционные календарные обряды: колядование – хождение по домам селений или квартирам многоэтажных городских домов с пением колядок-благопожеланий и величаний хозяев, посевание зерном, святочные развлечения молодежи (разваливание поленниц дров, снятие дверей с петель, подвешивание саней на деревья и т. д.), переходящие порой в хулиганство. В южных районах Среднего Прииртышья, где произошло смешение русского, украинского, казахского населения, устойчиво сохраняется традиция ряженья на "старый Новый год". Здесь остаются популярными костюмы "козы", "медведя", украинских Солох, азиатских старцев в чалмах, русских Петрушек.

Всплеск интереса к народным традициям и увеличение потока информации о народных праздниках в последние 5–7 лет привели к усилению творческой активности масс и распространению традиций в их новом варианте. Так, группы омских старшеклассников уже несколько лет подряд, нарядившись цыганками и скоморохами, зная один-два куплета колядок, ходят по знакомым, на улицах останавливают прохожих и проезжающих на автомобилях, поздравляя всех с Новым годом и с успехом набирают целые пакеты конфет, шоколада, мороженого, сигарет для своей вечеринки. А старушки-нищенки, помня о традициях святочного милосердия, обходят коммерческие ларьки на рынках и "прославляют" их владельцев, выпрашивая таким образом подавание. Это

является наглядным примером наполнения старой формы новым содержанием.

Еще один важный элемент святочных праздников – гадание – бытует в игровой форме в среде городской и сельской молодежи. Предпочтение здесь отдается спиритическим сеансам и наиболее простым народным гаданиям, доступным по месту проведения и материальному обеспечению (сжигание на сковородке бумаги, выливание белка, гадание с зеркалом). Популяризации ворожбы способствуют средства массовой информации, освещающие на страницах газет и в эфире разнообразные виды традиционных и современных гаданий¹⁵⁶.

Фото 2. Крестный ход на Пасху из Никольского собора г. Омска

так и остается "проводами", так как не выдерживаются традиционные сроки проведения (последняя неделя перед Великим постом), а празднование приурочивается к теплой погоде (обычно конец марта). Это приводит к тому, что "широкую, разгульную" Масленицу празднуют на первой или второй неделе поста, вопреки церковным канонам и народной традиции, запрещающим веселье и обильное потребление пищи в этот период. Но по сравнению с 1960–1980-ми гг. проведение Масленицы все же больше приблизилось к традиционному, в чем немалая заслуга культработников.

Крещение, в годы советской власти отмечавшееся лишь пожилыми людьми, теперь нередко отмечается и молодежью. Восстановлена традиция крестных ходов на "иордани" (Фото 2), из которой после освящения набирают святую воду, выстраиваясь в очереди, причем приезжают за ней не только на санках, но и на иномарках¹⁵⁷. Дома по-прежнему старушки проставляют кресты на дверях и окнах, а в сельской местности и в хлеву, чтобы "не проникла нечисть в жилище православного человека".

Проводы Русской зимы – праздник, следующий после Нового года по популярности и значимости, ведет свое происхождение от славянской Масленицы. В последнее время его все чаще называют Масленицей, но по сути он

Проводы Русской зимы являются полностью общественным праздником, который практически не отмечается дома (за исключением стряпания блинов в некоторых семьях), хотя традиционная Масленица известна обычаями гостевания и совместного застолья родственников и знакомых. Сейчас вряд ли найдется зять, который собирается к теще "на блины", и невестка, приглашающая золовку на посиделки. Название дней масленичной недели узнают из средств массовой информации и гуляют этот праздник всего один день (субботу или воскресенье). Проводы Русской зимы – контаминированный тип праздника, в котором получили развитие новые формы досуга, а старые традиции выступают в виде обобщенных форм-символов. Одним из таких масленичных символов являются блины, их пекут в семьях, ими торгуют на улицах. Пытаясь отразить народную тематику, организаторы праздничной торговли украшают лотки самоварами со связками сушек, а продавщиц одевают в русские шали, стилизованные кокошники, пестрые юбки или сарафаны. На лотках, наряду с традиционными блинами, пирогами, чаем, пельменями, продают шашлыки, чебуреки, "Сникерсы" и другие продовольственные и промышленные товары, что напоминает ярмарки в городах в конце XIX – начале XX вв. Сохраняется традиционное праздничное катание на тройках лошадей, украшенных бубенцами, цветными лентами, бумажными цветами. Но если раньше в этом участвовали представители всех возрастных групп, то теперь катание является исключительно детской забавой. Особенностью сибирской Масленицы прошлых веков являлись конские скачки, называемые "байгой". Сейчас они утратили свое традиционное название и устраиваются лишь в отдельных районных центрах, например в Усть-Ишиме Омской обл. Участвуют в скачках чаще подростки, реже юноши, хотя еще в начале XX в. в них принимало участие все мужское население (кроме стариков), а у казачества – даже женщины. Редко, по сравнению с 1970–1980-ми гг., устраиваются состязания одноконок, пар и троек лошадей, выставившихся отделениями колхозов. Подобные соревнования имели большую популярность лет 10–20 назад.

Идея состязательности, присущая многим элементам масленичной обрядности, нашла свое воплощение в различных видах спортивных соревнований. Помимо традиционных ярмарочных поединков – лазание по столбу, бой мешками на бревне, перетягивание каната, борцовские бои, поднятие тяжестей, устраиваются современные состязания – мотокросс, мотобол, гонки картингистов, хоккей, шахматы, шашки, бег на лыжах и коньках, командные эстафеты. В качестве призов для победителей в лазании по столбу выступают традиционные

курица, петух, баран, поросенок, а также новые – ковер, часы, сапоги, магнитофон, радиоприемник и другие.

Праздничное действо проходит на стадионах и в парках культуры. На эстрадных площадках разыгрываются театрализованные представления, главными действующими лицами которого являются Зима (Снежная королева) со своей "нечистой" свитой, олицетворяющие силы зла, и Весна с Емелей на печи и другими сказочными героями, представляющими силы добра. Между ними разыгрывается борьба, из которой победителем выходит, конечно, Весна, а олицетворяющее зиму соломенное чучело сжигают (предварительно облив керосином) на большом костре, сопровождая это пожеланием избавиться от пьянства, лени, воровства и других пороков (Фото 3). Подобные лозунги, распространенные в 1970–1980-е гг., вполне соответствовали задаче воспитания

*Фото. 3. Сжигание чучела
Масленицы*

нового человека - строителя коммунизма. После представления выступают фольклорные коллективы. В последнее время часто приглашаются на сцену казачьи ансамбли. Затем устраиваются конкурсы песен, частушек, танцев, в которых могут принять участие все желающие, что положительно сказывается на активизации населения. В городах зрители, глядя на купающихся моржей, сами могут окунуться в ледяную прорубь.

Таким образом, а современных проводах Русской зимы, помимо возрожденного названия "Масленица", в непосредственной или измененной форме сохранились такие традиционные масленичные элементы, как катание на лошадях и с гор, скачки, обильная пища, ярмарочная торговля, ранее более характерная для городов и крупных сел, некоторые виды спортивных состязаний, сжигание соломенного чучела. В то же время исчезли обряды, связанные с молодоженами, игра "взятие снежного городка"; традиционное ряжение сохраняется в сценическом варианте, а масленичный "поезд" с имитацией занятий крестьян

(прядения, ткачества, рыболовства) исчез совсем. Для широких масс населения ушла в прошлое замечательная традиция последнего праздничного дня – просить друг у друга прощения (вероятно, она сохраняется среди верующих людей). Появились и негативные новшества, например, участие женщин в бое мешками на бревне (как это было в парке культуры и отдыха Советского района Омска в марте 1997 г.).

В 1990-е гг. в народных гуляниях часто стали принимать участие детские и взрослые фольклорные коллективы, исполняющие традиционные масленичные песни. Работниками культуры и образования предпринимаются попытки возродить знание основных обычаев Масленицы: в школах, детских садах, библиотеках, музеях собравшимся рассказывают об языческих корнях праздника, загадывают загадки, поют народные песни. С детьми водят хороводы вокруг масленичного чучела, играют в народные игры, угощают гостей чаем и блинами¹⁵⁸.

С увеличением потока информации о традиционных праздниках, люди все больше пытаются следовать народным традициям. Все чаще можно встретить детей и взрослых, покупающих веточки вербы к дню Вербного воскресенья. Порой их не освящают в церкви, а просто ставят в вазу как знак сохранения традиции или хлещут друг друга не столько "для здоровья", сколько для игры. На селе до сих пор бытует обычай выгона скота в поле освященной вербой и крошения ее в семена при посадке, а также некоторые магические обряды, связанные со скотом, совершаемые в Великий четверг (например, в Малой Таве Усть-Ишимского района Омской обл. скоту подрезают хвосты и кладут в угол хлева, а нож втыкают в дверную притолоку, "чтобы скотину не увели"). Все больше появляется хозяек, стремящихся навести порядок в доме именно в день Чистого четверга, и людей, желающих поправить свое финансовое положение путем пересчета денег в этот день.

Возрождение традиций во многом будет зависеть от восприятия их детьми, в воспитании которых важная роль отводится коллективам детских дошкольных учреждений. В детском саду № 1 Калачинска с недавнего времени стали проводить праздник Вербного воскресенья. В этот день дети приходят одетыми в русском народном стиле: девочки – в цветастых сарафанах с атласными лентами на голове, мальчики – в рубашках "навыпуск", подпоясанных красивыми поясками. В доступной форме воспитатели рассказывают ребятам о праздновании Вербного воскресенья на Руси, водят с ними хороводы, поют старинные песни, хлещут "для прибавления здоровья" веточками вербы, угощают испеченными "козулками" (Фото 4). Дети получают массу удовольствия, с радостью участвуют в народных играх, поют частушки.

*Фото. 4. Угощение "козульками" в детском саду
Калачинска Омской обл.*

На Пасху в другом детском саду (№ 103 Куйбышевского РОНО Омска) с детьми в сопровождении русской народной музыки проводят игры с окрашенными яйцами, учат малышей самим расписывать яйца традиционным орнаментом. Вообще, пасхальное окрашивание яиц – один из наиболее стойких элементов календарной обрядности. Яйца красят все слои населения, используя для этой цели не только традиционную луковую шелуху, сушеные травы и лоскутки тканей, но и имеющиеся под рукой материалы – зеленку, марганцовку, акварельные краски, гуашь, фломастеры и появившиеся недавно в продаже специальные пасхальные краски. Сохраняются также обычаи христосования, битья и обмена яйцами.

Праздник Пасхи в течение долгого времени изживался из общественной жизни. В советский период немногие посещали в этот день церковь из-за боязни преследования. Даже яйца красили тайком, особенно люди, занимавшие высокое социальное положение. Однако во многих семьях красили яйца, готовили куличи и сырны пасхи не столько в связи с религиозными побуждениями, сколько как дань дедовской традиции. Сегодня, с либерализацией отношения государства

к церкви, Пасха превращается во всенародный праздник, в котором принимают участие все слои населения: по данным этносоциологического опроса, Пасху отмечают 92 % респондентов. Радио, телевидение, газеты освещают основные обрядовые действия Страстной и Пасхальной недель. Священнослужители выступают с поздравлениями. Предприятия общественного питания готовят к Светлому Христову Воскресенью куличи. Госзнак печатает пасхальные поздравительные открытки. Возобновляются знаменные колокольные звоны. Но причт уже не ходит, как прежде, по домам селений, чтобы отслужить молебны и освятить семена перед посевом.

Одно из самых любимых развлечений молодежи на Пасху, катание на качелях, уже давно лишилось магической окраски и происходит не только в пасхальные дни, но и в течение всего весенне-летнего периода. А вот хороводы ушли из жизни широких масс населения, оставшись атрибутом фольклорных коллективов. Кое-где пытаются совместить празднование Пасхи с выставкой изделий декоративно-прикладного искусства, как это делают, например, в Усть-Ишиме. Здесь организуют "Славянский базар" – выставку-продажу кружев, писанок, сшитых тапочек, вязаных варежек, носков, салфеток, воротничков, трещоток, плетеных корзин, вырезных досок, кашпо, глиняных игрушек, лаптей. Зал украшают вывеской с изображением писанки с буквами "ХВ" и свечами. На покрытом тканой скатертью столе помещают куличи, крашеные яйца. Подобные выставки-продажи нравятся сельчанам. Сюда ходят как в музей, ощущая потребность прикоснуться к эстетике прошлого и восхититься мастерством современных умельцев.

В меньшей степени, чем Пасха, сохранились обряды другого великого религиозного праздника Троицы. Лишь в церквях и некоторых домах украшают в этот день зелеными березовыми ветками и цветами. В селах еще остался, хотя и в редуцированной форме, обычай завивания венков и пускания их по воде. Зато сохраняется традиция посещения могил умерших родственников и друзей в Родительский день и на Троицу, что во многом объясняется нравственно-этическими соображениями. В последние годы количество лиц, посещающих в этот день кладбища, значительно увеличилось. Этому способствовала позитивная деятельность местных административных органов, организующих транспортную доставку людей, торговлю, правопорядок в местах скопления народа в дни поминовений.

Идейная направленность Семика как праздника молодежи нашла отражение в популярном в 1960–1980-х гг. празднике русской березки, который проходил в рощах, парках и скверах. Березка выступа-

ла в нем символом вечной молодости. На селе этот праздник могли совместить с подведением итогов посевной и зимнего стойлового периода содержания скота. В городе он сливался с Днем советской молодежи (последнее воскресенье июня), чему способствовал передвижной характер праздника.

В с. Бобринка Нововаршавского района Омской обл. в этот день проводили профориентационную работу: демобилизованным из рядов Советской Армии выдавали подъемные деньги, выпускникам школ вручали трудовые книжки и направления на учебу. Организовывалась работа лотков, устраивались спортивные соревнования – Малая королева спорта (футбол, волейбол, выжимание гирь, легкая атлетика, городки, шахматы, шашки), выступления художественной самодеятельности. Вечером во Дворцах культуры устраивались балы с играми, конкурсами, загадками и непременно танцами под гармонию, проигрыватель, ВИА, магнитофон (в зависимости от моды и возможностей). Танцевали иногда и народные танцы "Барыню", "Цыганочку", "Польку", "Кадриль". Хороводы уже не водили, а исполняли современные песни. Иногда такой бал называли ситцевым, так как девушки приходили на него в сшитых самостоятельно ситцевых платьях, а в конце вечера выбирали Короля и Королеву бала – самых обаятельных, активных и сообразительных юношу и девушку.

В северной части Среднего Прииртышья праздник, который проводился в начале июня, стали называть "сабантуем", что явилось результатом длительного совместного проживания с татарским населением. В этом празднике нашли отражение культурные традиции двух наиболее многочисленных этносов северных районов – русского и татарского.

Сейчас праздник русской березки почти забыт. Лишь в детских садах иногда проводят "развлечения" для детей под таким названием, где воспитатели знакомят ребят с миром природы, используя при этом прогулки по весеннему лесу, народную музыку, игры, хороводы.

О другом летнем празднике, дне Ивана Купалы, многие наши современники узнают из рассказов Н.В. Гоголя. Традиционное обливание водой сохранилось еще на селе и в студенческой среде городов. Иванов день студенты общежитий отмечают тем, что сбрасывают на прохожих из окон полиэтиленовые пакеты с водой. Работники культуры пытаются возродить игрища молодежи с кострами, хороводами в городских парках культуры и отдыха, иногда не совсем удачно характеризуя праздник как шоу-представление "Жар-цвет Купалы", как это, например, было сделано в Омске в 1995 г. в зоне отдыха "Зеленый остров".

Обряды первой борозды, первого и последнего снопа, выполнявшиеся в традиционном обществе хлебопашцами с магической целью обеспечения большего урожая, сохраняя свою направленность на достижение высоких результатов, за годы советской власти трансформировались в коллективные производственные праздники первой борозды, первого снопа и праздник урожая. Праздники первой борозды и первого снопа обязательно проводились в начале сева или жатвы в доперестроечные годы. С напутственным словом перед механизаторами выступали руководители колхозов и совхозов, парторги, представители районных администраций, агитбригады. В празднике урожая нашли отражение обобщенные вторичные формы в виде украшающих интерьер символического серпа и перевитого лентами снопа. Он проводится еще и в наши дни, после завершения уборки сельскохозяйственных культур (в конце сентября – начале октября). На базе сельских школ и клубов устраиваются выставки достижений минувшего сезона: лучшие образцы выращенных культур, шерсти, поделок из них, солений, варенья и т. д. Иногда в этот день посвящают в хлеборобы. В городах этот праздник трансформировался в ежегодные выставки цветов, где представлены оригинальные цветочные композиции, лучшие сорта садовых и огородных культур. В городских школах и детских садах организуют свои маленькие выставки выращенных руками детей плодов, пекут хлеб из муки нового урожая, готовят винегрет из свежих овощей. В некоторых учебных заведениях Праздник урожая используют для лучшего ознакомления школьников с народными традициями, как это делают в школе № 73 Омска. Здесь ребята знакомятся с декоративно-прикладным творчеством своих мам и бабушек, узнают способы уборки урожая, слушают народные песни, играют в народные игры. Подобные мероприятия имеют большое нравственно-воспитательное значение.

Анализ традиций и новаций в современной календарной обрядности русских Среднего Прииртышья свидетельствует о происшедших за годы советской власти существенных изменениях в этой сфере культуры. Прежде всего изменился сам субъект проведения обрядов: если в традиционном обществе это были семья и община, то в современном – трудовой или учебный коллектив, общества по интересам, организации детского и юношеского творчества. Это обусловлено социально-экономическим развитием и, в свою очередь, предопределяет появление новационных элементов в обрядности. Так, практически все виды праздников и обрядов проводятся совместно с людьми других национальностей, что свидетельствует о происходящих интенсивных

этнических процессах. В календарных праздниках семейный уровень оказывается менее значительным, нежели общественный.

Изменился половозрастной состав участников многих праздников и обрядов. В новогоднем ряжении, масленичных забавах принимают участие, как правило, лишь дети и молодежь, что является свидетельством в пользу тезиса о закончившейся трансформации календарной обрядности из продуцирующего заклинательного действия в развлечение детей и молодежи. Об этом же говорит исчезновение обрядового фольклора и превращение некоторых обрядовых песен в детские игры, поговорки, считалки. Различные половозрастные группы проводят праздник по-разному: дети еще остаются в семье, молодежь стремится к общению с друзьями, среднее поколение может встречать праздник в кругу как родственников, так и друзей, старшее поколение преимущественно в кругу родных и близких. Большая миграционная активность в советские годы привела к состоянию разорванности многих родственных связей: дальность проживания, отсутствие финансов и другие причины иногда являются препятствием для совместного проведения праздника.

Следует особо отметить сохранение роли женщины как основного носителя традиций в обрядовой сфере, что проявляется в исполнении песен, приготовлении ритуальной пищи, соблюдении запретов и выполнении самих обрядов. Но в современной действительности происходит смена механизма культурной трансмиссии: о традициях молодое поколение узнает уже не столько от мам и бабушек, сколько из средств массовой информации.

Наиболее устойчивой и этнически маркированной оказалась обрядовая пища. Приготовление жареных поросенка и гуся, фаршированного яблоками и капустой, пирогов с рыбой, кутьи, киселя, компота, блинов, крашеных яиц, кулича и сырной пасхи, каравая, "жаворонков" сохранилось до сих пор. Отдельные обрядовые блюда даже стали символом того или иного праздника: масленичные блины, пасхальный кулич и крашеные яйца, рождественский гусь и т. д. В то же время именно праздничная пища, в отличие от обыденной, подверглась наибольшему иноэтническому влиянию в связи со стремлением выделить праздник из круговорота будней. Поэтому на праздничном столе появились манты, плов, шашлыки, салаты и другие блюда.

В меньшей степени сохранилась обрядовая одежда. Костюмы, стилизованные под народные, можно увидеть у участников фольклорных ансамблей, а подлинную обрядовую одежду еще реже можно встретить в аутентичных коллективах. Подавляющее большинство населения на праздник надевает современный нарядный костюм, хотя, по данным

этносоциологического опроса, более 50 % респондентов желали бы иметь русский народный костюм в качестве праздничной одежды.

Наименее устойчивым элементом обрядности оказалась календарно-обрядовая поэзия, которая сохранилась в крайне фрагментарном виде и в основном в памяти поздних переселенцев из Европейской России. Это колядки, веснянки, масленичные, троичко-семицкие, купальские, жнивные песни, не имеющие в настоящее время "живого" бытования. Определенную роль в течение долгого времени играли песни необрядового характера, описывающие обрядовые действия прошлого, а также различные народные приметы, приуроченные к отдельным календарным датам, и поверья, связанные с происхождением и проведением праздников и обрядов (например, поверья об игре солнца на Пасху, Благовещенье, Купалу, легенды о папоротнике, предания о "грозных" праздниках, о русалках и т. п.). На современных праздниках, происходящих в семье, исполняются необрядовые русские и украинские народные песни "Ой, мороз, мороз", "Степь да степь кругом", "По Дону гуляет казак молодой", "Распрягайте, хлопцы, коней", "Ой, при лужку, при лужку", авторские песни "Тонкая рябина", "Уральская рябинушка", "Хас-Булат", а также полюбившиеся песни из кинофильмов 1940–1950-х гг.

В последние годы получили широкое распространение праздничные дни, определяемые Л.А. Тульцевой как "праздники малых отечеств" – юбилеи городов, сел, деревень, дни улиц, дворов, микрорайонов¹⁵⁹. Связанные с историческими событиями, эти праздники включили в себя и элементы традиционной культуры: выставки-продажи изделий народных умельцев, потребление традиционных блюд, выступление фольклорных коллективов. К подобным праздникам можно отнести и Дни культуры районов Омской обл., которые проводятся в Омске в рамках Всероссийского фестиваля "Душа России". Здесь находят отражение праздничные традиции разных народов, прежде всего русского¹⁶⁰.

Разнообразие современных праздников и отдельных их элементов объясняется, как правильно заметила М.Н. Шмелева, тем, что "они порождены реальностью и лишены сакральности, а потому более свободны в своем развитии"¹⁶¹. Символический смысл праздников давно забыт, но стремление сохранить преемственность традиции активизирует творческую активность народных масс, подкрепленную деятельностью профессионалов. Создаваемые новые календарные праздники, включающие в себя элементы старого праздничного календаря, являются, по определению В.К. Чистова, "вторичными формами культуры", а возрастание их роли в современной жизни – неизбежное следст-

вие урбанизации¹⁶². Выдвижение на первый план зрелищности праздников снижает активность населения, в то же время некоторые праздничные формы (конкурсы частушек, русской пляски и т. д.) способствуют привлечению к активному участию в празднике людей (как правило, лиц старшего возраста и детей).

В современном праздничном творчестве проявляется, по определению М.Н. Шмелевой, этнокультурная консолидация – "стремление найти близкие общие формы для эмоциональных проявлений в духовных и материальных компонентах праздников"¹⁶³. Этот процесс способствует формированию обобщенных символов праздника, в качестве которых выступают русская березка, блины, тройка лошадей и т. д.

Возросший уровень этнического самосознания пробудил интерес русского человека к своему прошлому, что подтолкнуло работников культурных и образовательных учреждений к целенаправленным поискам синтеза новых и старых обрядовых форм. Наиболее активно подобные поиски проходят в городах, а уже оттуда распространяются в районные центры и сельские Дома культуры, детские сады и школы. Так, имеются опубликованные конспекты занятий и сценарии праздников в детских садах на общероссийском уровне и неопубликованные местные методические разработки по проведению народных праздников в детских дошкольных учреждениях и школах (программа А.Н. Коньшуновой из педагогического колледжа № 2 Омска; разработки кафедры режиссуры массовых праздников факультета культуры и искусств Омского государственного университета), а также конкретный опыт организации подобных мероприятий в детских садах, школах, библиотеках, музеях, о чем упоминалось выше. Но сохраняющаяся централизация отделов культуры и приверженность к получению готовых сценариев "свыше" сдерживает творческую активность многих деятелей культуры на местах. Возрождение традиций – это процесс совместного творчества профессиональных работников науки, культуры, образования и широких народных масс.

Примечания

¹ Мамсик Т.С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. – Новосибирск, 1989. – С. 3–4.

² *Этнография* русского крестьянства Сибири (XVII – середина XIX вв.). – М., 1981. – С. 68.

- ³ *Костомаров Н.И.* Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. – М., 1993. – С. 47.
- ⁴ *Этнография русского крестьянства Сибири...* – С. 69.
- ⁵ *Шерстобоев И.Н.* Илимская пашня. – Иркутск, 1949. – Т. 1. – С. 253.
- ⁶ *Алексеевко Н.В.* Русская крестьянская колонизация Рудного Алтая в XVIII–XIX вв. // *Сибирь в период феодализма.* – Новосибирск, 1965. – С. 78.
- ⁷ *Мамсик Т.С.* Указ. соч. – С. 117.
- ⁸ Там же. – С. 32.
- ⁹ Там же. – С. 68.
- ¹⁰ *Этнография русского крестьянства Сибири...* – С. 88–90.
- ¹¹ *Рекомендации ЮНЕСКО о сохранении фольклора* // Материалы I семинара Западно-Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. – Омск, 1992. – С. 5.
- ¹² *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. – Л., 1940.
- ¹³ *Жирмунский В.М.* Народный героический эпос: Сравнительно-исторические очерки. – М.; Л., 1962; *Он же.* Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. – Л., 1979.
- ¹⁴ *Путилов Б.Н.* Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. – Л., 1986.
- ¹⁵ *Городцов П.* Чудь // *Этнографическое обозрение.* – 1906. – Кн. LXXVIII–LXIX. – № 1–2. – С. 112–114; *Ильина И.В.* Ребенок в традиционной культуре салымских хантов // *Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур: Тезисы Международ. науч. конфер. Т. II. Археология. Этнография.* – Новосибирск, 1995. – С. 122–124; *Максимов С.* Год на Севере. – СПб., 1859; *Перих Н.К.* Алтай – Гималаи. – М., 1974.
- ¹⁶ *Феоктистова И.К.* Сюжетный состав преданий русского населения Омской области (По материалам архива кафедры русской и зарубежной литературы ОГПИ) // Материалы II семинара Западно-Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. – Омск, 1995. – С. 4–10.
- ¹⁷ *Криничная Н.А.* Предания Русского Севера: Реальность и традиции // *Предания Русского Севера* / Сост. Н.А. Криничная. – СПб., 1991. – С. 10–26; *Она же.* Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. – Л., 1987; *Она же.* Указатель типов, мотивов и основных элементов // *Предания русского Севера.* – СПб., 1991. – С. 278–294.

- ¹⁸ *Криничная Н.А.* Указатель типов, мотивов и основных элементов. – С. 278–294.
- ¹⁹ *ФА ОмГПУ.* ЭК–51/1987. № 1.
- ²⁰ *ФА ОмГПУ.* ЭК–47/1980. № 24.
- ²¹ *ФА ОмГПУ.* ЭК–36/1987. № 197.
- ²² *ФА ОмГПУ.* ЭК–28/1984. № 1.
- ²³ *ФА ОмГПУ.* ЭК–9/1982. № 10.
- ²⁴ *ФА ОмГПУ.* ЭК–9/1982. № 11.
- ²⁵ *ФА ОмГПУ.* ЭК–29/1984. № 64.
- ²⁶ *Зеленин Д.К.* К вопросу о русалках (Культ покойников, умерших неестественной смертью, у русских и финнов) // Зеленин Д.К. Избранные труды: Статьи по духовной культуре. 1901–1913. – М., 1994. – С.291.
- ²⁷ *Феоктистова И.К.* Локальные особенности преданий о чуди // *Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур: Тезисы Международ. науч. конфер.* – Т. I. – Филология. – С. 335–337.
- ²⁸ *Материалы об исчезнувших аборигенах см. в фольклорном архиве ОмГПУ: ЭК–13/1982. № 131; ЭК–16/1975. № 52; ЭК–16/1975. № 65; ЭК–22/1979. № 50; ЭК–9/1982. № 9; ЭК–22/1979. № 50.*
- ²⁹ *Феоктистова И.К.* Образ исчезнувших аборигенов в русских преданиях // *Народная культура Сибири и дальнего Востока: Материалы VI науч.-практич. семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору.* – Новосибирск, 1997. – С. 35–37.
- ³⁰ *Она же.* Мифологемы как основные сюжетобразующие элементы преданий о самопогребении аборигенов // *Народная культура: Материалы V Всероссийского науч.-практич. семинара по фольклору.* – Омск, 1997. – С. 69–77; *Она же.* Мифологическая основа преданий о белой березе // *Русский вопрос: история и современность: Материалы Третьей всероссийск. науч. конфер. (17–18 декабря 1996 г., г. Омск).* – Омск, 1998. – С. 265–269.
- ³¹ *Словарь русского языка.* – М., 1984. – Т. IV. – С. 668.
- ³² *Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // *Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал.* – М., 1994. – С. 37.
- ³³ *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей: Реликты язычества в культе Николая Мирликийского. – М., 1982. – С. 101.
- ³⁴ *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона.* – Одинцово, 1992. – С. 27, 318.

³⁵ *Феоктистова И.К.* Локальные особенности преданий о чуди; *Она же.* Мифологемы как основные сюжетобразующие элементы преданий о самопогребении аборигенов; *Она же.* Мифологическая основа преданий о белой березе.

³⁶ *Веселовский А.Н.* Заметки по литературе и народной словесности. VI. Из местных преданий: Анты и Чудь // Приложение к т. XLV Записок Академии наук. – 1883. – № 3. – С. 80–86; *Кругляшова В.П.* Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора [Учебное пособие]. – Свердловск, 1974; *Лазарев А.И.* Предания рабочих Урала как художественное явление. – Челябинск, 1970; *Леонова Т.Г.* Свидетельство Э. Андреоли о бытовании сказок и преданий в Сибири в середине XIX в. // Фольклор и литература Сибири. – Омск, 1980. См. также уже упоминавшиеся: *Городцов П.* Чудь; *Максимов С.* Год на Севере; *Предания Русского Севера* / Сост. Н.А. Криничная; *Рерих Н.К.* Алтай – Гималаи.

³⁷ *Городцов П.* Чудь. – С. 112–114.

³⁸ *ФА ОмГПУ.* ЭК–16/1975. № 7, 53.

³⁹ *Кругляшова В.П.* Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. – С. 64.

⁴⁰ *Виноградова Л.Н., Усачева В.В.* Береза // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. – М., 1995. – Т. I. – С. 156–160; *Зеленин Д.К.* Троецпылягница (Этнографическое исследование) // Зеленин Д.К. Избранные труды: Статьи по духовной культуре. – С. 105–150; *Ильина И.В.* Указ. соч. – С. 122–124.

⁴¹ *Лащук Л.П.* Чудь историческая и чудь легендарная // Вопросы истории. – № 10. – 1969. – С. 208–216.

⁴² *Криничная Н.А.* Предания Русского Севера: Реальность и традиции. – С. 11–12.

⁴³ *Ремезовская летопись (7085–95): По Миновичеву списку* // Сибирские летописи. – СПб., 1907. – С. 320–321.

⁴⁴ *Путилов Б.Н.* Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. – М., 1971. – С. 47.

⁴⁵ *Тэрнер В.* Символ и ритуал. – М., 1983.

⁴⁶ *Азбелев С.Н.* Русская народная проза // Народная проза / Сост. С.Н. Азбелев. – М., 1992. – С. 5–28; *Бараг Л.Г.* Легенда // Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии / Редколл.: К.П. Кабашников (отв. ред.) и др. – Минск, 1993. – С. 128–129.

⁴⁷ *Пропп В.Я.* Легенда // Пропп В.Я. Поэтика фольклора: (Собр. тр.) – М., 1998. – С. 271.

⁴⁸ Там же. – С. 272–283.

- ⁴⁹ *Пропп В.Я.* Легенда // *Пропп В.Я.* Поэтика фольклора... – С. 296–300.
- ⁵⁰ *ФА ОмГПУ.* ЭК–16/1987. № 30.
- ⁵¹ *ФА ОмГПУ.* ЭК–30/1981. № 25.
- ⁵² *ФА ОмГПУ.* ЭК–27/1979. № 8.
- ⁵³ *ФА ОмГПУ.* ЭК–54/1985. № 12.
- ⁵⁴ *Круглый год.* Русский земледельческий календарь / Сост. А.Ф. Некрылова. – М., 1991. – С. 9.
- ⁵⁵ *Ваганов А.А.* Хозяйственно-статистическое описание крестьянских волостей Алтайского округа. – СПб., 1883. – С. 83.
- ⁵⁶ *Круглый год.* – С. 119.
- ⁵⁷ *Назиратель.* – М., 1990. – С. 208.
- ⁵⁸ Там же. – С. 190.
- ⁵⁹ *Шмаро А.А.* Русское церковное зодчество: символика и истоки. – М., 1988. – С. 38–39.
- ⁶⁰ *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. – М., 1987. – С. 460.
- ⁶¹ *Громыко М.М.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX вв.). – Новосибирск, 1975. – С. 245.
- ⁶² В работе использованы данные полевых исследований А.Ю. Майничевой 1991–1994 гг., проводившиеся в населенных пунктах Сузунского, Колыванского, Ордынского, Венгеровского, Маслянинского районов Новосибирской обл.
- ⁶³ Только за последнее десятилетие опубликованы следующие монографические исследования одежды русских сибиряков: Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. – Томск, 1995; *Русаква Л.М.* Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. – Новосибирск, 1989; *Фурсова Е.Ф.* Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX вв.). – Новосибирск, 1997; *Шелегина О.Н.* Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири. – Новосибирск, 1992.
- ⁶⁴ *Ушаков Н.В.* К вопросу классификации одежды восточных славян // *Сборник МАЭ.* – 1982. – Т. XXXVII. – С. 24.
- ⁶⁵ *Шелегина О.Н.* Очерки материальной культуры русских крестьян... – С. 111–187.
- ⁶⁶ *Очерки культурогенеза народов Западной Сибири.* – Томск, 1994. – Т. 2. – Мир реальный и потусторонний. – С. 385–388; *Реммлер В.В.* Свадебная обрядность сибирских казаков (По материалам Горькой линии) // *Антропология и историческая география Сибири.* – Омск, 1990. – С. 149–161.

⁶⁷ *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Русская крестьянская одежда как материал к этнической истории народа // Советская этнография. – 1956. – № 4. – С. 31; *Гринкова Н.П.* Одежда бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. – М., 1930. – С. 361.

⁶⁸ Н.И. Лебедева предполагала, что шаровары в Сибирь принесли казаки, а от них этот вид штанов распространился по всему русскому сибирскому обществу. См.: *Маслова Г.С.* Из истории восточнославянской этнографии: О жизни и творчестве Н.И. Лебедевой // Рязанский этнографический вестник. – Рязань, 1994. – С. 80.

⁶⁹ *Бардина П.Е.* Быт русских сибиряков... – С. 153.

⁷⁰ *Григорьев В.Н.* Переселение крестьян Рязанской губернии. – М., 1885. – С. 163, 189; *Петропавловский Н.* По Ишиму и Тоболу // Зап. ЗСО РГО. – 1886. – Т. VIII. – С. 38–39; *Потанин Г.* Заметки о сибирском казачьем войске // Военный сборник. – 1861. – XIX. – № 5. – С. 5–7.

⁷¹ *Словарь русских говоров Новосибирской области.* – Новосибирск, 1979. – С. 97, 190, 256; *Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья.* – Т. 1. – Томск, 1992. – С. 78; Т. 2. – Томск, 1993. – С. 23, 61, 63, 195, 236.

⁷² *Полный словарь сибирского говора.* – Т. 2. Томск, 1993. – С. 232; *Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья.* – Т. 3. – Томск, 1993. – С. 179.

⁷³ *Люцидарская А.А.* Старожилы Сибири: Историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII вв. – Новосибирск, 1992. – С. 146.

⁷⁴ *Молотилев А.* Говор русского старожилекого населения Северной Барабы (Каинского уезда Томской губ.) // Труды Томского общества изучения Сибири. – Томск, 1912. – Т. II. – Вып. 1. – С. 121; *МЭЭ ОмГУ* 1982 г. П. о. 14. Л. 20–21.

⁷⁵ *Шелегина О.Н.* Очерки материальной культуры... – С. 177–181; *Бардина П.Е.* Быт русских сибиряков. – С. 178–180 и др.

⁷⁶ *Миненко Н.А.* О влиянии социального расслоения на материальную культуру русских крестьян Западной Сибири в первой половине XIX в. // Культурная жизнь Сибири XVII–XX вв. Бахрушинские чтения 1981 г. – Новосибирск, 1981. – С. 110–112.

⁷⁷ Записки о кратковременных веяниях крестьянской моды см., например: *Зобнин Ф.К.* Усть-Ницинская слобода Тюменского уезда Тобольской губ. // Живая старина. – 1898. – Вып. 2 – С. 145; *Голубых М.Д.* Казачья деревня. – М.; Л., 1930. – С. 217.

⁷⁸ *МСИЭЭ ОмГУ.* 1984 г. П. о. 3. Л. 8.

- ⁷⁹ МЭЭ ОмГУ 1982 г. П. о. 14. Л. 31.
- ⁸⁰ Бардина П.Е. Быт русских сибиряков. – С. 153.
- ⁸¹ Голубых М.Д. Казачья деревня. – С. 215–217.
- ⁸² Козлова Т.В. Художественное проектирование костюма. – М., 1982. – С. 12–16, 24–26, 35–46.
- ⁸³ Зеленин Д.К. Женские головные уборы восточных (русских) славян // *Slavia*. – Praha, 1926. – S. 3. – С. 535; *Он же*. К вопросу о ходе древнейшей русской колонизации в Вятский край // *Избранные труды. Статьи по духовной культуре*. – С. 161.
- ⁸⁴ *Этнография русского крестьянства Сибири ...* – С. 142–182.
- ⁸⁵ Эстетические представления о быте вообще и об одежде в частности русских крестьян Сибири и Европейской России были различны. См.: Миненко Н.А. О влиянии социального расслоения на материальную культуру... – С. 109–110. Видимо, эстетические критерии русских сибиряков и представителей элитных слоев города во многом совпадали, что и вызывало у последних восторженную оценку сибирского быта, да еще высказанную при сравнении увиденного с российской действительностью. Наблюдения см.: Успенский Т. Очерк юго-западной половины Шадринского уезда // *Пермский сборник*. – М., 1859. – Кн. I. – С. 19; Школдин П. Хозяйственно-статистическое описание Бурлинской волости // *Журнал заседаний Московского общества сельского хозяйства*. – 1863. – Кн. 1. – С. 41–45; Небольсин П.И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул // *Отечественные записки*. – 1849. – Т. 67. – С. 95; Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань. – М., 1958. – С. 46–47; Черняковский Н. Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии // *Журнал Министерства внутренних дел*. – 1843. – Ч. II. – С. 239.
- ⁸⁶ Григорьев В.Н. Указ. соч. – С. 189.
- ⁸⁷ Успенский Г.И. Поездки к переселенцам // *Собр. соч.* – М., 1952. – Т. XI. – С. 81.
- ⁸⁸ Григорьев В.Н. Указ. соч. – С. 189.
- ⁸⁹ Данные взяты из рассказа Анастасии Ивановны Урмановой, уроженки д. Березняки, 1922 г. р. (МЭЭ ОмГУ 1991 г. П. о. 1. Лл. 6 об. –7).
- ⁹⁰ Мария Фадеевна Богданова, 1923 г. р., родилась и жила в д. Игоревка (МСИЭЭ ОФ ОИИФФ СО РАН 1993 г. П. о. 11. Л. 16 об.).
- ⁹¹ МЭЭ ОмГУ 1992 г. П.о. 11. Л. 31–36 об. Обследованы деревни Второвагайского и Тобольского районов Тюменской обл. Изучены музейные предметы из фондов Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника: ТМ 11264, 12307 – фартуки, ТМ 11724, 12308 – женские кофты, ТМ 15227, 16420 – мужские рубахи.

⁹² Ханявина Л.С. Художественные традиции народной одежды центральных районов Европейской России во второй половине XIX – начале XX в. // Традиции народной одежды и искусство современного костюма. – М., 1983. – С. 77–93.

⁹³ Богатырев П.Г. Функции костюма в Моравской Словакии // Вопросы теории народного искусства. – М., 1971. – С. 297–368.

⁹⁴ Пословицы русского народа / Сост. В. Даль. – М., 1984. – Т. II. – С. 368.

⁹⁵ В данном перечне тексты расположены в эволюционной последовательности, как она видится автору: *ФА ОмГПУ*. ЭК–23/1979. № 63; *Гринченко Б.Д.* Из уст народа. – 1901. – С. 125; *ФА ОмГПУ*. СЗ–7/1990. – № 5; Милорадович В. Заметки по малорусской демонологии // Киевская старина. – 1899. – № 8–9. – С. 400; *Бурцев А.Е.* Полное собрание этнографических трудов. – СПб., 1910. – Т. 5. – С. 97; *ФА ОмГПУ*. ЭК–46/1980. № 207; *Манжура И.* К легендам о летающих змеях // Этнографическое обозрение. – 1892. – № 2–3. – С. 254; *Мифологические* рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. – Новосибирск, 1987. – № 396; *ФА ОмГПУ*. ЭК–29/1978. № 36; ЭК 5/1992. № 25; *Бурцев А.Е.* Полное собрание... – Т. 4. – С. 80–81; *Мифологические* рассказы... – № 397; *Гринченко Б.Д.* Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. – Чернигов, 1897. – Вып. 2. – № 79; Личный архив *Козловой Н.К.* – 1987. – № 9; *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб., 1903. – С. 221; *Гнатюк В.* Знадоби до галицько-русскої демонології // Етнографічний збірник. – Львов, 1912. – Т. XXXIV. – № 468; *Милорадович В.* Заметки... – С. 398–399, 400; *Добровольский В.Н.* Некоторые поверья, песни и обряды Орловской и Калужской губерний // Живая старина. – 1902. – Вып. 2. – С. 208–209; *П.И.* Из области малорусских народных легенд // Этнографическое обозрение. – 1892. – № 2–3. – С. 82 (доп); *ФА ОмГПУ*. СЗ–10/1992. № 1; ЭК–4/1989. № 104.

Кроме того, сюжет "Конопля и вши" может использоваться и в пределах темы "Ходячий покойник". В этом случае речь идет уже не о девушке (женщине) и ее возлюбленном, а о тоскующих о мертвых родственниках. Таких текстов в нашей картотеке четыре: *ФА ОмГПУ*. ЭК–13/1988. № 31; ЭК–9/1988. № 13; Личный архив *М.А. Жигуновой*. П. о. № 8. Л. 29; *Материалы* для этнографического изучения Харьковской губернии // Харьковский сборник. – Харьков, 1894. – Вып. 8. – С. 291–292.

⁹⁶ *Песни южных славян*. – М., 1976. – С. 62, 60.

⁹⁷ *Гнатюк В.* Указ. соч. – № 572–575.

⁹⁸ *Славянская мифология. Энциклопедический словарь.* – М., 1995. – С. 277–278.

В.П. Зиновьев, расценив действия женщины в сюжете как хитрость, не учел ни магического характера обмана, ни апотропеических свойств всех деталей оберега и объединил этот сюжет с совершенно иными формами, поместив их в своем указателе в раздел "Покойник". См.: *Мифологические рассказы...* – С. 319.

⁹⁹ *ФА ОмГПУ. ЭК–58/1980. № 23.*

¹⁰⁰ Об укусе змеи см.: *Попроцкий М.* Материалы для географии и статистики России. Калужская губерния. – СПб., 1864. – С. 148; *Материалы* для этнографического изучения Харьковской губернии. – С. 248; *Романов.* Белорусский сборник. – Витебск, 1891. – Вып. 5. – № 335; *Чулков М.Д.* Абевага русских суеверий. – М., 1786. – С. 201; *Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы, конец XIX – начало XX в.* – М., 1977. – С. 267; *Толстые Н.И. и С.М.* Заметки по славянскому язычеству. 3. Первый гром в Полесье. 4. Защита от града в Полесье // *Обряды и обрядовый фольклор.* – М., 1982. – С. 71.

¹⁰¹ Цит. по: *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. – М., 1868. – Т. II. – С. 589.

¹⁰² *Бараг Л.Г.* Сюжет о змеборчестве на мосту в сказках восточнославянских и других народов // *Славянский и балканский фольклор.* Обряд. Текст. – М., 1981. – С. 174. Автор замечает, что эти эпизоды наиболее обстоятельно разработаны в украинских и белорусских сказках.

¹⁰³ О защитной и лечебной силе конопли см.: *Никифоровский Н.Я.* Нечистики. Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе. – Вильна, 1907. – С. 12; *Он же.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Собраны в Витебской Белоруссии. – Витебск, 1897. – № 64, 1975–1976; *Демидович П.П.* Из области верований и сказаний белоруссов // *Этнографическое обозрение.* – 1896. – № 2–3. – С. 99–100; *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. – СПб., 1902. – Т. III. – С. 274; *Макаренко А.* Материалы по народной медицине Ужурской волости, Ачинского округа Енисейской губ. С приложением сборника народно-медицинских средств той же волости // *Живая старина.* – 1897. – Вып. 3–4. – С. 398; *Сумцов Н.Ф.* Культурные переживания. – Киев, 1890. – С. 144.

Аналогичные сюжеты распространены и в Среднем Прииртышье: *ФА ОмГПУ. ЭК–10/1982. № 194; ЭК–3/1990. № 161; ЭК–4/1991. № 54, 55; ЭК–8/1988. № 13.* Здесь конопля уже не сама по себе имеет защитную силу, а мелкота и множественность ее семян. Видимо, это

представление более позднее, чем апотропеические свойства самого растения.

¹⁰⁴ *Славянские древности*. – Т. 1. – С. 447.

¹⁰⁵ *Никифоровский Н.Я.* Простонародные приметы и поверья... – № 1636, 516.

¹⁰⁶ *Редько А.* Нечистая сила в судьбах женщины-матери // *Этнографическое обозрение*. – 1899. – № 1–2. – С. 77–79.

¹⁰⁷ *Даль В.И.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. – СПб., 1880. – С. 79; *Чубинский П.П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. – СПб., 1872. – Вып. 1. – С. 120.

¹⁰⁸ *Романов.* Белорусский сборник. – С. 312; *Никифоровский Н.Я.* Простонародные приметы и поверья... – № 2097.

¹⁰⁹ *ФА ОмГПУ.* ЭК–2/1990. № 62; МАГ–1/1990. № 39; ЭК–4/1991. № 112; МАГ–2/1991. № 29.

¹¹⁰ *Никифоровский Н.Я.* Простонародные приметы и поверья... – № 2093.

¹¹¹ *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. – Т. II. – С. 509.

¹¹² *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. – С. 207.

¹¹³ О связи дождя и насекомых см.: *Добровольский В.Н.* Звукоподражания в народном языке и в народной поэзии // *Этнографическое обозрение*. – 1894. – № 3. – С. 85; *Материалы для этнографического изучения Харьковской губернии // Харьковский сборник*. – Харьков, 1893. – Вып. VII. – С. 417; *И.П.* Народные представления и верования, относящиеся к внешнему миру. Материалы для характеристики мирозерцания крестьянского населения Купянского уезда // *Харьковский сборник*. – Харьков, 1888. – Вып. 2. – С. 97; *Мошков В.А.* Гагаузы Бендерского уезда. Верования // *Этнографическое обозрение*. – 1901. – № 4. – С. 51; *ФА ОмГПУ.* – ЭК–2/1985. – № 59; *Терновская О.А.* К описанию народных славянских представлений, связанных с насекомыми // *Славянский и балканский фольклор. Обряд. Текст*. – С. 150–151; *Славянские древности*. – Т. 1. – С. 447–448.

¹¹⁴ *Терновская О.А.* Указ. соч. – С. 155.

¹¹⁵ *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. – Т. II. – С. 573.

¹¹⁶ *Редько А.* Указ. соч. – С. 65, 79.

¹¹⁷ *Мошков В.А.* Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы // *Этнографическое обозрение*. – 1900. – № 1. – С. 31.

¹¹⁸ *Бондаренко В.* Очерки Кирсановского уезда Тамбовской губернии // *Этнографическое обозрение*. – 1890. – № 3. – С. 88–89.

¹¹⁹ Потанин Г.Н. Святой Касьян и сказка о больной царевне // Этнографическое обозрение. – 1902. – № 2. – С. 113–115.

¹²⁰ Песни южных славян. – С. 61–63.

¹²¹ Этнографическое обозрение. – 1914. – № 1–2. – С. 6. Об имени Гило см. также: Успенский Д. Народные верования в церковной живописи // Этнографическое обозрение. – 1906. – № 1. – С. 78.

¹²² Ляцкий Е. К вопросу о заговорах от трясовиц // Этнографическое обозрение. – 1893. – № 4. – С. 124. В одном из заговоров лихоградка говорит о себе: "Я иду юность женскую иссушити, млеко оставити, а младенцев погубити..., а другие родят глухи и немые, и погублю во чреве материнском..." Цит. по: Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. – М., 1878. – Ч. II. – С. 205.

¹²³ Дикарев М. О царских загадках // Этнографическое обозрение. – 1896. – № 4. – С. 194.

¹²⁴ Чубинский П.П. Указ. соч. – С. 194; Яворский Ю. Из галицко-русских народных поверий // Живая старина. – 1900. – Вып. 4. – С. 599.

¹²⁵ Яворский Ю. Галицко-русские поверья о дикой бабе // Живая старина. – 1897. – Вып. 3–4. – С. 440–441.

¹²⁶ См., напр.: Даль В.И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. – С. 61; Потанин Г.Н. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сборник. – СПб., 1864. – Вып. 6. – С. 148; Никифоровский Н.Я. Нечистики. – С. 93; Шейн П.В. Материалы для изучения быта... – Т. III. – С. 263; Логиновский К.Д. Материалы к этнографии забайкальских казаков // Записки общества изучения Амурского края Приамурского отдела Русского географического общества. – Владивосток, 1904. – Т. XI. – Вып. 1. – С. 11; Личный архив Н.К. Козловой. – 1987. – № 22.

¹²⁷ Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. – СПб., 1887. – Т. I. – Ч. I. – № 227, 229.

¹²⁸ Куликовский Г.И. Похоронные обряды Обонежского края // Этнографическое обозрение. – 1890. – № 1. – С. 47; Заварицкий Г.К. Из легенд и поверий Саратовского Поволжья о змеях // Этнографическое обозрение. – 1915. – № 3–4. – С. 86; Макаренко А. Материалы по народной медицине... – С. 63; Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. – М., 1877. – Ч. I – С. 192; Никифоровский Н.Я. Простонародные приметы и поверья... – № 2141; Там же. – С. 22–23; ФА ОмГПУ. ЭК–7/1988. № 91; ЭК–4/1989. № 61; ЭК–2/1990. № 29; ЭК–4/1990. № 50–51; ЭК–4/1991. № 57, 111. В Прииртышье эти поверья записаны в основном от вятских и коренных сибиряков (русских).

¹²⁹ Учитывая метеорологические поверья, можно предположить, что не поедание вшей, а сами вши были оберегом от змея. Перенесенные на лихорадку и другие болезни, они должны были попасть внутрь человека (так как болезнь входит в него), отсюда появилось "поедание", которое в сюжете о мифическом любовнике могло заменить какое-то другое действие.

¹³⁰ В числе "змеиных оберегов", применяемых против желтухи, а также при трудных родах, нужно назвать и коноплю.

¹³¹ Бардина П.Е. Традиционные представления и поверья, связанные с одеждой, в современном быту русского населения Среднего Приобья // Современная духовная культура народов Сибири и Севера. – Омск, 1989. – С. 143.

¹³² Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. – М., 1984. – С. 94.

¹³³ Славянская мифология. – С. 106.

¹³⁴ Цит. по: Грысык Н.Е., Разумова И.А. К представлениям о человеке и животном (по севернорусским верованиям и сказке) // Фольклористика Карелии. – Петрозаводск, 1991. – С. 50.

¹³⁵ Толстые Н.И. и С.М. Заметки по славянскому язычеству. 5. Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах // Славянский и балканский фольклор. Обряд. Текст. – М., 1981. – С. 60–61, 98.

¹³⁶ Маслова Г.С. Указ. соч. – С. 38, 60, 106.

¹³⁷ Милорадович В. Заметки по малорусской демонологии. – С. 400.

¹³⁸ Журавлев А.Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. – М., 1994. – С. 31.

¹³⁹ Маслова Г.С. Указ. соч. – С. 117.

¹⁴⁰ Лавонен Н.А. Из наблюдений о бытовании погребально-поминального обряда в Южной Карелии // Фольклористика Карелии. – Петрозаводск, 1993. – С. 37.

¹⁴¹ О пороге как препятствии для нечистой силы см.: Славянская мифология. – С. 318; Бурцев А.Е. Полное собрание этнографических трудов. – Т. V. – С. 9; *ФА ОмГПУ*. – ЭК-17/1990. – № 54; Манжура И.И. Сказки, пословицы и т. п., записанные в Екатеринославской и Харьковской губерниях // Сборник Харьковского историко-филологического общества. – Харьков, 1890. – Т. 2. – С. 9; Сумцов Н.Ф. Культурные переживания. – С. 101; Даль В. Пословицы русского народа. – Т. II. – С. 346; Мифологические рассказы... – № 402; Редько А. Указ. соч. – С. 93.

¹⁴² См., напр.: "Для облегчения страданий при родах следует переступить через три порога" (Черниговская губ.). – Цит. по: Грин-

ченко Б.Д. Этнографические материалы... – Чернигов, 1895. – Вып. 1; "Для вызова потуг муж "родишки" ложится у порога избы с внутренней стороны, а через него и порог "родишка" переступает девять раз" (Витебская губ.). – Цит. по: *Никифоровский Н.Я.* Простонародные приметы и поверья... – № 55; "При трудных родах ... баба велит родильнице ударить три раза пятами о порог хаты..." (Волынская губ.). – Цит. по: *Чубинский П.П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. – СПб., 1877. – Т. IV. – С. 3.

¹⁴³ *Сказки Терского берега Белого моря / Сост. Д.М. Балашов.* – Л., 1970. – № 17.

¹⁴⁴ *ФА ОмГПУ.* ЭК–2/1988. № 55.

¹⁴⁵ О пороге как месте контакта с мифической силой см.: *Балов А.В.* Очерки Пошехонья // Этнографическое обозрение. – 1901. – № 4. – С. 84; *ФА ОмГПУ.* – ЭК–57/1980. – № 34; ЭК–6/1988. – № 7; ЭК–7/1988. – № 73; *Ушаков Д.* Материалы по народным верованиям великороссов // Этнографическое обозрение. – 1896. – № 2–3. – С. 178; Личный архив *Н.К. Козловой.* – 1987. – № 93; *Чубинский П.П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции... – Т. I. – Вып. 1. – С. 102; *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения... – Ч. I – С. 172; *Даль В.И.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. – С. 35; *Верещагин Г.* О народных средствах врачевания в связи с поверьями // Этнографическое обозрение. – 1899. – № 3. – С. 115; *Романов.* Белорусский сборник. – Вып. VIII. – С. 298; *Гринченко Б.Д.* Этнографические материалы... – Вып. 1. – С. 29; *Никифоровский Н.Я.* Простонародные приметы и поверья... – № 276; *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. – СПб., 1893. – Т. II. – С. 545; *Богданович А.Е.* Пережитки древнего миросозерцания у белоруссов. – Гродно, 1895. – С. 159; *Драгоманов М.* Малорусские народные предания и рассказы. – Киев, 1876. – С. 22; *Мишк А.Н.* Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки Саратовской губ. // Зап. РГО по отделу этнографии. – СПб., 1890. – Т. XIX. – Вып. 2. – С. 55; *Славянская мифология.* – С. 319.

¹⁴⁶ *Сибиряк.* – [Омск]. – 1995. – 18 января.

¹⁴⁷ *Вечерний Омск.* – 1997. – 7 января; *Новое обозрение.* – [Омск]. – 1997. – 5 января.

¹⁴⁸ *МЭЭ ОмГУ.* П.о. 1. Лл. 65–66.

¹⁴⁹ *Кудрявцева Г.А.* Музейные святки // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 1996. – № 4. – С. 99–104.

¹⁵⁰ *Четверг.* – [Омск]. – 1997. – 9 января; *Ореол.* – [Омск]. – 1995. – 8 января; *Новое обозрение.* – 1997. – 15 января.

- ¹⁵¹ *Новое обозрение*. – 1997. – 8 января; Там же. – 1997. – 22 января.
- ¹⁵² Там же. – 1997. – 8 января.
- ¹⁵³ *Сибиряк*. – 1994. – 30 декабря; Там же. – 1995. – 10, 13 января.
- ¹⁵⁴ Там же. – 1995. – 16 января.
- ¹⁵⁵ Там же. – 1995. – 10 января.
- ¹⁵⁶ Там же. – 1994. – 6 января; *Омский вестник*. – 1996. – 4 января; *Новое обозрение*. – 1997. – 1 января.
- ¹⁵⁷ *Новое обозрение*. – 1997. – 22 января.
- ¹⁵⁸ *Сибиряк*. – 1996. – 1, 3 апреля.
- ¹⁵⁹ *Русские* (Этносоциологические очерки). – М., 1992. – С. 322.
- ¹⁶⁰ *Вечерний Омск*. – 1996. – 5 июня; *Омская правда*. – 1996. – 28 февраля.
- ¹⁶¹ *Шмелева М.Н.* Сезонные праздники. Новое и традиционное // *Русские народные традиции и современность*. – М., 1995. – С. 26.
- ¹⁶² *Чистов К.В.* Народные традиции и фольклор: Очерки теории. – Л., 1986. – С. 46–56.
- ¹⁶³ *Шмелева М.Н.* Указ. соч. – С. 27.

Раздел III.

РУССКИЕ ГОРОДА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК И БЫТ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Очерк 1. Древняя столица русской Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.

За последние три десятилетия сибирское городоведение превратилось в крупное научное направление. Появилось значительное число работ, посвященных истории возникновения и развития на протяжении четырех веков многочисленных городов Западной Сибири¹. В последние годы историки начинают все активнее исследовать процесс формирования и развития городской культуры². Однако следует отметить, что наибольшее внимание ученые и краеведы уделяли и по-прежнему уделяют первым векам сибирской истории (концу XVI – первой половине XIX вв.), в то время как культура городов Западной Сибири второй половины XIX – начала XX вв. изучена заметно слабее. Целью данного раздела является попытка восполнить хотя бы частично этот пробел.

В энциклопедических справочниках столицей считается "главный город государства, административно-политический центр страны", который "обычно является местом пребывания высших органов государственной власти и государственного управления, а также высших судебных, военных и иных учреждений"³.

Тобольск был основан на вновь присоединенных землях, где ранее располагались народы, находящиеся на разной стадии формирования государственности, первоначально как центр военно-административного управления и опорный пункт русской колонизации за Уралом. В функциональном отношении он во многом напоминал центры провинций Римской империи, центры администрации подвластных Риму территорий (вне Италии), управлявшиеся римскими наместниками) и вполне отвечает понятию "столица провинции", или "провинциальная столица", что в данном очерке означает одно и то же.

Однако утратив в 1839 г. административно-столичные функции центра Западной Сибири и постепенно оказавшись вне системы основных "сухопутных" коммуникаций Сибири, Тобольск во многих отношениях стал постепенно отставать в своем развитии от других губернских городов Сибири.

Сначала в 1838 г. был спрямлен основной сухопутный тракт, который теперь прошел в стороне от старой сибирской столицы. Затем значительно в стороне от города прошла и Транссибирская железнодорожная магистраль. Тобольск оставался включенным только в единую систему водных путей. Через Тобольск на Тюмень, Томск и другие города Западной Сибири были проложены речные маршруты первых пароходов.

Фото 1. Вид на нагорную часть Тобольска. Начало XX в.

В начале XIX в. Тобольск "хорошего строения и торгу принадлежит к лучшим городам Сибири"⁴. Однако уже во второй половине XIX в. Тобольск воспринимался современникам как исторический город и столица Сибири в недалеком прошлом. Современники называли его "Сибирским Киевом" и отмечали, что "вследствие долговременного первенствующего значения Тобольска для всей Сибири памятники старины сохранились в нем в большем количестве, чем в других сибирских городах, несмотря на его неоднократные громадные пожары"⁵.

Город располагался частью на горе (Фото 1), на крутом берегу Иртыша, частью – в низине между нагорьем и рекой (Фото 2). Перепад между террасами (верхним и нижним городом) составлял почти 30 сажен. Верхний и нижний город соединяли взвозы: Казачий, Никольский (Прямской) и Софийский (Базарный).

Тобольск, Общий вид города

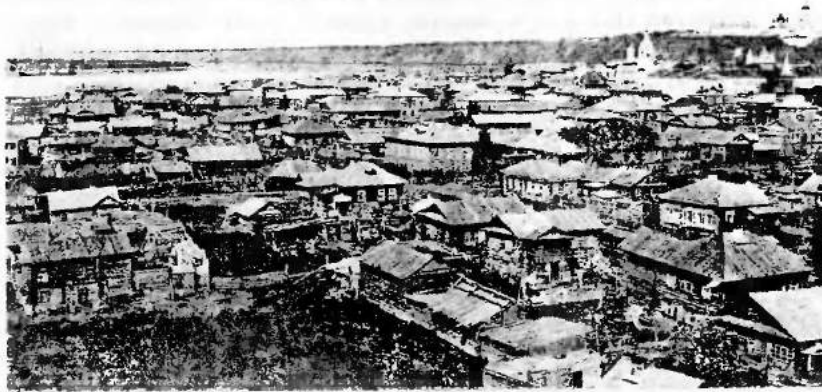

Фото 2. Общий вид Тобольска. Начало XX в.

Верхний город представлял из себя исторический, духовный и административный центр губернии. Здесь располагались кремль, духовная консистория и архиерейский дом, здание Губернских присутственных мест с окружным судом и полицейским управлением, Софийский собор, памятник Ермаку, тюрьма, знаменитая своими размерами.

Подгорная часть города была наиболее населенным местом. Здесь находились 9 каменных церквей и часовня, воздвигнутая в память мученической кончины императора Александра II, почти все гражданские и духовные учебные заведения (за исключением Богородице-рождественского приходского, женского епархиального училища), гостиный двор, рынки (мясной, хлебный, сенной, дровяной, рыбный, толкучий), магазины и оптовые склады, городская дума с управой, городской банк, городское полицейское управление и пр.

Как отметил В. Кириллов, протоки, речки и ручьи послужили "образующей основой планировки всего нижнего города, дав направление основным продольным и некоторым поперечным улицам"⁶. Нижняя часть города (в особенности так называемые Покровская и Пятницкая стрелки) во время весенних разливов рек подвергались регулярным наводнениям. Почва в подгорной части и местами на горе была болотистой и не просыхала даже в продолжение всего лета, и проезд по ним был весьма затруднен⁷.

При Тобольске находилось несколько небольших предместий (Подчуваши, Хуторское, Подслюзное, Завальное), составлявших единое целое с городом в отношении общественного и полицейского управлений.

Издали из-за Иртыша Тобольск со своими церквями, "высоко поднимающими свои разрисованные куполы, с его старинным кремлем, господствующим с горы над нижними кварталами, расположенными на берегу широкого Иртыша", и зданиями присутственных мест предстал перед путешественниками весьма красивым и эффектным зрелищем. Э. Реклю в своей "Всеобщей географии" отметил, что Тобольск "все еще по красоте вида один из самых величественных городов Сибири"⁸.

Архитектурными доминантами города являлись церкви и некоторые из казенных и общественных зданий. Число казенных домов в 1851 г. составляло 50 (в том числе 21 каменных), общественных – 4 (2). В 1914 г. казенных и общественных зданий, содержащихся за счет казны, земских сборов и городских доходов насчитывалось 57. Из них около половины, а именно 28, было каменной постройки. Дома эти были заняты присутственными учреждениями, архивами, тюремным замком, 2 каторжными тюрьмами, исправительным арестантским отделением, учебными и благотворительными заведениями⁹.

К началу 1880-х гг. в Тобольске насчитывались 21 церковь (в том числе одна римско-католическая и одна протестантская) и мужской монастырь. Число храмов во второй половине XIX – начале XX вв. значительно увеличилось. В Тобольске в 1910 г. было уже 27 православных храмов, костел, кирха, мечеть, синагога¹⁰. Согласно плану города, они были более или менее равномерно распределены по территории города, хотя центральная (более древняя и более привилегированная часть города) имела, пожалуй, чуть больше церквей на единицу площади.

К середине XIX в. (1851 г.) в Тобольске было 2214 жилых домов. Однако к началу XX в. число жилых строений в Тобольске заметно увеличилось: в 1904 г. их насчитывалось 3109, а в 1910 г. уже 3379¹¹. В городе преобладали деревянные дома с затейливым декоративным убранством фасадов, деревянной резьбой и ажурными металлическими украшениями. В 1851 г. деревянных жилых домов было 2198 (99,3 %), в 1904 г. – 3066 (98,6 %), в 1910 г. – 3157 (93,4 %)¹². Таким образом, несмотря на рост абсолютного количества деревянных жилых домов, их удельный вес в общем составе жилого фонда во второй половине XIX – начале XX вв. начинает неуклонно снижаться.

В эти годы в Тобольске (в отличие от Омска) наблюдается оживленное строительство каменных жилых строений, число которых

возросло в 11,6 раз: с 16 (1851 г.) до 185 (1910 г.)¹³. Удельный вес каменных жилых зданий в общей застройке также заметно увеличился: с 0,7 % до 6,6 %.

Каменное строительство начинает оказывать заметное влияние и на деревянную застройку города. Как отметил Кириллов, "традиционные срубные избы благодаря тесовой обшивке превращены местными мастерами в подобие каменных строений"¹⁴. В конце XIX – начале XX вв. появляются многоквартирные дома, предназначенные специально для сдачи в наем. Очень часто низ у них был каменный, а верх деревянный. Особенностью этих поздних домов являлись большие, городского типа окна. На некоторых из домов было заметно влияние стандартов типовых железнодорожных построек¹⁵.

Прирост городской территории шел главным образом за счет нижнего города. Общая протяженность улиц в начале XX в. несколько возросла. В 1904 г. в Тобольске насчитывалось 47 улиц и переулков общей протяженностью 33,8 верст. К 1910 г. их число увеличилось до 58, а протяженность до 40 верст¹⁶.

Фото 3. Тобольск. Большая Пятницкая ул. Начало XX в.

Многие улицы Тобольска (более 1/3 в начале 1880-х гг.) были вымощены деревянной мостовой (Фото 3). Однако состояние этой мос-

товой оставляло желать лучшего. Тротуары на улицах содержались домовладельцами. Каждый домовладелец обязан был поддерживать мостовую на участке, лежащем против его усадьбы. Эта натуральная повинность для большинства домовладельцев (особенно для наиболее бедных) была крайне обременительна. К тому же дорогостоящая мостовая вследствие болотистости почвы подвергалась быстрому разрушению и требовала постоянного ремонта. Поэтому, как отметил тобольский полицмейстер, "сплошь и рядом мостовые и тротуары находятся в неисправности, а часть и совсем уничтожены" и сообщение по улицам "крайне неудобно"¹⁷.

Следует отметить, что протяженность мощеных улиц в начале XX в. увеличилась в 1,5 раза (с 4,6 до 7 верст) и общая площадь мощеных улиц увеличилась с 13,6 % (1904 г.) до 17,5 % (1910 г.). Однако протяженность тротуаров заметно сократилась. Удельный вес мощеных тротуаров к общей протяженности улиц город составлял в 1904 г. 39,1 %, в 1910 г. 25,0 %¹⁸.

Внешним благоустройством, за исключением центральных улиц, губернские центры Западной Сибири во второй половине и даже в конце XIX в. не отличались. Они сохраняли, как и прежде, многие черты сельского быта: домашний скот, огороды, сады. Тобольск в этом отношении не был исключением. По данным полицейского управления, в Тобольске в 1890 г. насчитывалось 4306 лошадей, 2982 крупного рогатого скота, 288 свиней и 580 коз и овец¹⁹. Отчет Тобольского полицейского управления о состоянии г. Тобольска за 1890 г. отмечал, что "многие хозяева, имея при домах огороды, сажают разные овощи: капусту, картофель, огурцы, лук, морковь, репу, редьку, свеклу и т. п. не только для собственного употребления, но и для продажи на городском рынке"²⁰. Однако в начале XX в. постепенно вырисовывается тенденция на сокращение общего поголовья скота. Так, если в 1893 г. в Тобольске было учтено 2296 лошадей и 1560 голов рогатого скота, то в 1911 г. численность лошадей в городе сократилась до 1067 лошадей и 1316 голов рогатого скота²¹.

Еще К. Голодников в своей работе "Город Тобольск и его окрестности" отметил, что средняя продолжительность жизни тобольчан во многом зависела от района проживания. Различный уровень благоустройства и санитарно-гигиенических условий в различных частях города самым непосредственным образом сказывался на здоровье и продолжительности жизни горожан. Анализ средней продолжительности жизни в разных церковных приходах Тобольска, проведенный К. Голодниковым, поражает огромной разницей между относительно благополучными и неблагополучными районами города. Крайними

полюсами в этом отношении выступали Благовещенский и Андреевский приходы.

Население Благовещенского прихода составляло наиболее зажиточную часть города. Улицы в этом районе были широкими и содержались "в наибольшей чистоте и опрятности". Дома и усадьбы были лучше обстроены и содержались в относительном порядке. Средняя продолжительность жизни в Благовещенском приходе была почти в 2 раза больше, чем в Андреевском. Детская смертность здесь была значительно ниже, и до старости доживало вдвое больше жителей, чем в последнем. Таким образом, городские жители нагорной части жили в более благоприятных санитарно-гигиенических условиях, чем соответствующие по социальному положению подгорных приходов: Пятницкого, Покровского и др.²².

Весьма неприглядно выглядели бедные районы Тобольска. Подгорная часть Тобольска "не представляла ничего привлекательного". Она пересекалась несколькими протоками, местами заливающими ее. Здесь располагались "кривые улицы, обстроенные разношерстными каменными и деревянными зданиями". К. Голодников в своей книге приводит следующее описание одного из них: "Совсем другое представляется на болоте и в Андреевском приходе. Прихожане здесь – или небогатые мещане и городские крестьяне, или бедные канцелярские чиновники. Все они, за незначительным исключением, живут в низеньких лачужках, скучившись в дурно проветриваемых помещениях, или же в таких хижинах, где ветер свободно разгуливает от одного угла к другому, производя гибельные горячки и упорные ревматизмы, которыми так славится наш северный климат. Улицы там немощены, грязные, а весной и осенью во время дождей – почти и непроходимые. Летом под окнами многих домов гниет вода, не имеющая стока, еще более отравляя своими миазматическими испарениями и без того спертый комнатный воздух. Здесь настоящее гнездо всевозможных эпидемий..."²³. Протоиерей А. Сулоцкий отмечал, что "многие дома круглый год окружены, или, лучше, плавают в воде и плесени"²⁴. Подобные районы можно было встретить во всех губернских центрах Сибири.

Однако в начале XX в. технический прогресс начинает вторгаться и в городское благоустройство. Весной 1900 г. Тобольская городская управа заключила договор на строительство водопровода с московской фирмой "Нептун" протяженностью около 9 верст с ежедневной подачей воды в 110 тыс. ведер²⁵. Городской водопровод содержался за счет средств, получаемых от продажи воды. Доходы за отпущенную воду и произведенные работы в 1914 г. составил 19 626 руб. 15 коп., расходы на его содержание исчислялись в 15 702 руб. 84 коп. Таким образом, в этом

году деятельность водопровода принесла в городскую казну 3 923 руб. 31 коп.²⁶.

Освещение города долгие годы оставалось керосиновым. Главные улицы в темные ночи освещались в начале 1880-х гг. 120 фонарями, снабженными керосиновыми лампами²⁷. Время от времени городское самоуправление предпринимало малоуспешные попытки по улучшению уличного освещения. В 1904 г. улицы города уже освещало 178 керосиновых фонарей. Однако в первое десятилетие, ввиду нехватки городских средств, уличное освещение сокращается до 89 фонарей (в том числе 6 электрических и 83 керосиновых)²⁸.

Однако и в этой сфере городского хозяйства наблюдается технический прогресс. Гласные Тобольской городской управы открыли впервые свое заседание при электрическом освещении 7 августа 1908 г. Электричество было подведено с небольшого электрогенератора водонапорной станции. После первого опыта электричество стало быстро распространяться по городу. Кроме электростанции, водопровода, в Тобольске построили отдельную станцию мощностью в 40 квт.²⁹

Если еще в первой половине XIX в. пожары в Тобольске не были редкостью (хотя и не носили столь опустошительного характера, как в предшествующем) и наносили вполне ощутимый ущерб городу и горожанам, то уже в конце XIX – самом начале XX вв. в результате целого комплекса принятых мер и развития городской пожарной службы их число и приносимый ими материальный ущерб значительно снизились. Число пожаров в 1908 г. составило 7, в 1911 г. – 9, в 1913 г. – 11. Число погоревших домов: 5, 9 и 11 соответственно³⁰. В 1913 г. Тобольская городская пожарная команда состояла из бригадмейстера, 3 старшин и 36 пожарных. В их распоряжении было 30 лошадей и соответствующий пожарный инвентарь³¹.

В отличие от социально-экономического развития, в культурном отношении Тобольск в значительной мере сохранял свои позиции одного из ведущих культурных центров Западной Сибири. Культура Тобольска была богата своими традициями и опиралась на социокультурный потенциал, накопленный в городе во времена относительно недалекого "столичного" прошлого. А.И. Куприянов справедливо отмечает, что Тобольск значительно раньше Томска (а значит, и других сибирских городов) сформировался как культурный и духовный центр. В результате этого, в то время как в Томске еще в 1852 г. "продолжали обращать внимание на "несочувствие к образованию и неподвижность городского населения", в Тобольске уже более четверти века "подобное не имело места"³². Более раннее и устойчивое развитие государственного образования в Тобольске привело к вытеснению частных учителей и домашне-

го образования в Тобольске еще в первой четверти XIX в., в то время как в Томске оно продолжало конкурировать с государственной школой еще в середине прошлого столетия³³.

Прародительницей всех тобольских учебных заведений была Славяно-русская школа, открытая в 1703 г. и преобразованная в 1744 г. в духовную семинарию. Другим старейшим учебным заведением Тобольска была губернская классическая гимназия, которая появилась в 1810 г. в результате преобразования главного народного училища (открыто в 1789 г.). Именно эти два учебных заведения сыграли огромную роль в формировании социокультурного потенциала не только Тобольска, но и Сибири в целом.

Во второй половине XIX – начале XX вв. происходит стремительный рост численности учебных заведений. Так, если в 1873 г. в городе насчитывалось 8 учебных заведений с общим числом учащихся 1144 (мужская гимназия, уездное училище, 2 приходских училища, духовная семинария, окружное духовное училище, Мариинская женская школа и Александровский детский приют), то в 1911 г. их было уже 29³⁴.

В середине XIX в. в Тобольске начинает формироваться сеть специальных учебных заведений. Открываются повивальная школа (1878 г.), ветеринарно-фельдшерская школа (1878 г.), ремесленная школа (1876 г.), мореходный класс (1883 г.). Тобольская ветеринарно-фельдшерская школа была открыта 15 августа 1878 г. и согласно временному штату в ней должно было обучаться 30 чел. Учились в ней преимущественно дети мещан, чиновников и крестьян³⁵.

Тобольская повивальная школа была создана для подготовки сельских повивальных бабок и рассчитана на 30 учениц. Полный курс обучения составлял 2 года³⁶. В 1893 г. тобольский губернатор ходатайствовал о преобразовании Тобольской повивальной школы в фельдшерскую, однако Департамент медицины Министерства внутренних дел (МВД) не поддержал эту идею, т. к., согласно его мнению, подобное "не отвечало бы потребностям сельского населения в медицинской и акушерской помощи", и предложил в свою очередь реорганизовать повивальную школу в повивально-фельдшерскую³⁷. В 1895 г. предписанием Медицинского департамента МВД Тобольская повивальная школа была преобразована в повивально-фельдшерскую. Позднее, в 1906 г., она была реорганизована в четырехклассную фельдшерско-акушерскую школу 1-го разряда. В 1908–09 учебном году в ней уже обучалось 87 чел.³⁸.

На заседании городской думы в июле 1894 г. был принят план преобразования тобольской ремесленной школы в сельскохозяйствен-

ную. Согласно предложению губернатора, ремесленная школа должна была быть преобразована в сельскохозяйственную по плану, выработанному агрономом Скалозубовым. Город должен был предоставить в ее распоряжение все имущество ремесленной школы и принять на себя обязательства по ее ежегодной финансовой поддержке³⁹. Хотя процесс преобразования школы несколько затянулся из-за споров о выделении для нее земельного участка, однако уже к 1900 г. ремесленная школа была реорганизована в низшую сельскохозяйственную школу.

В 1876 г. генерал-губернатор Западной Сибири Казнаков обратился в Министерство народного просвещения с ходатайством об открытии в Тобольске учительской семинарии на основании положения и штатов Молодечнянской учительской семинарии. Но когда встал вопрос о выделении здания и материальных ресурсов для реализации этого проекта, то он был передан на усмотрение городской думы. Тобольская городская дума на своем заседании 6 октября 1876 г. приняла решение: "по недостатку городских средств" и "при всем сочувствии не имеет возможности построить новое здание" и не может подыскать из уже существующих. В результате от проекта было решено отказаться⁴⁰.

Однако в то время, когда встал вопрос об открытии в Сибири университета, Тобольская городская дума на предложение Томской городской думы поддержать кандидатуру Томска в этом отношении ответила, что: "1) Город Тобольск по многим весьма важным и непосредственным данным и основаниям сам имеет преимущество над Томском в отношении учреждения здесь первого Сибирского университета, 2) Если же правительству угодно будет избрать местом учреждения первого Сибирского университета г. Томск или Омск, то для Тобольска почти совершенно безразлично во всех отношениях, в котором бы из названных городов не учредилось такое заведение"⁴¹. Как известно, правительство остановило свой выбор на Томске, где и был открыт университет.

Следует особо отметить открытие в середине XIX в. общедоступных школ для девочек. Одной из первых за Уралом была открыта Марининская женская школа в Тобольске (1858 г.). Создание женских учебных заведений "стало не только важным социокультурным явлением городской жизни, но и явилось зримым символом изменений в ментальности граждан, разночинцев и мелких государственных служащих"⁴². Другим привилегированным женским учебным заведением была епархиальное женское училище. Так, в 1882 г. из 77 учениц относилось к выходцам из дворян 56 чел. и почетных граждан 18 чел.⁴³. Кроме того, женщины могли получить соответствующее образование и в Тобольской повивальной школе, где имели возможность учиться

дочери купцов, мещан, крестьян. К началу XX в. женское образование получает значительное распространение. В 1904 г. в Тобольске уже действовало 2 средних и 4 низших женских учебных заведений. В них обучалось соответственно 301 и 584 девочек, то есть всего около 900 учениц⁴⁴.

В Тобольске в конце XVIII в. был создан первый в Сибири профессиональный театр. Первое здание более чем на 560 мест было построено в 1791 г. В театре было занято 16 актеров и оркестр, состоящий из 9 человек. Репертуар театра отличался большим разнообразием. Здесь ставили трагедии, драмы, комедии и комедийные оперы не только русских авторов, но и французских, итальянских, немецких. По разнообразию и характеру репертуара тобольский театр не отличался от петербургских и московских театров. В 80–90-х годах XIX в. в старейшем в Сибири театре ставились пьесы Н.В. Гоголя, А.Н. Островского, А.П. Чехова⁴⁵.

Большую роль во второй половине XIX в. в культурной жизни города играли благотворительные спектакли. Так, только в первой половине 1872 г. в Тобольске, по подсчетам автора, состоялось более 6 любительских спектаклей и музыкально-литературных вечеров с благотворительной целью. В январе был дан спектакль нижними чинами учебной команды в пользу раненых и спектакль в пользу воспитания бедных детей в зале благородного собрания силами любителей. В феврале в зале Тобольского собрания состоялся спектакль в пользу Марининской женской школы и спектакль в пользу Тобольского приказа общественного призрения. В апреле в зале Тобольского собрания был дан любителями музыкально-вокальный вечер в пользу местного оркестра (для приобретения новых инструментов). В мае 1872 г. состоялось еще один спектакль с благотворительной целью. Распорядителем (и одним из участников) этого спектакля был М.С. Знаменский, известный художник и литератор. Отчеты о любительских благотворительных спектаклях печатались в "Тобольских губернских ведомостях"⁴⁶. В городе, наряду с прочими, действовали музыкальное и драматическое общества.

В 1898 г. в Тобольске было возведено деревянное двухэтажное здание народной аудитории в "русском стиле" (Фото 4). В газете "Степной край" появилась заметка, в которой отмечалось, что "в сравнительно бедном Тобольске принялись строить чуть ли не дворец-театр с широкими планами создать "общедоступный народный театр". В сентябре 1899 г. в театре состоялся первый спектакль – комедия А.Н. Островского "Свои люди – сочтемся"⁴⁷.

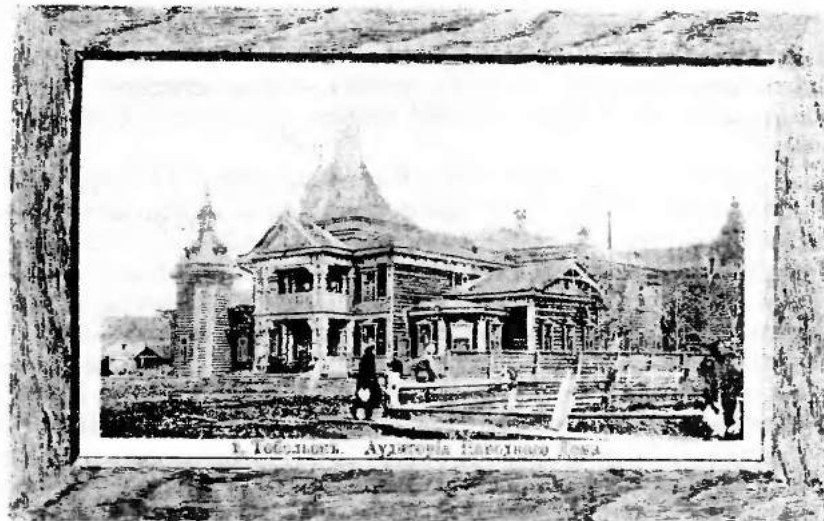

Фото 4. Тобольск. Народный дом. Начало XX в.

В 1911 г. "Народная аудитория" была капитально перестроена. По данным В.И. Кочеламова, был значительно расширен зрительный зал, построено вместительное фойе и ряд вспомогательных помещений, были устроены электрическое освещение и паровое отопление от собственной котельной. Местные котельные стали появляться и в других домах¹⁸. К сожалению, тобольский деревянный театр немного не дожил до своего столетия, в 1990 г. этот уникальный объект деревянного зодчества погиб в огне пожара.

В начале XX в. во всех губернских центрах появляются первые кинотеатры (Фото 5). В Тобольске первый электрогеатр "Люкс" был открыт в 1908 г. В 1910 г. здесь уже действовало 4 кинотеатра ("Люкс", "Искер", "Модерн", в "Народной аудитории")¹⁹.

Музей был основан в 1870 г. губернским статистическим комитетом. Для него было выстроено специальное каменное здание, построенное на пожертвованные средства в конце 1880-х гг. С этого времени музей вел плодотворную научную и просветительную деятельность, проводил научные экспедиции по исследованию природы, хозяйства и быта народов Сибири. В музее были интересные и заслуживавшие внимания археологические и этнографические отделы.

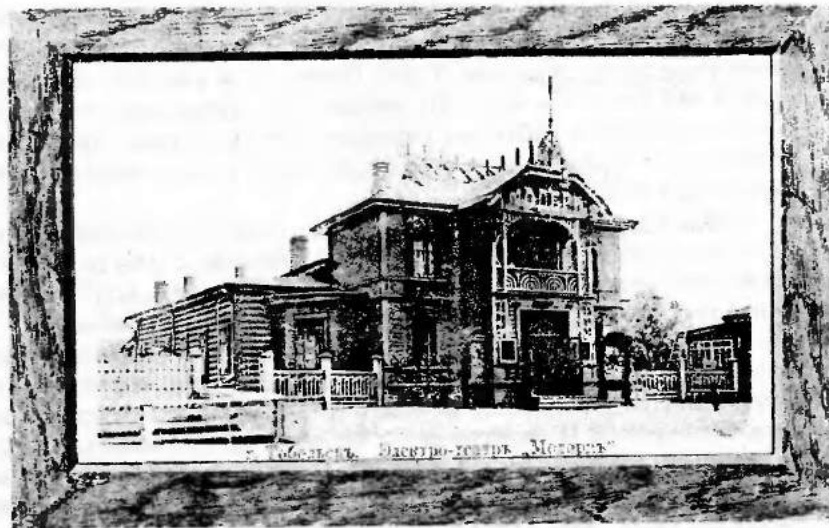

Фото 5. Тобольск. Электротheater "Модерн". Начало XX в.

Результаты научной деятельности отражались в "Ежегоднике". Деятельность музея в короткое время приобрела широкую известность. Музей обменивался изданиями, коллекциями и результатами научных исследований со 165 научными обществами и учреждениями России и ближнего и дальнего зарубежья. В числе клиентов музея были организации и учреждения Польши, Венгрии, Америки, Японии⁵⁰.

Музей содержался и пополнялся коллекциями за счет добровольных пожертвований, взносов членов Комитета музея, продажи входных билетов, сборов с публичных чтений и лекций, продажи изданий музея и дуплетов музейных экспонатов, платы за помещение частных коллекций в фондах музея. Смета доходов и расходов музея в 1890 г. составляла 2500 руб.⁵¹. Музей имел хорошую библиотеку, имеющую большой подбор сочинений, касавшихся Сибири. Библиотека была собрана, главным образом, благодаря трудам библиотекаря музея С.Н. Мамеева и путешественника И.К. Голубева⁵². В организации библиотеки и комплектовании ее фондов большую роль сыграл Губернский статистический комитет. Так, только в 1906 г. он передал библиотеке музея около 3000 книг из фондов своей библиотеки⁵³.

В середине XIX в. сеть ведомственных библиотек (гимназии, семинарии и пр.) дополняется общедоступными библиотеками. В 1859 г. открывается первая частная публичная библиотека в Тобольске. Залог и

плата за пользование ее литературой составляли 13 руб. Как отмечал А.И. Куприянов, тобольская библиотека была доступнее иркутской, где аналогичная плата составляла 20 руб. Однако из-за высокой цены читателей в ней оказалось мало. По мнению А.И. Куприянова, появление частных публичных библиотек отражало рост культурного уровня нарождающейся буржуазии и ее стремление играть в общественной жизни города более важную роль⁵⁴.

Вслед за первой появляются и другие. Особенно быстрый рост их числа наблюдается в начале XX в. Так, в Тобольске с 1904 по 1910 гг. число общественных библиотек и читален выросло с 3 до 6⁵⁵. Кроме того, в эти годы заметно расширяется сеть ведомственных библиотек.

В Тобольске издавалось 3 газеты ("Тобольские губернские ведомости", "Тобольские епархиальные ведомости" и одна частная – "Сибирский листок"). Интересно отметить мнение о последней из них поэта-революционера П. Якубовича. "... Без лести должен сказать, – писал он редактору-издателю М. Костюриной, – что "Сибирский листок", на мой взгляд, все улучшается, становится ничем не хуже других хороших сибирских газет... Мне кажется, что по интересности и количеству сведений "Сибирский листок" бывал иногда лучше "Степного края", к которому питаю большие симпатии..."⁵⁶.

Повышение социально-культурной активности городского населения во второй половине XIX в. приводит к созданию довольно многочисленных обществ. В 1864 г. в Тобольске появляется Физико-медицинское общество. Оно действовало на основе устава, утвержденного Министерством внутренних дел 24 октября 1864 г. и состояло первоначально из 11 членов. Общество завело небольшую библиотеку, состоящую, главным образом, из медицинских книг и специальных периодических изданий. Часто предметом заседаний общества становилось обсуждение различных случаев в сфере судебной практики⁵⁷.

В сентябре 1885 г. было основано Тобольское драматическое общество, которое, согласно уставным документам, имело целью: "доставлять своим членам возможность соединяться для исполнения на сцене различных произведений драматического искусства" и "способствовать через посредство сценических представлений к развитию эстетического вкуса"⁵⁸. В мае 1878 г. по ходатайству генерал-губернатора Западной Сибири Кознакова в Тобольске было открыто Тобольское отделение Императорского музыкального общества. Кроме того, в Тобольске были созданы Миссионерское общество, Тобольское окружное правление Общества спасения на водах, местное правление общества Красного Креста, Общество вспомоществования бедным

студентам Тобольской губ., Общество вспомоществования бедным учащимся в губернской гимназии и др.⁵⁹.

Большинство жителей Тобольска исповедовали православие. По данным Голодникова, в начале 1880-х гг. в Тобольске православного исповедания было 18897 чел., или 80 % населения. К другим конфессиям относились: иудеи – 2825 чел. (12 %), католики – 1551 чел. (6,6 %), мусульмане – 185 (0,8 %), протестанты – 40 (0,2 %)⁶⁰.

Наиболее массовой формой участия городского населения в религиозной жизни было посещение церкви и участие в религиозных праздниках. Во второй половине XIX в. число церквей продолжает увеличиваться. Так, если к началу 1880-х гг. в Тобольске насчитывалась 21 церковь (в том числе одна римско-католическая и одна протестантская), то в 1910 г. здесь было 27 православных церквей, костел, кирха, мечеть, синагога⁶¹. Согласно плану города, они были более или менее равномерно распределены по территории города, хотя центральная (более древняя и более привилегированная часть города) имела, пожалуй, чуть больше церквей на единицу площади.

Большинство населения принимало участие в религиозных праздниках. При многих церквях были библиотеки. К этому времени богомолья для значительной части горожан имели не только религиозную, но и познавательно-развлекательные цели: приобретение новых впечатлений, отдых и т. п. Большое оживление на городских улицах вызывали крестные ходы. Д.И. Менделеев, наблюдая в 1899 г. в Тобольске торжественную многолюдную религиозную процессию, писал: "Вспомнилось опять детство, потому что и тогда все то же совершалось, и все мы вместе со всем городом принимали свое участие". Эта неизменность порядка крестных ходов была обусловлена традиционностью православных обрядов⁶².

Заметную роль в культурной жизни города играли духовные учебные заведения. Помимо старейшей духовной семинарии, в Тобольске в 1870-е гг. существовали духовное училище для детей мужского пола, духовное училище для детей женского пола (епархиальное училище) и 2 церковно-приходских школы (4 в 1903 г.). Среди официальных изданий – "Епархиальные ведомости". Кроме всего прочего, Тобольск славился церковными древностями.

С целью более широкого привлечения различных слоев городского населения к делам религии и церкви (и чтобы не отстать от запросов времени) основные конфессии Тобольска, впрочем, как и в других городах России во второй половине XIX в., начинают создавать различные общественные организации. В Тобольске появляются Тобольский Епархиальный комитет Православного миссионерского об-

щества (1872 г.), Тобольское Епархиальное братство св. великомученика Дмитрия Солунского (1887 г.), Тобольский отдел Императорского православного Палестинского общества, Тобольское Епархиальное попечительство о бедных духовного звания. Комитет вспомоществования нуждающимся учащимся в Тобольской духовной семинарии, Общество вспомоществования нуждающимся воспитанницам Тобольского епархиального женского училища. Кроме того, в Тобольске были созданы: Тобольское мусульманское общество, римско-католическое благотворительное и др.⁶³. Отделение Православного миссионерского общества 14 мая 1872 г. впервые совершило в г. Тобольске празднование дня памяти св. Кирилла и Мефодия – просветителей славян. Праздник этот был организован с целью "споспешествовать миссионерскому обществу к распространению среди населения нравственно-религиозных истин"⁶⁴.

Однако во второй половине XIX – начале XX вв. церковь переживает сложные времена. С одной стороны, идет формирование мощной инфраструктуры светской культуры и относительное сокращение роли церкви в культурной жизни города, с другой – внутри церковных учреждений и организаций появляется значительный слой инноваторов, активно способствующих формированию и распространению новых элементов городской культуры. Так, протоиерей А. Сулоцкий в своих рукописных размышлениях не только критикует политику российского самодержавия в области культуры, но и выступает за "гласность" и более широкие возможности общественной самостоятельности. В своем "Сочинении о сибирской администрации" он пишет о том, что "в настоящее время едва ли где есть основание мыслить, что публичное мнение может быть только там, где есть дворянство. Публичное мнение возможно всюду, где есть общество и где членам оно даны средства выражать это мнение печатью, а поэтому если гласность необходима в России вообще, то для Сибири она представляется крайнею насущною потребностью, без гласности невозможно дальнейшее существование этого края..."⁶⁵.

В начале XX в., в преддверии очередной революции, вольнодумство глубоко проникает в духовные учебные заведения. Тобольский семинарист Е. Кротков в своей рукописи отметил, что "с 1901 г. начинается глухая борьба семинаристов с мертвечиной и схоластикой своей родной "almae mater" ". По его наблюдениям, семинарии "давили своей схоластикой и богословщиной семинаристов. Массы семинаристов инстинктивно отворачивались от семинарской науки, ища в кутежах, попойках выхода молодым юным кипучим силам. Юным си-

лам нужны были знания, а не та рухлядь, которая предлагалась им отечески заботливыми руками черной синодской братией"⁶⁶.

Таким образом, урбанизация и индустриализация Сибири, так же как и России в целом, вызвали серьезный рост культурных потребностей городского населения и изменение социально-культурного облика одного из старейших сибирских городов – исторической столицы Сибири – Тобольска. Городское хозяйство на базе достижений научно-технического прогресса получает водопровод и электрическое освещение. Обновляется и видоизменяется инфраструктура городской культуры. Даже в недрах православной церкви постепенно формируются элементы и образцы новой культуры, подтачивая ее изнутри.

Очерк 2. Городская среда и культурная жизнь Омска (конец XIX – начало XX вв.)

Первоначально возникнув как крепость, Омск за неполных столет, постепенно обрстая посадами, превратился в особый тип сибирского провинциального города. В 1782 г. поселениям при крепости впервые было присвоено наименование города, а в 1804 г. Омск окончательно утвердил свой статус в новом качестве. Сложившийся вокруг крепости город получил регулярный план. Ввиду того, что системообразующим ядром города являлась новая крепость, сооруженная на правом берегу реки Омь в 1768–1771 гг., северная часть города развивалась в последующие годы по радиально-кольцевой схеме. Южная часть города, основой которого стали планировки Ильинского и Казачьего форштадтов, характеризуется дальнейшим развитием ранее сложившихся регулярных прямоугольных схем. Согласно точной характеристике В.И. Кочеданова, "планировочные основы, заложенные первым регулярным планом Омска 70-х гг. XVIII в., сыграли существенную роль в его дальнейшем развитии: расширение городской территории шло путем механического прибавления новых кварталов по уже заданным направлениям"⁶⁷.

В конце XIX – начале XX вв. Омск состоял из упраздненной крепости, 7 форштадтов (Казачьего, Ильинского, Новослободского, Луговского на южном берегу Оми и Мокринского, Бутырского, Кадышевского на северном) и нескольких поселков (Загородного, Новой слободы, Ржевской слободы, пригорода Волчий хвост). Кроме того, в

состав Омска, согласно переписи 1897 г., входили отдельные территории, не имевшие собственного названия и обозначенные как кирпичные сараи, постройки на набережной Оми (Фото 1), арендованные земли и некоторые другие⁶⁸. По мнению современников, Омск в это время представлял из себя "вполне тип сибирских городов" и отличался "громадностью своих площадей и шириною улиц"⁶⁹.

Фото 1. Омск. Вид на город с правого берега Оми. Начало XX в.

Во второй половине XIX в. оживилось строительство казенных и частных зданий (Фото 2). Первый частный каменный дом в Омске строится в 1862 г. В 1860-е гг. в городе уже насчитывалось 17 улиц, 26 переулков, 6 площадей, 2 общественных сада, которые раскинулись вдоль Иртыша на 5 верст⁷⁰. Согласно переписи 1877 г., в городе уже насчитывалось 3272 жилых и 2667 нежилых строения. По материалу постройки жилища разделялись: деревянных – 3137, каменных – 74, смешанных – 29, землебитных – 24, киргизских войлочных юрт – 8. Деревянных строений с железной крышей было всего 34. Большинство домов в это время было одноэтажными. Только 33 каменных и 77 деревянных дома были 2- и 3-этажными⁷¹. Характеризуя жилой фонд Омска 1870-х гг., И.Я. Словцов отмечал, что "архитектура домов не отличается ни изящностью, ни удобствами, исключая несколько

строений, вновь возведенных". Во всем городе при домах насчитывалось только 9 мезонинов и 123 подвала⁷².

И. ШУХОВА. Омск. Общий вид юго-западной части города

Фото 2. Омск. Общий вид юго-западной части города. Начало XX в.

В начале XX в. в связи с бурным ростом численности городского населения происходит заметное увеличение общего числа жилых строений: с 3200 (1904 г.) до 6517 (1910 г.). Однако только 48 из них были каменной постройки, 39 смешанной конструкции, в то время как подавляющее большинство – 6383 – являлось деревянными домами. Многие из жилых строений (4345) к этому времени были крыты железом⁷³. Таким образом, основным материалом построек, как и прежде, оставалось дерево. Жилые каменные дома были редкостью. Несмотря на значительный рост численности домов, общая протяженность улиц с 1904 по 1910 гг. выросла незначительно – всего с 120,3 до 124,2 верст.

Летом улицы Омска были пыльны, весной и осенью – грязны, а зимой утопали в сугробах снега. Некоторые части города к тому времени были хорошо обустроены, например территория упраздненной крепости, Казачий и Ильинский форштадты, однако большая часть города, как и прежде, оставалась деревянной и внешним благоустройством не отличалась⁷⁴. Осенняя и весенняя распутицы превращали улицы форштадта, впрочем, как и во всем городе, в непроезжие. Вот маленькая картинка из воспоминаний И. Шухова: "Бывало, завязнет

телега с кладью на Скобященской улице, кладь снимут, лошадь выпрягут, а телегу откопают лопатами, когда грязь просохнет"⁷⁵.

Город во второй половине XIX в. сохранял, как и прежде, многие черты сельского быта: в 1870-х гг. в Омске было 1278 огородов и 646 садов и садиков. Водоснабжение населения осуществлялось из рек и колодцев, которых насчитывалось более 900. Однако только 181 из них был с водой, годной для употребления. Остальные – или горько-соленые, или гниющие⁷⁶.

Фото 3. Омск. Любинский проспект. Начало XX в.

Однако уже во второй половине XIX в. начинается новый этап в благоустройстве города. В эти годы проводятся первые крупномасштабные мероприятия по благоустройству города. Отсутствие мостовых и тротуаров, пыль и снежные заносы в зависимости от сезона вынудили обратить внимание местных властей прежде всего на один из основных элементов благоустройства города – его озеленение. В 1851 г. были проведены крупные по масштабам того времени работы: между крепостью от берега Оми и Мокринским форштадтом до крутого подъема местности была произведена посадка деревьев. Образовалась так называемая "Любина роща", которая просуществовала до 1903 г. Долгие годы зеленая роща недалеко от реки была одним из любимых мест отдыха омичей. На главных выездах из города были поса-

жены аллеи деревьев. В 1883 г. рядом с Загородной рощей был заложен питомник декоративных деревьев и кустарников⁷⁷.

Начиная с 1840-х гг. создается регулярная система освещения главных улиц Омска с помощью спиртово-скипидарных фонарей. Для этих целей было установлено 100 фонарей⁷⁸. Позднее уличное освещение переводится на керосин. По оценкам современников, оно было плохое и редкое, особенно в удаленных от центра местах.

В 1898 г. в Омске была выложена первая мостовая по Чернавинскому (Любинскому) проспекту протяженностью 350 м (Фото 3)⁷⁹. Отсутствие местного камня долгие годы сдерживало процесс благоустройства улиц города. Только строительство Транссибирской магистрали создало соответствующие предпосылки для каменного строительства и мощения улиц. В предвоенное десятилетие улицы Омска начали мостить камнем с Урала. Однако дело продвигалось медленно: с 1904 по 1910 гг. было вымощено всего 2 км улиц, а удельный вес мощеных улиц увеличился всего с 0,5 % до 1,9 % к их общей протяженности соответственно⁸⁰. В эти годы были предприняты усилия и по улучшению уличного освещения: число уличных фонарей (керосиновых) увеличилось вдвое со 147 в 1904 г. до 285 в 1910 г.⁸¹.

В начале XX в. технический прогресс начинает вторгаться и в городское благоустройство. В Омске в это время уже работало несколько небольших движков, которые использовались для освещения с помощью электроэнергии некоторых предприятий и ближайших к ним кварталов. Свои электростанции имели драматический театр, кадетский корпус, Общественное собрание, магазин купчихи Шаниной и некоторые другие. В 1913 г. в Омске началось строительство городской электростанции. Строительство водопровода началось только в 1912 г. Однако уже в 1915 г. началась его эксплуатация⁸².

Удаление нечистот ввиду отсутствия канализации осуществлялось с помощью ассенизационного обоза и выгребных ям, т. е. было самое примитивное.

Отсутствие канализации, самая первобытная даже по тем временам система выгребов, мусор на улицах, сильная загрязненность питьевых вод сточными, главным образом из бань, – все это было одной из причин высокой заболеваемости и смертности в городе. Особенно были распространены детские болезни. В 1913 г. на 1000 чел. городского населения приходилось 29 смертей⁸³. Показатель довольно высокий по сравнению с городами Европейской России.

Медицинское обслуживание в городе было развито слабо. В Омске в 1904 г. была всего 1 больница на 60 мест. К 1910 г. имелись уже 4 больницы на 140 мест и 1 приемный покой на 40 мест. В городе

работало всего 62 врача и 169 фельдшеров, акушерок, дантистов. На 1 больничное место приходилось более 700 жителей, на 1 врача – более 2 тыс. горожан. В других крупных городах Западной Сибири положение было, как правило, лучше. Хуже было только в Тюмени⁸⁴.

Особенно неприглядно выглядели городские окраины. В "Справочной книге Омской епархии", изданной в 1914 г., И. Голошубин отмечал, что "остальные части города не представляют собою ничего привлекательного; там получается какая-то смесь контрастов: рядом с какой-либо деревянной лачугой возвышается громадное деревянное или каменное здание, а в соседстве с другой стороны опять какое-либо жалкое полуразвалившееся здание. В особенности бедны постройками окраины города"⁸⁵.

Интересен в этом отношении доклад о положении окраин Омска, представленный Омской управе Ивановым-Царевым. Вот небольшая выдержка из этого доклада: "На прогнившем, обращенном в свалку нечистот и постоянно загрязняемом сотнями живущих малокультурных людей участке рождаются и растут дети. Смертность детей громадна – 40 %... Живут здесь все в землянках. Большинство населения, 54 %, – алкоголики. Пьянство здесь невероятно". По подсчетам автора доклада, в таких условиях проживало более 3 тыс. омичей⁸⁶.

Однако описывая бурный рост сибирских городов в начале XX в., Н. Турчанинов отмечал, что "в деле мощения улиц, освещения, водоснабжения и удовлетворения очередных школьных и медицинских нужд города Зауралья в последние годы лихорадочно соперничали друг с другом. Почти каждый город ревниво следит за ходом и успехами городского дела в других центрах"⁸⁷. Соперником Иркутска был Томск, претендовавший на звание "Сибирских Афин". Новониколаевск в "Сибирских записках" получил титул "Сибирского Чикаго". Омск считался "Сибирской Москвой" и вел соревнование со всеми крупными городами сразу.

Определенно положительные изменения социально-культурного облика городов Западной Сибири были описаны в периодике тех лет. В журнале "Сибирские записки" за 1916 г. отмечалось, что результаты деятельности городов вполне очевидны: "видоизменилось и видоизменяется благоустройство, городское строительство, культурный уровень населения ... благодаря деятельности городских самоуправлений, в городах почти повсеместно осуществляется план всеобщего обучения, в полной мере оказывается врачебно-санитарная помощь, общественное призрение, улучшено благоустройство проведением мостовых, водопроводов, электричества". Здесь же был сделан вывод о том, что "по роду и характеру деятельности, по текущим задачам – города Сибири близко

подходят к своим собратьям Европейской России. Сибирские и российские города – величины сравнимые"⁸⁸. Это в полной мере касалось и Омска. В своих записках Н. Телешов называет Омск "уголком Петербурга"⁸⁹.

Вступление в строй Транссибирской магистрали и развитие парового судоходства по Иртышу и Оби привели к усилению темпов урбанизации Сибири. Численность населения городов, лежащих вдоль железной дороги, резко подскочила. Особенно быстрыми темпами шло развитие таких городов, как Омск, Томск и Новониколаевск. Число жителей в Омске с 1897 по 1917 гг. увеличилось более чем в 3 раза и выросло с 37,4 до 113,7 тыс. чел.⁹⁰. В эти годы Омск постепенно становится одним из крупнейших центров не только в Сибири, но и в России. Бурное развитие города приводит к тому, что Омск в конце XIX – начале XX вв. перемещается в Сибири по числу жителей с 3-го места на 1-е, став самым многолюдным городом этого региона, и с 59-го на 19-е место среди всех городов России.

Рост численности жителей Омска продолжался на протяжении этого периода главным образом за счет пришлого населения, т. е. за счет механического прироста. Доля механического прироста, по подсчетам П. Сигутова, основанном на изучении "Обзоров Акмолинской области" за 1883–1914 гг. составила 87 %, в то время как рост населения города за счет естественного прироста составил всего 13 %⁹¹. Эта тенденция, судя по всему, была характерна и для последующего периода. Соглашаясь в целом с выводом П. Сигутова в определении главной тенденции пополнения городского населения Омска преимущественно за счет пришлого населения, следует все же отметить, что он несколько принижает роль местного населения в этом процессе. В данном случае автор не учитывает того фактора, что, несмотря на то что Омск стал центром Акмолинской обл. и Степного генерал-губернаторства (1866 и 1882 гг.), он по своим социально-экономическим связям, как и прежде, тяготел к сибирским, а не степным городам и весям. Поэтому южные уезды Тобольской губ., расположенные по соседству с Омском, сохраняли с ним не только устойчивые связи, но и служили одним из главных источников пополнения числа его жителей. По этим причинам далеко не всех уроженцев Тобольской губ. следует относить к "пришломu" люду. Они с большим правом могут рассматриваться в качестве местных уроженцев, чем выходцы из Акмолинской обл. Миграция сельских жителей из ближайших уездов Тобольской губ. – это естественный процесс в условиях начальной урбанизации. Учитывая этот факт, можно сказать, что почти половина жителей

Омска происходила как из самого города, так и из ближайших к нему окрестностей.

Около 1/3 омских жителей, согласно данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., являлось выходцами из Европейской России. Главным образом это были выходцы из Пермской, Вятской, Самарской, Уфимской, Оренбургской, Воронежской, Витебской, Казанской, Симбирской и Пензенской губ. Уроженцы Средней Азии составляли менее 3 %⁹².

Несмотря на то, что Омск в конце XIX в. был по преимуществу городом с русским населением (в 1897 г. удельный вес русских был около 87 %), здесь проживали также татары, поляки, евреи, казахи, немцы и другие⁹³. Таким образом, Омск стал своеобразным перекрестком, где встретились и переплелись в единый клубок фрагменты различных региональных и национальных субкультур, что предопределило его социально-культурное своеобразие.

Несмотря на то, что к концу XIX в. функции Омска во многом расширились и видоизменились, он по-прежнему, как и в ранние годы своей истории, сохранял функции военно-административного центра Сибири. Концентрация военных (центр Сибирского военного округа) и гражданских (центр Степного генерал-губернаторства, Акмолинской обл.) административных учреждений превратила Омск в город военных и чиновников, сосредоточие дворянства. По подсчетам П. Сигутова, 15,3 % населения города относилось к чиновничеству и военным. 13,7 % от общей численности населения Омска составляли дворяне, в то время как в среднем по России – 6,2 %. В других сибирских городах их удельный вес был значительно ниже: в Тобольске – 12,0 %, в Тюмени – 3,3 %⁹⁴.

По переписи 1897 г., при распределении населения по группам занятий более 3,5 тыс. человек проходило по графе "вооруженные силы"⁹⁵. Кроме того, в Омске, согласно переписи населения 1897 г., проживало 2246 чел. обоего пола, принадлежавших к казачьему сословию. Удельный вес казаков в сословной структуре населения Омска был также значительно выше (6,0 %), чем в других городах Сибири. В Тобольске и Тюмени они составляли всего 0,1 % от общего числа населения, что также придавало определенное своеобразие Омску в отличие от других городов⁹⁶.

В начале XX в. торгово-промышленное значение Омска сильно возрастает. Это приводит к увеличению численности торговых и финансово-кредитных заведений и занятых в них. Так, если в 1900 г. в городе насчитывалось около 800 торговых заведений с оборотом в 3,5 млн руб. в год, то в 1913 г. их было уже более 1 тыс. с оборотом на

сумму 23,3 млн руб.⁹⁷. В Омске к этому времени насчитывались десятки торговых фирм. Имели свои представительства не только российские, но и зарубежные фирмы. Около 14 % омичей, согласно переписи 1897 г., было занято в сфере торговли⁹⁸. Судя по приведенным данным, к началу Первой мировой войны их число, видимо, увеличилось.

Промышленное развитие Омска со времени проведения Транссибирской железнодорожной магистрали также значительно ускорилось. В результате этого, еще в конце XIX в. наметилась тенденция на увеличение среди занятого населения удельного веса лиц, занятых в промышленности и на транспорте⁹⁹. К 1913 г. в городе насчитывалось около 165 промышленных заведений различного типа, в них трудилось около 2,5 тыс. рабочих¹⁰⁰.

Интеллигенция Омска начала формироваться практически одновременно с освоением Омского Прииртышья. Завершение процесса формирования омской интеллигенции приходится на вторую половину XIX в. Первоначально она состояла преимущественно из государственных служащих: чиновников и военных. Лиц интеллектуального труда других социально-профессиональных групп насчитывалось немного. Так, согласно данным переписи 1897 г., в Омске лиц, занимающихся учебной и воспитательной деятельностью (включая членов семей), насчитывалось 654 чел., наукой, литературой и искусством – 40, врачебной и санитарной деятельностью – 425, частной юридической деятельностью – 36¹⁰¹. Исследователи отмечают низкий удельный вес интеллигенции в общем составе населения города¹⁰².

Омская интеллигенция (исключая военных) группировалась в конце XIX – начале XX вв. вокруг местного географического общества и газеты "Степной край". Военная – вокруг войсковых учреждений. Интересное, хотя и не бесспорное описание образа жизни интеллигенции Омска этого периода оставил И. Майский¹⁰³.

Превращение города в транспортно-хозяйственный узел и огромный поток переселенцев привели к существенным изменениям городской среды и населения Омска. Так, Н.А. Иванов, современник этих процессов, отмечал, что "пришлый люд изменил город до неузнаваемости... В настоящее время большинство омичей не знает и половины находящихся в нем учреждений, не имеет представления, какие отрасли промышленности и торговли развиты в городе, какие иногородние и иностранные фирмы имеют в Омске своих представителей"¹⁰⁴.

В начале XX в. Омск превращается в крупный культурный центр Западной Сибири. Основными элементами инфраструктуры культуры города в это время являлись учебные заведения, городской театр, кинотеатры, музей, Общественное, Военное и Железнодорожное

собрания, Коммерческий клуб, библиотеки, редакции газет и т. п. Согласно переписи населения 1897 г., образовательный уровень омичей был несколько ниже, чем в среднем по городам России. В Омске только 42,3 % горожан были грамотными, в то время как по России этот показатель составлял 45,3 %. Причем уровень грамотности в различных слоях населения резко отличался. Если среди дворянского сословия удельный вес грамотных составлял 80,4 %, то среди крестьян и казаков – только 32,8 %¹⁰⁵. Еще более глубокая пропасть наблюдалась в области высшего и среднего образования. Так, из 171 чел., получившего университетское образование, – 145 были дворяне, 19 – из городских сословий и духовенства и только 4 – происходило из крестьян и казаков¹⁰⁶.

Общественная и культурная жизнь сибирской интеллигенции в конце XIX – начале XX вв. была "отмечена значительным развитием интересов образовательных и научных", которые выражались прежде всего в "организации просветительских обществ, в устройстве публичных чтений и выставок, снаряжении экскурсий и экспедиций, создании музеев... в расширении сети низших и средних учебных заведений"¹⁰⁷. Все эти тенденции были присущи и Омску. Так, с 1904 по 1910 гг. число низших и средних учебных заведений в городе увеличилось с 21 до 37, число учащихся с 3572 до 5552, т. е. в 1,6 раза всего за 7 лет¹⁰⁸. В эти годы стремительно развивалось среднее женское образование. Одна за другой открываются три женских гимназии: в 1903 г. частная гимназия М.П. Эйнорович, а затем в 1907–08 гг. казенные – вторая (преобразована из женской прогимназии) и третья женские гимназии. В 1906 г. в городе открывается женское епархиальное училище.

Несмотря на стремительное развитие системы образования, она явно отставала от потребностей жителей города. Согласно докладу Училищной комиссии, в 1910 г. в Омске было отказано в приеме в городские приходские училища 245 мальчикам и 148 девочкам. Больше всего отказов было в Ильинском приходском училище (89 детям). Причина отказов одна – отсутствие свободных мест в училищах. Значительный дефицит мест в начале XX в. наблюдается и в средних учебных заведениях города. Так, директор мужской гимназии в своем послании городскому голове от 12 августа 1910 г. отметил, что выдержали вступительные испытания в первый класс гимназии 61 кандидат на поступление. Однако из этого числа Педагогический совет смог принять в гимназию только 38 учеников. Остальные 23 абитуриента из числа успешно сдавших вступительные экзамены (37,7 %) ввиду перегруженности учебного заведения были зачислены кандидатами на поступление в первый класс. Создание параллельного отделения в гимназии хотя несколько и смяг-

чило сложившуюся ситуацию, но изменить ее сколько-нибудь существенно в положительную сторону не могло¹⁰⁹.

В связи с этим Омским городским управлением, согласно постановлениям думы 3 июля 1909 г. и 7 мая 1910 г., было возбуждено ходатайство об открытии в Омске второй мужской гимназии, которое вскоре было удовлетворено. Она была открыта в 1912 г. Огромный спрос на среднее образование со стороны наиболее обеспеченных слоев городского населения вызвал появление большого числа частных гимназий: осенью 1914 г. открываются сразу две частные гимназии для детей обоего пола – М.В. Каеш и Н.Ф. Шанской, а в 1915 г. мужская – Лимонова, женская – Э.Я. Лезевитц и смешанная Богачева.

Развитие системы транспортных коммуникаций и ускорение темпов экономического и социально-культурного развития региона привели к резкому росту потребности в квалифицированных кадрах специалистов различного профиля, прежде всего сельского хозяйства, торговли и образования. В связи с этим в Омске открываются сначала коммерческое (1910 г.), а затем землемерное (1911 г.) и сельскохозяйственное училища (1912 г.) и учительский институт (1912 г.). Все эти учебные заведения давали среднее профессиональное образование, готовили специалистов по наиболее дефицитным в Западной Сибири профессиям.

Принятые меры несомненно дали высокий положительный результат. К 1916 г. в Омске действовало уже 6 средних специальных учебных заведений (кадетский корпус, женское епархиальное училище, коммерческое училище, землемерное училище, сельскохозяйственное училище, учительский институт) и 12 средних общеобразовательных учебных заведений с 2946 учащимися (3 мужские гимназии, частное реальное училище, 5 женских гимназий, 3 частных гимназии для лиц обоего пола). Значительно увеличилось в эти годы и число низших профессиональных учебных заведений. В 1916 г. в городе функционировало 14 низших профессионально-технических учебных заведений, в том числе: механико-техническое и железнодорожное техническое училища, Центральная фельдшерская, ветеринарно-фельдшерская и торговая школы, учительская семинария, школа молочного хозяйства и др.

Система начального образования Омска в эти годы состояла из 5 высших начальных училищ и 42 светских начальных училища (32 городских, 5 железнодорожных и 5 частных). Кроме того, в Омске находилось несколько церковно-приходских школ, еврейское училище, лютеранская и меннонитская школы, магометанские мектебе и медресе, русско-татарское училище, что отражало национально-куль-

турные и конфессиональные потребности в образовании отдельных слоев населения города¹¹⁰.

Омская городская дума под влиянием общественного мнения в начале XX в. неоднократно ставила вопрос перед правительственными учреждениями об открытии в городе или сельскохозяйственного, или ветеринарного института. С подобными просьбами в правительственные органы обращались и другие сибирские города. Ввиду того что дискуссия об открытии сельскохозяйственного института сильно затянулась, а мировая война лишила государство необходимых средств, Омская городская дума в 1915 г. вынесла постановление об открытии в Омске Коммерческого института. Таким образом, первым омским вузом стал Коммерческий институт, открытый осенью 1917 г. в составе двух отделений: экономического и коммерческо-технического. Это было частное учебное заведение, находившееся в ведении Министерства торговли и промышленности и содержавшееся, главным образом, кооперативными объединениями: Центрсибирью, Закупсбытом, Синкредсоюзом и др. Возникнув в эпоху революционных потрясений, слабо оборудованное и плохо обеспеченное кадрами преподавателей, оно не сумело просуществовать сколько-нибудь длительное время. Уже в следующем, 1918 г. институт был переименован в Политехнический, а затем был соединен с только что открытым сельскохозяйственным институтом¹¹¹.

В конце XIX – начале XX вв. Омск стал "вполне театральным городом" и мог "выдержать" целый сезон любую солидную драматическую труппу. Однако положение осложнялось тем, что гастроли театральные коллективов осуществлялись на "случайных", плохо приспособленных сценических площадках Общественного собрания, войскового манежа и т. п. Рост популярности театральные постановки у различных слоев населения и возможность получить неплохие барыши вдохновили содержателя доходных домов П.К. Сичкарева вложить значительную по тем временам сумму денег – 20 тыс. руб. – на строительство деревянного театра. Неподалеку от Любиной роши на берегу Оми в 1898 г. было выстроено большое деревянное здание в виде цирка с ареной и окружающими ее амфитеатром и галсреей на 800 мест, так называемая "сичкаревка", или просто цирк Сичкарева.

Стремясь побыстрее окупить вложенные средства и получить свой законный барыш, П.К. Сичкарев экономил на всем, где это было только было возможно: от керосинового освещения до театральные декораций. Театральные постановки перемежались с цирковыми представлениями и выступлениями различных гастролеров и состояли, главным образом, из третьесортных русских и переводных мелодрам,

фарсов и комедий, бульварно-авантюрных и семейно-психологических драм, которые не удовлетворяли наиболее образованные слои городского населения и вызвали заслуженную критику. Однако на сцене "сичкаревки" иногда ставились и произведения классического репертуара – пьесы А.Н. Островского, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого и выступали довольно известные артисты¹¹².

Развитие театральной культуры в Омске и возможность достижения коммерческого успеха в театральном деле подтолкнули городские власти к строительству городского театра. Городская дума на своем заседании 17 февраля 1898 г. признала необходимым устройство в Омске театра "на средства города". Была создана специальная комиссия во главе с городским главой Н.П. Остапенко. 8 июля 1901 г. состоялась торжественная закладка городского каменного театра. Постройка его длилась более четырех лет. Ответственным исполнителем и наблюдателем за строительством был назначен инженер Хворинов. Первый спектакль на новой сцене состоялся 24 сентября 1905 г. Это была комедия Н.В. Гоголя "Ревизор". Первые несколько театральных сезонов (антрепренер Е.М. Долин) среди постановок преобладали классические произведения русских и зарубежных авторов. Среди них: "Горе от ума", "Дядя Ваня", "Лес", "Царь Федор Иоаннович", "Вишневый сад", "Свадьба", "Женитьба Белугина", "Екатерина Маслова", "Без вины виноватые", "Гамлет", "Разбойники". Были поставлены многие произведения А.М. Горького ("На дне", "Мещане", "Дети солнца", "Дачники" и др.)¹¹³.

Однако, чтобы "обеспечить кассу", театральные коллективы были вынуждены почти каждый день давать премьеру, ориентируясь не на истинных театралов, а на широкие слои городского населения, которые наполняли галерку: мелких служащих, студентов и учащихся, мещан и даже ремесленников и рабочих, т. е. именно галерка и обеспечивала эти сборы. Погоня за зрителем и большими сборами часто приводила к "снижению" репертуарной и сценической планки, и тогда на сцене городского театра появлялось большое число низкопробных, чисто развлекательных постановок. В критической заметке на одну из подобных постановок отмечалось, что "в погоне за развлечением так называемый интеллигентный класс нашего времени ходит слушать оперетку "Ночь любви". Оперетка самого последнего фасона ... Но, Боже мой, какая это белиберда! Или, вернее, вокальная "гримаса" оперного искусства! Такую чепуху рассказать нельзя, в музыкальном же отношении это ряд мотивов из опер и опереток, но в которых лирическое и драматическое содержание подменено скабрзностью"¹¹⁴.

Следует отметить, что репертуарная политика театральной дирекции и коллективов в значительной мере зависела от общественно-политической ситуации в стране. Рост революционных и демократических настроений среди широких слоев городского населения способствовал тому, что в 1905–07 гг. на сцене городского театра было устроено большое число спектаклей, отвечающих этим настроениям. Большой популярностью в эти годы пользовались пьесы "критического" направления, такие как "Ревизор" Н.В. Гоголя, "Горе от ума" П.А. Чаадаева, пьесы А.П. Чехова и т. п. Особое внимание привлекали постановки пьес А.М. Горького. Однако следует помнить, что репертуар театров находился под пристальным вниманием цензуры. Главное управление по делам печати МВД неукоснительно требовало от губернаторов и полиции "неуклонно наблюдать за тем, чтобы драматические произведения исполнялись на сцене в строгом соответствии с текстами цензурированных экземпляров этих пьес"¹¹⁵.

По мере наступления политической реакции постепенно меняются репертуар и характер исполнения долинской труппы. По определению Ландау, серьезная драматургия "во главе с Горьким" оттесняется на второй и третий план, а театральные афиши "начинают пестреть "новинками" вроде инсценировок по роману Конан Дойля "Шерлок Холмс", салонными комедиями – Зудермана "Среди цветов", Гартлебена "Презрение к женщине" и т. д."¹¹⁶.

Стремление передовой общественности использовать театр в качестве воспитательного и просветительного учреждения и желание дирекции, антрепренеров и театральных коллективов обеспечить более полные сборы вызвали такое явление, как театральные "утренники" (утренние спектакли), специально ориентированные на учащуюся молодежь, и благотворительные спектакли в пользу учебных заведений. Эти спектакли получили положительный отклик и поддержку местной прессы. Театральный критик "Омского телеграфа", скрывавшийся под псевдонимом "Старый театрал", писал по этому поводу: "С удовольствием подчеркиваем тот отрадный факт, что "утренники" на сцене нашего городского театра начинают приобретать право гражданства, давая подрастающему молодому поколению эстетическое удовольствие, вполне удовлетворяющее их духовные запросы"¹¹⁷.

Заметную роль в культурной жизни города играли Общественное, Военное, Железнодорожное собрания и Коммерческий клуб. На их сценах не только ставились спектакли и другие представления силами любительской самодеятельности, но и выступали известные в стране гастролеры (артисты, музыканты), устраивались маскарады и танцевальные вечера, чтение лекций и различные выставки. Очень

часто подобные мероприятия проводились с благотворительной целью – например с целью сбора средств для нуждающихся учебных заведений, покупки музыкальных инструментов и т. п. В качестве примера можно отметить организацию и проведение в августе 1910 г. в зале Общественного собрания "Западно-Сибирского этнографического вечера", сбор средств от которого пошел в пользу землячества при Томском университете¹¹⁸. Особой активностью в эти годы отличались недавно созданные Железнодорожное собрание и Коммерческий клуб.

В конце XIX в. в Омск проникает еще одна "техническая новинка" – кинематограф. Первый показ кино был устроен в манеже 12 января 1897 г. Всего было показано 5 кинолент: "Человек-змея", "Столярная мастерская", "Купальня", "Улица Парижа", "Прибытие поезда". Спустя 10 лет, в январе 1908 г., К.Н. Лоранж открыл первый в городе стационарный кинотеатр в доме Г.Л. Баранова (ул. Дворцовая). В Омске в 1909 г., кроме действовавшего кинотеатра, один за другим открываются еще два ("Иллюзион", "Ново-Американский электротетра"). В течении 1910 г. в Омске появляются: "Прогресс", "Модерн", "Салон", "Миньон", сооружается кинотеатр "Гигант"¹¹⁹.

Однако следует отметить, что сеть кинематографа в эти первые годы его существования была весьма неустойчивой. Новые кинотеатры порой так же быстро пропадали, как и возникали. Так, в сентябре 1910 г. прекратил свое недолгое существование электротетра "XX век". В течение 1911 г. в Омске исчезают "Ново-Американский" "Модерн". К 1913 г. из ранее действующих остаются только "Прогресс" и "Салон", но зато появляются новые "Весь мир" и Одеон". Главной причиной подобного явления, по всей видимости, были сильная конкуренция и отсутствие сборов¹²⁰.

Репертуар первых кинотеатров был весьма непритязателен и рассчитан на "простого", неискушенного зрителя. Обычно он состоял из одной-двух драм, комедий и показа "картин с природы" или кинохроники. О репертуаре кинотеатров и репертуарной политике того времени можно судить по рекламным объявлениям, регулярно публиковавшимся в омских газетах. Так, в начале октября 1910 г. в кинотеатре "Прогресс" были показаны: трогательная драма "Великая жертва", "бурная драма" "Ревность цыганки", комедия "Опоздал Мордашкин бедный" ("бесперывный хохот"), зарисовки "с природы" "Курортная жизнь" и "Возрождение Мессины", а также французская кинохроника – знаменитый "Пате журнал". В это же время в "Омском кинематографе" А.Л. Успеневой (ул. Дворцовая, дом Баранова) показывали исторические драмы "Роберт Молчаливый, герцог Аквитанский" и "Дорога к кресту", комедии "Сон сыщика", "Невеста – невольный спорт-

смен", "Мордашкин любит аэропланом", документальную ленту "Отчаянные маневры итальянской артиллерии" и "Пате журнал"¹²¹.

Подобный кинорепертуар, рассчитанный на самого непритязательного зрителя, время от времени подвергался критике на страницах омских газет за бессодержательность и ориентацию на "низменные" вкусы. В одной из критических заметок того времени отмечалось, что "обыкновенно синемаграфы загромождаются мусором, от которого в голове зрителей даже путаются мозги. В самом деле, вот вам примерная (обыкновенно, "грандиозная", "небывалая" и проч.) программа: "Река Арно и ее берега", "Смерть Камбиза", "Моя теща на аэроплане", "Железная дорога в Альпах", "Дурашкин женится" и т. п. При таком репертуаре, наряду с надписями на дверях "Берегите ваши карманы", следовало бы добавить "и рассудок!"¹²².

Стремясь привлечь как можно больше зрителей в свои заведения и увеличить сборы, владельцы кинотеатров или на различного рода ухищрения: от показа фильмов "в полуосвещенном электрическими лампочками зале" ("Миньон") до устройства целых концертных программ и благотворительных вечеров. Так, в сентябре 1910 г. в театре "Салон" был приглашен выступать во время сеансов итальянский тенор г. Мариани, который по отзывам "Забайкальской нови" имел "выразительный и сочный голос, хорошо обработанный и с технической стороны", в "Омском кинематографе" А.Л. Успенцевой играл "недурно" оркестр и т. п.¹²³.

С конца XIX в. все большую роль в культурной жизни "провинциальных столиц" начинают играть музеи. В конце 1880-х гг. музей ЗСО ИРГО уже не мог полностью развертывать свои экспозиции в тесных помещениях нанимаемых частных квартир. Было принято решение о строительстве специально под музей нового здания, которое и было возведено в 1896–97 гг. на Музейной улице. Однако очень скоро и новое деревянное здание оказалось тесным. С 1912 г. отдел начинает вести поиски крупных финансовых средств на постройку большого каменного здания. Однако начавшаяся мировая война спутала все грандиозные планы. Только в 1916 г. при поддержке частных пожертвований удалось несколько расширить помещения музея за счет строительства деревянной пристройки к основному зданию.

Музей не только сам занимался довольно активной научно-исследовательской и просветительской деятельностью, но и предоставлял свои помещения другим городским общественным организациям. Здание музея неоднократно предоставлялось для организации и проведения публичных лекций и собраний городским научным и культурно-просветительным обществам, в том числе Омскому медицинскому

обществу, Обществу попечения о начальном образовании, Омскому отделу Московского общества сельского хозяйства и др.¹²⁴.

Дальнейшее развитие в конце XIX – начале XX вв. получила и сеть библиотек. В 1893 г. после долгих хлопот небольшая бесплатная народная библиотека Общества попечения о народном образовании была преобразована в "общественную" библиотеку, что позволило преодолеть ограничения, налагаемые на "народные" библиотеки царской цензурой в отношении их деятельности и комплектования фондов. Ранее существовавшая "народная" библиотека вошла в состав библиотеки в качестве бесплатного отдела книги для народного чтения. Эта библиотека просуществовала до 1909 г., а затем была передана Городской управе и вошла в состав Второй городской библиотеки, которая располагалась на ул. Тарской в частном доме. В 1911 г. этой библиотеке было присвоено имя В. Белинского.

Критика городских властей со страниц местной печати о необходимости улучшения библиотечного дела в городе в конце концов возымела действие. В 1899 г. Омская городская дума решила открыть в городе общественную библиотеку в ознаменование 100-летнего юбилея со дня рождения великого русского поэта А.С. Пушкина. Осенью 1904 г. дума ассигновала 10000 руб. на строительство здания этой библиотеки. Это, собственно говоря, было не отдельное здание, а всего лишь пристройка к корпусу городской думы. Когда через два года пристройка была готова, оказалось, что под библиотеку в ней было отведено всего две комнаты на первом этаже. Остальные помещения в пристройке занял городской ломбард, который и потеснил библиотеку. В первый год существования библиотеки в нее записалось 370 читателей. В 1912 г. библиотека имела среди своих читателей 137 чиновников, 106 служащих, 293 учащихся, 62 торговца и только 5 рабочих, 4 солдат и 5 чел. домашней прислуги. Наибольшим спросом в это время пользовались: беллетристика и книги по истории и теории словесности – было выдано 24225 книг, периодические издания – 11146, детская литература – 3719, научных книг по всем отраслям знаний – 2199¹²⁵.

Число общественных библиотек в Омске с 1904 по 1910 гг. увеличивается с 2 до 5, в это время открываются дополнительно 2 читальни-библиотеки. Кроме того, многие учебные заведения имели свои библиотеки. Библиотеками располагали учительская семинария, механико-техническое училище, женское епархиальное училище, коммерческое училище, кадетский корпус и некоторые другие. Всего в это время в городе насчитывалось около 40 библиотек¹²⁶.

Повышение потребностей наиболее образованной части горожан стимулировало развитие издательского и книжного дела. Число заведений печати в городе увеличилось с 6 (1904 г.) до 12 (1910 г.)¹²⁷. Только за шесть лет (с 1910 по 1915 гг.) в Омске было издано 123 книги общим тиражом 161430 экземпляров. Пик книгоиздательской деятельности приходился на 1910 г., когда было напечатано 13 наименований книг общим тиражом почти 61 тыс. экземпляров¹²⁸. Постепенно в городе формируется относительно устойчивая сеть магазинов, торгующих книгами. Среди наиболее известных магазинов книги и канцелярских товаров были учреждения А.С. Александрова, М.В. Левина, П.П. Фотиева, "Товарищества Сибирской экспедиции печати" и др.¹²⁹.

Рост потребностей образованной городской публики стимулировал развитие местной периодической печати. Так, если в 1901 г. в Омске выходило всего 7 периодических изданий, большинство из которых были официальными, то в 1914 г. их число увеличилось до 15. В эти годы, помимо официальных изданий, появляется большое число частных изданий. Однако лишь немногие из них издавались сколь угодно длительное время (5 и более лет). Из частных изданий только три – "Степной край" (1893–1905), "Омский телеграф" (1907–1917) и "Омский вестник" (1909–1918) – выходили от 5 до 10 лет. Большинство из издававшихся в 1893–1917 гг. в Омске газет (49 из 65) выходили в разное время и издавались, как правило, не более года. Из официальных изданий ведущими по-прежнему были "Акмолинские областные ведомости" (1871–1919 гг.). На страницах газет публикуется немало материалов, отражающих местную культурную жизнь: от критических заметок на спектакли до рекламных объявлений кинотеатров¹³⁰.

В городе в разное время издавалось несколько журналов ("Омские епархиальные ведомости", "Известия Омского городского общественного управления", "Думы") и периодических изданий типа журнала (или альманаха), выходивших на протяжении многих лет, но нерегулярно. К числу последних можно отнести научные периодические издания "Записки Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества" и "Протоколы Омского медицинского общества".

Активное развитие информационных систем в начале XX в. является одним из показателей становления новой урбанизированной культуры. Основными элементами городской культурно-информационной системы до начала XX в. были почта и телеграф, затем появляется телефон. В Омске первый телефонный коммутатор на 200 номеров вступил в строй 5 февраля 1904 г. В 1908 г. в зале железнодорожной станции был установлен первый телефон-автомат. В сентябре

1912 г. начались работы по проведению подземного телефонного кабеля¹³¹. В связи с ростом в обществе грамотности и образованности резко возрастает значение почты и телеграфа. Теперь не только правительственные чиновники и купцы-предприниматели, но широкие слои городского населения начинают испытывать потребность в общении и обмене информацией. Поток почтовой корреспонденции резко увеличивается. Так, если в 1909 г. в Омске было отправлено всего 700 тыс. писем и телеграмм, а получено около 4 млн, то в 1913 г. было зафиксировано около 1 млн почтово-телеграфных отправок и 11 млн поступлений¹³². Таким образом, только за 5 лет произошло увеличение информационного обмена через почту и телеграф примерно в 2,5 раза.

Развитие общественной активности и культурных потребностей наиболее образованных слоев городского населения Омска в начале XX в. привело к росту численности культурно-просветительных, научных, попечительно-благотворительных, миссионерских и иных обществ, которые вносили заметный вклад в культурную жизнь города. По данным "Путеводителя по Великой Сибирской железной дороге", в 1900 г. в Омске числилось более 25 различных обществ. К 1916 г. их число увеличилось до 33¹³³. В конце XIX – начале XX вв. в городе были созданы Омское общество правильной охоты (1892), Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим Акмолинской области (1896), Общество любителей драматического искусства (не позднее 1897 г.), Омский отдел Московского сельскохозяйственного общества (1900 г.), Общество любителей конского бега, Общество художников и любителей изящных искусств Степного края (1916) и многие другие¹³⁴. Причем следует заметить, что в путеводителях и справочниках того периода отмечались далеко не все общества. Поэтому их реальная численность была значительно выше.

Все эти многочисленные общества и общественные организации объединяли, главным образом, инновационные слои городского населения с целью совместной исследовательской, культурно-просветительной и культурно-досуговой деятельности. При помощи этих обществ в Омске проводились научные экспедиции, устраивались выставки, музыкальные вечера и спектакли, лекции и народные чтения, организовывались праздничные и досуговые мероприятия, охватывающие, в целом, довольно широкие слои городского населения. Их деятельность способствовала формированию единого культурного пространства города и преодолению "зримых" остатков сословности.

Традиционно прочные позиции в культурной жизни города занимала русская православная церковь. Согласно данным переписи населения 1897 г., большинство жителей Омска исповедовали православие –

88,5 %. Среди других конфессиональных групп городского населения преобладали мусульмане (3,6 %), иудеи (3,0 %), католики (2,7 %) и протестанты (1,7 %). На все остальные вероисповедания (старообрядцы, сектанты и проч.) приходилось менее 0,5 % от населения города¹³⁵.

В начале XX в. Омск становится центром епархии. 16 января 1895 г. было утверждено мнение Государственного совета "Об учреждении Омского епархиального управления и об утверждении штатов онога". В связи с этим в городе сооружается Успенский кафедральный собор по проекту архитектора Э.Ф. Вирриха, несколько активизируется церковное строительство. В эти годы были построены: Параскевиевская (Шкроевская) церковь (1901 г.), Серафимо-Алексеевская часовня (1907 г.), храм Омского епархиального братства во имя Божьей Матери "Утоли моя печали" (на упраздненном Бутырском кладбище, 1908 г.) и др. В 1909 г. завершается строительство Архиерейского дома и здания Духовной консистории. В 1910 г. в Омске насчитывалось 12 православных и единоверческих храмов, 1 католический костел, 2 магометанские мечети, 2 еврейские синагоги и 1 протестантская кирха¹³⁶.

В конце XIX – начале XX вв. русская православная церковь формирует развернутую систему религиозно-информационной деятельности. С 1898 г. начинают издаваться по примеру других епархий "Омские епархиальные ведомости". Продолжает формироваться специализированная библиотечная сеть, которая в себя включала: храмовые библиотеки, народную библиотеку "Омского епархиального братства ревнителей православия" (основано в 1898 г.), библиотеки религиозных учебных заведений, епархиальную миссионерскую библиотеку. Все 12 православных храмов располагали своими книжными собраниями. Наиболее крупные библиотеки имели храмы, где имелись приходы и действовали церковно-приходские школы. Например, список изданий, хранившихся в библиотеке Параскеевской церкви, включал 306 книг и 16 комплектов "Омских епархиальных ведомостей" за 1902–1917 гг., библиотека Крестовоздвиженской церкви имела 473 единицы хранения, включая периодические издания. Все 10 церковно-приходских школ г. Омска (1909 г.) имели свои библиотеки¹³⁷.

В 1906 г. в Омске открывается женское епархиальное училище. В него принимались девочки в возрасте от 10 до 12 лет как из семей священнослужителей, так и светских. По окончании они получали либо свидетельство о среднем образовании (7 классов), или аттестат на звание домашних учительниц. В 1915 г. 36 из 55 окончивших курс обучения (или 65 % от общего числа) воспитанниц получило специальность домашних учительниц¹³⁸. Принимая во внимание, что Омск стал центром епархии, Святейший Синод в 1910 г. принял указ об от-

крытии в Омске духовной семинарии. Но ввиду длительных проволочек она так и не была открыта.

Церковь, как и в предшествующие годы, продолжала играть заметную роль в нравственном и религиозном воспитании практически во всех типах учебных заведений. Религиозное воспитание в учебных заведениях, как правило, включало в себя обучение Закону Божию, ежедневные молитвы перед началом и окончанием уроков, обязательное участие в богослужениях по воскресным и праздничным дням. Многие учебные заведения Омска имели свои приходские церкви.

Представители православной церкви играли заметную роль и в организации светских официальных праздников, включая военные. Однако к концу XIX в. участие многих горожан в отправлении религиозных обрядов было формальным делом, т. к. религиозность значительных слоев городского населения заметно снизилась¹³⁹.

Культурная жизнь Омска начала XX в. имела и другую сторону. На протяжении нескольких десятилетий, в рамках советской историографической традиции, было принято рассматривать культурный процесс как направленный исключительно на накопление "положительных" и "прогрессивных" элементов в составе культуры города. В результате подобного подхода из научного анализа "выпадали" такие сложные явления городской культуры, как "маргинальные" составляющие и "вариации" социокультурного поведения различных слоев городского населения. К числу последних можно отнести городскую проституцию, изучение которой только недавно начато российскими учеными¹⁴⁰.

В конце XIX в. в Омске, по официальным данным, было зарегистрировано 6 публичных домов, в которых числилось 24 проститутки. Кроме того, в городе полицией было учтено 20 проституток, занимавшихся этим "ремеслом" на свой страх и риск (1889 г.)¹⁴¹. Бурный рост города в начале XX в. и наплыв огромного числа мигрантов способствовали процветанию этого "ремесла". В 1909 г., по данным полицейского учета, в Омске находилось 7 публичных домов с 70 проститутками. Начавшаяся мировая война усилила миграционные потоки и превратила проституцию в "надежный" бизнес и неотъемлемую часть городской жизни. Численность проституток резко возросла. Данные полицейского учета свидетельствуют, что к 1916 г. численность женщин, занимавшихся проституцией, превышало 470 чел.

Но все эти данные носят весьма приблизительный характер, так как, кроме легальных "домов терпимости" и учтенных проституток, в городе имелось значительное число "подпольных" публичных домов (официально не зарегистрированных и не разрешенных властями). На-

пример, в 1909–1910 гг., помимо 12 официально зарегистрированных публичных домов, полиции удалось выявить 38 нелегальных. В результате деятельности местных органов власти и полиции к концу 1911 г. из этого числа 17 публичных домов было закрыто, а остальные зарегистрированы в полицейском управлении (за исключением 4)¹⁴².

Особенно славилась публичными домами "Качагуры". В 1880-х годах на улице Госпитальной находилось несколько публичных домов. По воспоминаниям И. Шухова, эта улица жила своей особенной жизнью: "Днем она была тихая, почти безлюдная. Только наблюдательный человек мог заметить некоторые особенности. На дверях подъездов домов были глазки - круглые отверстия для наблюдения за улицей, у крылец стояли два невысоких столба для фонарей. И лишь наступал поздний вечер - улица преображалась. Она ярче освещалась, чем даже Любинский проспект, и напоминала железнодорожный перрон. У каждого подъезда зажигались фонари, из окон сквозь щели ставень на улицу пробивались лучи света. К домам подъезжали извозчики, приходили люди. Внутри гремели разбитые пианино, пиликали гармошки и слышались пьяные голоса. Здесь находились публичные дома"¹⁴³.

Наряду с "новой" урбанизированной культурой и элементами городского быта, в городской среде продолжали сохраняться и многие элементы традиционной культуры, уходящие своими корнями в глубины веков. Примером подобного явления являлись кулачные бои "стенка" на "стенку". Подобные "бои" регулярно случались и в Омске. Они вспыхивали, как правило, в праздничные дни: на святках и масленице, иногда в воскресные дни. Особенно знамениты в начале XX в. были кулачные бои, которое проводились на застывшей р. Оми между жителями Качагур и Лугашей, т. е. жителями левого лугового берега реки. Обычно "бой" завязывали подростки, за ними вступали парни постарше, наблюдавшие за "полем боя" взрослые мужчины "не выдерживали" и в качестве подкрепления "шли в атаку". После побоищ были раненые, иногда даже убитые. Один из самых жестоких "боев", по воспоминаниям старожил, произошел в 1912 г. Даже конная и пешая полиция, вызванная на место поединка, оказалась не в состоянии прекратить это знаменитое "Ледовое побоище"¹⁴⁴.

Такие "войнушки" (так называли иногда кулачные бои) имели место в большинстве, если не во всех, городах России: в первом университетском городе Сибири - Томске, небольшом волжском городе Хлыновске и даже в столичном Санкт-Петербурге. С древних времен эта игра была непременным элементом народных праздников и гуляний, в том числе городских¹⁴⁵. В 1832 г. кулачные бои были официально запрещены во всей Российской империи, но и в последующие годы про-

должали сохраняться в качестве одного из обязательных атрибутов традиционной городской культуры, несмотря на преследования со стороны полиции. Только в 1930-е гг. уже при советской власти эта городская традиция была загнана в "подполье" и постепенно сошла на нет¹⁴⁶.

Таким образом, Омск во второй половине XIX – начале XX вв. превращается в один из крупнейших культурных центров Сибири. Однако не следует переоценивать реальные результаты этого процесса, даже несмотря на его достаточно высокие темпы, так как исходный уровень социокультурного потенциала городского населения был относительно невысоким, а темпы механического прироста численности городского населения весьма значительными. Складывающаяся городская культура в начале XX в. подвергалась жесткому воздействию со стороны массовой миграции. С одной стороны, это приводит к известной демократизации отдельных элементов культуры, а с другой – к закреплению "двухполюсной" системы ее развития, когда устойчиво сохраняются относительно благополучный центр и весьма неприглядные окраины.

Очерк 3. Роль купечества в формировании специфического уклада жизни провинциального сибирского города

Тара XIX – начала XX вв. была типичным провинциальным городом Сибири. Но в то же время она имела некоторые особенные черты, отличавшие ее от других сибирских городов: Сургута, Туринска, Ишима, Енисейска, Селенгинска, Кяхты и других. Тара в какой-то степени повторила судьбу Тобольска. Тобольск долгое время был главным городом Сибири, ее административным центром, но с переводом главных сибирских учреждений в Омск, а также с изменением направления торгового тракта потерял свое былое значение. Так и Тара в течение XVII в. выполняла очень важную роль порубежного города, форпоста освоения южных земель Западной Сибири.

Превращение Тары в "захудалую провинцию" (так писали о ней в начале XX в. столичные газеты) началось с перенесения в сторону Московско-Сибирского тракта, потом многое было предпринято проведением вдали от нее Великой Транссибирской железной дороги, а потом Тюмень-Омской магистрали.

Известные события 1722 г., когда жители Тары не пошли присягать безымянному наследнику, сочтя это дело богопротивным, оказали также весьма заметное влияние на судьбу города. Расшифрованные Н.Н. Покровским и И.П. Березиной записи Г.Ф. Миллера свидетельствуют о том, что к протесту против присяги присоединилось более 700 человек, из которых около половины было казнено, а остальные сосланы. Разорение домов лучших горожан и сокращение числа жителей Тары (почти наполовину) оказало существенное воздействие на дальнейшее развитие города¹⁴⁷.

Определяя особенные черты русских, в том числе и сибирских городов, следует обратить внимание, прежде всего, на высокую степень религиозности их жителей. Эта религиозность пронизывала буквально все сферы и стороны жизни и деятельности жителей Тары XVIII – начала XX вв. Отражалось это и во внешнем облике города, которому особую привлекательность придавал вид многочисленных храмов. Кроме шести православных церквей, "близ города" имелось три часовни: Св. Георгия (по "Пятковской дороге", ведущей к пристани), Св. Модеста (по дороге на Екатерининский завод в двух верстах от моста через р. Аркарку) и часовни на Тихвинском кладбище, пристроенной к кладбищенской церкви. Источники XIX в. непременно указывали на особую роль церквей во внешнем облике города. Так, В. Ильиным в "Памятной книжке для Тобольской губернии" на 1864 г. было отмечено, что "вид Тары довольно живописен при въезде с Тобольского тракта, но гораздо лучше от Иртыша или от часовни Св. Модеста, построенной под горой, верстах в двух от города, которому вид церквей придает много красоты с этой стороны"¹⁴⁸.

Набожность была характерна для представителей всех сословий. Тарское купечество не только соблюдало религиозные праздники, на которые выпадало до 150 дней в году, но и было строгим блюстителем храмов и заботилось об их благолепии. Так, купеческой семье Нерпичихи Тара была обязана тремя православными церквями. На их средства в числе прочих была выстроена Казанская церковь. Староста этой церкви купец Семен Можангинов вызолотил на нерпинские же деньги ее колокола, которые обычно отмечались в источниках XIX – начала XX вв. как остатки старины, "иногда привлекающие внимание любопытных". Кроме того, И.Ф. Нерпин выстроил в 1782 г. Кладбищенскую во имя Тихвинской Божьей Матери церковь. Он же начал строительство Старость-Параскеевской церкви, которая после его смерти, по данным Скальского, была достроена графом Ивелич. Никольский собор, ставший на долгое время резиденцией тарских протоиереев, был возведен в 1769–1783 гг. в основном на средства купца Я. Перме-

нева. Ф.И. Пятков в 1842–1843 гг. перестроил разрушившуюся колокольню Успенской церкви.

Основными жертвователями на содержание церквей были также купцы. Одним из наиболее крупных жертвователей был Я.А. Немчинов. О религиозности Я.А. Немчинова ходили целые легенды. Поскольку Немчинов не только много сделал для родного города, но и имел на его жителей, прежде всего на купечество, очень большое влияние, следует остановиться на этом особо. Сибиряки передавали друг другу, что Немчинов назвал в завещании более сотни церквей и монастырей, "избирая в особенности обители с чудотворными иконами, с мощами святых или вообще наиболее известные и почитаемые ..." ¹⁴⁹.

Старостами церквей избирались до начала XX в. преимущественно купцы, являвшиеся прихожанами той или иной церкви. Так, купец первой гильдии Л.М. Глизман, хорошо известный благотворитель начала XX в., еврей по национальности, принял православие и стал некоторое время старостой кладбищенской Тихвинской церкви.

Фото 1. Подгорная часть Тары над р. Аркаркой. Начало 1990-х гг.

Следует обратить внимание на особенности экономического быта тарчан. Для хозяйственной жизни этого города всегда было характерно переплетение черт города и села. Горожане всегда держали много скота и птицы. По данным на 1862 г., в Таре было самое боль-

шое количество домашнего скота по сравнению с другими городами Тобольской губ. – 1505. Отставая от Омска по лошадям (в Омске – 3175, в Таре – 2465), она превосходила Омск по количеству рогатого скота¹⁵⁰. В связи с этим серьезной проблемой для жителя Тары всегда была пастьба скота, заготовка сена, овса, картофеля и другого корма для животных, его вывозка в места складирования. Актуальными были проблемы сохранения кормов, здоровья животных, вывозка навоза и других нечистот, поддержание необходимой чистоты на улицах и во дворах усадеб.

*Фото 2. Бывший дом торговца С.Я. Носкова.
Современный центр Тары. Начало 1990-х гг.*

Купечество, входившее в состав городской думы, требовало применения строгих мер по отношению к тем, кто нарушал установленный порядок по очистке улиц и дворов. Для жителей, имевших большие усадьбы, такие строгости требовали значительного напряжения сил. Так, А.С. Носков, оставшийся один в большом доме родителей, с трудом управлялся, по его словам, с уборкой территории вокруг дома. Тем не менее жесткие требования купечества находили понимание обывателей¹⁵¹.

Жители города имели тесные контакты с крестьянами близлежащих деревень: многие выезжали на сельские ярмарки и принимали

родственников и знакомых во время городских ярмарок. Ярмарки играли в жизни сибиряков, особенно в Тобольской губ., где они были более всего распространены, особую роль. Они служили не только местом для обмена товарами и сельскохозяйственными продуктами, но и для общения, передачи информации, получения определенного духовного заряда. Покупая и продавая лошадей, жировой товар, скот, щепной товар (сани, короба, кадки, корыта и другие деревянные поделки), железные изделия, веревки, рогожи и другие товары, крестьяне и горожане имели возможность покатать ребятишек на устроенных тут же, на Базарной площади, катушках, качелях. Молодежь могла "показаться". В районе солдатской слободки устраивали "Чертовое колесо", где солдаты катали девушек¹⁵². Вспоминая самую малооборотистую Тихвинскую ярмарку (26 июня – 9 июля), старожилы больше восхищались ярмарочными вечерами. "Гулянье так гулянье!" – горожане дивились раскрепощенностью деревенских, которые ходили в пестрых одеждах, юноши были с заломленными фуражками, обнимали девушек, что в Таре не наблюдалось, поскольку считалось зазорным. Но приезжие "хорошо себя чувствовали"¹⁵³.

В результате поездок тарских купцов на сельские ярмарки уезда расширялись не только деловые их контакты с сельскими торгующими крестьянами и купцами, но и перенимался житейский опыт, элементы одежды, "домообзаводства", манеры, личностные качества. Такие поездки тарских купцов были регулярными на Апостола-Лукинскую, Петропавловскую и Казанскую ярмарки в Муромцево, Дмитриевскую в Такмык, Троицкую в Пустынное, Ивановскую и Прокопьевскую в Евгацино, Юдинскую и Матвеевскую в Нижне-Колосовское и другие.

Особое отношение имело купечества к основному недвижимому имуществу – дому. Тарские примеры приводят к выводу о том, что многие городские обыватели стремились подражать купцам. Сохранилось достаточно много деревянных, полукаменных и краснокирпичных домов, выстроенных купцами, чиновниками, священниками, мастеровыми людьми в конце XIX – начале XX вв.

Несмотря на то, что Тара долгое время была деревянным городом, и начиналась как деревянная крепость, строительство каменных строений восходит к концу XVIII в. Первый каменный купеческий особняк в Таре был возведен, по мнению А.Д. Колесникова, И.Ф. Нерпиным. Точной даты постройки дома установить не удалось. Предположительно это произошло в 1794–1796 гг.¹⁵⁴.

В конце XIX – начале XX вв. в районе Базарной площади появилось сразу несколько купеческих особняков, сложенных тарскими мастерами из кирпича. Проект особняка К.В. Балыкова, на углу Базарной

площади и Полицейского переуллка, возведенного в 1904–1906 гг., практически повторял проект гостиницы "Метрополь" г. Уфы, построенной в 1903 г. М.А. Ситникова, отмечая градостроительную роль здания, подчеркивала, что оно не только формировало угловую квартальную застройку, но, будучи одним из самых высоких строений (после церквей и соборов), хорошо просматривалось как с берега р. Аркарки, так и с разных точек города. Другими словами, здание являлось одной из высотных городских доминант. Дом до сих пор является одним из украшений г. Тары. В декоративном оформлении фасадов балыковского дома использован целый арсенал средств художественной выразительности кирпичной кладки: членение плоскости здания междуэтажными поясками и выделение карнизов рядом "сухарики"; акцентирование каждого оконного проема рельефной кладкой; обработка углов основного объема плоскими лопатками с применением декора в верхней части. Венчают здание парапеты сложной формы и парапетные столбики.

Таким образом, торговый дом К.В. Балыкова является одним из образцов краснокирпичных зданий, выдержанных в духе эклектики, архитектурного направления, характерного для провинциальных городов. Дому существенно повезло. Расположенные на центральной площади Тары купеческие особняки Н.К. и Н.Н. Машинских, Я.В. Орлов, А.Н. Айтыкина были позднее оштукатурены "под шубу" и потеряли первоначальный вид. Стены же дома Балыкова, как и кованые ограждения балкона и парапетные решетки, сохранили свой первоначальный облик. Примеру зажиточных купцов следовали менее состоятельные горожане. Так, Я.Ю. Рамм построил в 1915–1916 гг. краснокирпичный двухэтажный дом на Базарной площади.

Однако зажиточные тарчане все же предпочитали возводить полукаменные строения. Средств на возведение таких строений хватало не у всех, поэтому владельцами таких домов становились преимущественно гильдейские купцы, городские промышленники и чиновники. В конце XIX в. домами с деревянным жилым верхом и каменным полуподвальным торговым низом или каменным этажом владели купцы А.Ф. Пятков (двумя), братья П.В. и Н.Ш. Шанские, Н.К. Машинский, братья А.И. и Ф.И. Щербаковы. В начале XX в. такие же дома появились у купца Я.В. Орлова, торговца шерстью А.В. Канаревского, парходовладельца А.Ф. Коншина, купца В.М. Деева и у других жителей.

Наиболее красивыми деревянными домами в Таре всегда считались купеческие особняки А.И. Щербакова, Н.Я. Носкова, дом чиновника налоговой службы И.Я. Хомякова, адвоката Л.А. Корикина-Михайлова, расположенные на ул. Никольской, дом священника Пятницкого прихода о. С. Александрова на ул. Александровской.

Фото 3. Дом А.И. Щербакова. 1911 г.

Особый калорит и своеобразие внешнему виду Тары придавали двухэтажные деревянные дома, которых от XIX – начала XX вв. к настоящему времени осталось еще немало. Это дома торговца С.Я. Носкова (наследников кяхтинского купца И.А. Носкова), торговца Р.Я. Зильбермана, мещанина Д.В. Деева, "Суриковские дома" (мыловаров и свечников Суриковых), кузнеца Т.М. Бизяева, владельцев пивзавода В.П. Баева и Я.И. Ржиги, судовладельцев Разумовских и Смороденниковых, капитана парохода Н.П. Двинаренко, ямщика Свиноаренко и некоторые другие. К сожалению, многие из них к настоящему времени исчезли в связи с выполнением градостроительного плана, предполагавшего замену деревянной застройки каменной многоэтажной как раз в самой старой части деревянного города, что, по мнению специалистов, нанесло неповторимый ущерб его архитектуре, исказило неповторимую уникальность и своеобразие древней Тары¹⁵⁵.

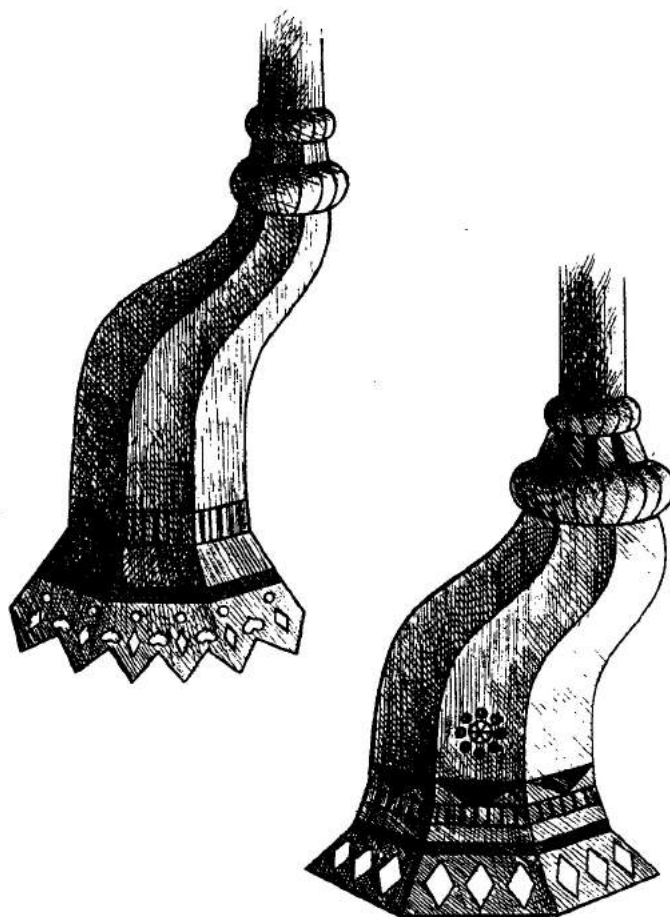
Большинство жителей при строительстве своего дома стремились украсить его так, чтобы он отличался от соседских. По дому судили о человеке, его качествах, эстетических вкусах, о его отношении к труду. Со вкусом оформленные фронтоны частных домов, наличники окон, ворот, крылечки с навесами и даже заборы, хозяйственные постройки Носковых, Суворовых, Сутиных, Нерпиных, Деева, Хомякова, Глизмана, Александрова, Ускова, Калижникова, Ваулина, Смирнова и других горожан демонстрировали не только уровень их благо-

состояния, но и уровень эстетических представлений. До настоящего времени привлекательным украшением домов Н.Я. Носкова и Н.Я. Хомякова на бывшей ул. Никольской (ныне ул. Советской) остаются массивные резные наличники, а дома священника С. Александра на ул. Александровской практически все применяемые для отделки его детали. Дом этот в начале XX в. был настоящим украшением улицы. Гулявшая по вечерам молодежь, да и все остальные прохожие невольно задерживались около этого дома. "У меня до сих пор перед глазами этот голубоватый кружевной дом с резным крыльцом и красивой парадной дверью, а на крыше дома была терраса. На этой террасе по вечерам с книгой в руке сидела всегда нарядная дочь священника... Все в нем: терраса, резной карниз, кружевные наличники, очень красивое крыльцо, ворота – все было выкрашено в небесно-голубой, очень нежный цвет", -- вспоминала замечательная хранительница тарской старины Нина Ивановна Шабалина. В Таре практически не было крыш, покрытых соломой. В плане города с расписанием "по каким фасадам ... полагается строение домов" предписывалось "кровли крыть тесом и гонтом и дранью, а соломой крыть не допускать"¹⁵⁶.

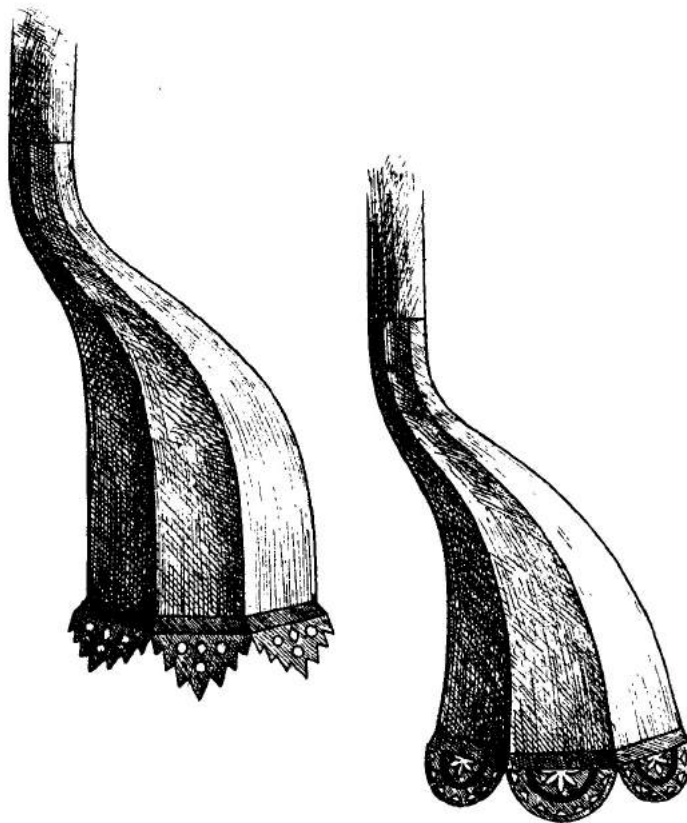
До 1913 г. в Таре дома не были пронумерованы, их обозначали по фамилиям хозяев: "Щербаковские", "Глизманский", "Суриковские", "Жмаевские", "Нерпинские", "Пятковский", "Деевский" (чаще "Деева"), "Коншина", "Макаровский" и т. п. Причем это не связывалось с сословной принадлежностью. На почтовой карточке адрес: "Тобольская губ., г. Тара, Слободка, дом Михаила Алексеевича Бабылина". М.А. Бабылин был обычным мещанином, имел большую семью, вместе со взрослыми сыновьями занимался перевозкой купеческих товаров¹⁵⁷.

В формировании эстетических представлений тарчан купечество играло заметную роль. Не имея возможности построить такие же солидные, вместительные жилища, городские обыватели чаще всего копировали отдельные элементы украшений фасада дома, заказывали Ванштейну, Резиновскому, Суворову водосливные трубы, "как у Пятакова, Орлова, Рамма". Мелкие предприниматели, такие как заводчик Зензин (Ратушский пер., 3), колбасник Сутин (ул. Спасская, 41), мясник Смирнов (ул. Александровская, 76), фотограф Шпон (ул. Александровская, 79), владелец бани Пиманычев (ул. Спасская, 28), пекарь-кондитер Новошконов (ул. Спасская, 25) и др., многое перенимали в оформлении усадьбы у "бывалых" купцов и приказчиков Шанских, Айтыхиных, Седельниковых, Шушайтановых, Ушакова, Трофимова, Калленбура. Сравнивая изделия кузнецов и жестянщиков, использованные купечеством и мещанами Тары для оборудования своих жилищ, с работами ирбитских, тобольских, ишимских мастеровых, нетрудно обнаружить и

черты сходства и даже копии этих изделий. Вполне возможно, что либо их чертежи, или сами поделки, с которых потом мастера снимали копии, доставляли ходившие в обозах на сибирские ярмарки. Среди большого количества водосточных кюветов, собранных И.Я. Антроповым, в Ирбитском историко-этнографическом музее имеются "жестянки", напоминающие трубы на домах Рамма и Зенина в Таре.

*Рис. 1. Украшения водосточных труб
работы жестящика М.В. Ванштейна*

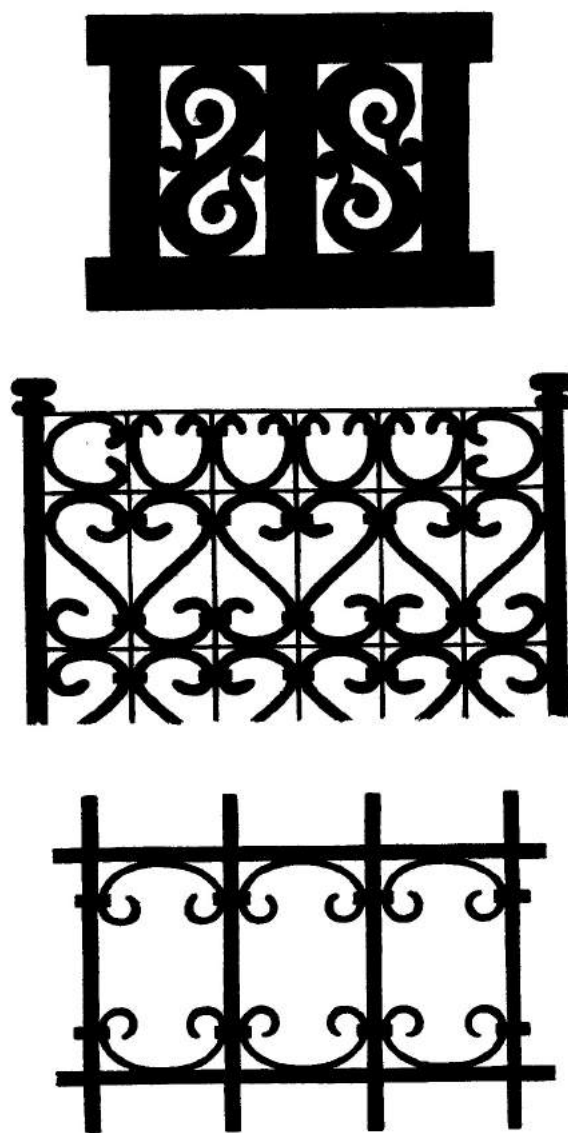

*Рис. 2. Украшения водосточных труб,
работы жестианщика М.В. Ванштейна*

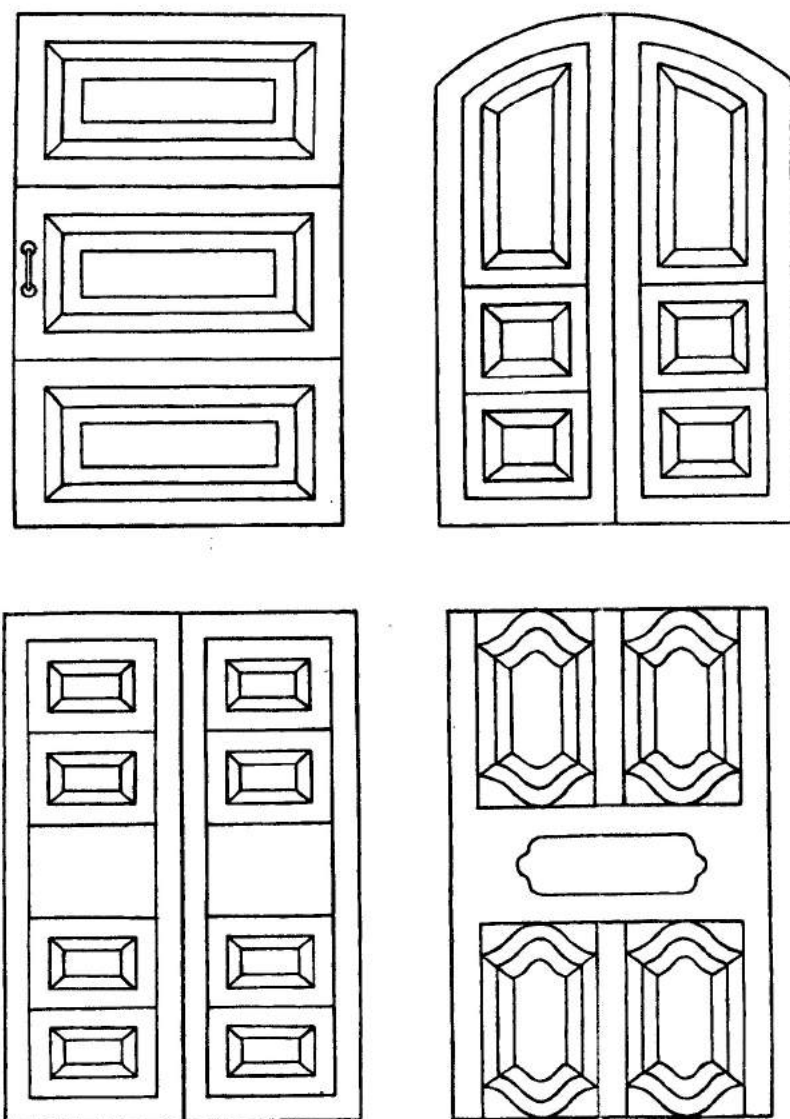
Подражая купцам, многие городские жители стали заводить "заимки" близ города.

По сведениям старожилов, мещане копировали и внутреннее убранство купеческих домов. Так, в начале XX в. многие стремились приобрести большие, от пола до потолка, зеркала, "как у Деевых", "как у Шанских". Мелкие торговцы-лавочники старались оформить витрины и разложить товар, "как у Якова Васильевича" и т. п.¹⁵⁸

В России, где позиции государства во всех сферах жизни общества были очень сильными, из провинции выходили купцы, имевшие

*Рис. 3. Балконные и лестничные решетки
работы тарских кузнецов конца XIX – начала XX вв.*

*Рис. 4. Двери внутренних комнат в домах Ф.И. Щербакова,
Е.Я. Пятковой, А.В. Пятковой*

крупные капиталы. Менее скованные регламентами чиновников, они, по мнению профессора В.Н. Худякова, быстрее складывали крупные состояния, нежели предприниматели крупных городов. Не случайно из Тары вышли Нерпины, Немчиновы, Щербаковы, Носковы – известные далеко за пределами Тобольской губ. Многие из них начинали с самых низов. Так, Я.А. Немчинов, будучи сыном тарского мещанина Андрея Семеновича Немчинова, имевшего небольшую кожевню и выстроившего впоследствии "довольно поместительный дом" на Большой улице, начинал мальчиком в трактире. М.Ф. Немчинов, сын отставного казака, поступил в 1846 г. на службу к Якову Андреевичу Немчинову, и тогда уже первогильдейскому кяхтинскому купцу, во время его проезда через Тару на Нижегородскую ярмарку, прошел "от самых низов" до купца 1-й гильдии. И.Е. Щербаков, один из наиболее авторитетных купцов Тары середины XIX в., вышел из крестьян д. Щербаковой Бутаковской вол. и в 1835 г. был приписан казенной палатой в купцы 3-й гильдии.

Все эти люди хорошо знали тяготы жизни простого народа, были настоящими тружениками "от рождения до гроба". Наверное, поэтому были просты в общении с представителями всех слоев общества. Председатель попечительного совета женского училища И.Е. Щербаков во время приезда в 1875 г. Я.А. Немчинова направил к нему "с подпиской" секретаря педагогического совета А.Г. Демина. Тот долго смущался, боялся ехать, думал: "... как это я буду разговаривать с миллионером". Но Немчинов очень быстро расположил его к себе, стал расспрашивать о семье, об училищах города. Вспоминая потом эту встречу, Демина говорил, что быстро забыл о том, что разговаривает с миллионером, "так просто, так сочувственно спрашивал... Яков Андреевич"¹⁵⁹. И.И. Попов, один из редакторов "Восточного обозрения", хорошо знавший нравы кяхтинцев, писал о том, что отношение купцов со служащими были самыми простыми: служащие садились с ними за один стол к обеду, ходил в гости, одаривались подарками, их мнение уважительно выслушивалось.

В целом у купцов складывались хорошие отношения с населением. Отец Н.Я. Мясникова был ямщиком на перегоне от д. Корнево до Тары. Везли они Я.В. Орлова зимой до города. Заехали в дом на Базарной площади, подняли вещи. Пригласили к чаю. "Молодой был, – говорит Николай Яковлевич, – глаза-то "разбежались": занавеси на окнах шелковы висели, мебель хорошая была, стулья, диваны, таких теперь нету, вино было белое. Хороший был, обходительный купец".

На мельнице К.С. Яркова рабочим стали выдавать одежду, оказывать материальную помощь. Приказчик Яркова объезжал "Свободку"

(район ул. Солдатской), предлагал в долг сахар, муку¹⁶⁰. В лавке Башалова на ул. Никольской торговали "под запись". В Балыковском магазине товары выдавались в долг. Л.А. Тимофеев, владелец посудного магазина, одаривал работников. Дарил сувенирные бокалы, хлебницы, сахарницы. Работавшие у него парни Ревягины, разбив чашки, отвечали "шкаф задела", "посуда звякнула", а про себя отмечали: "Ну и доверчивый же ты, Лукьян Андреевич..."¹⁶¹. После выполнения работ по заполнению опустевших полок ренского погреба магазина Н.В. Шанского рабочие, по установившейся традиции, получали по полбутылки на человека, иногда выносилось немного очищенной "белоголовочки". Кучер Шанского, получая установленную норму, "угощал этим вином всех, кто не отказывался"¹⁶².

Общение различных по материальному положению групп жителей Тары было относительно свободным, и отношение к купечеству было в основном уважительное. Такого отношения многие купцы и приказчики заслуживали своим отношением к делам, объективной оценкой труда наемных работников, заботой о благоустройстве родного города, активной поддержкой традиций добрососедства. Вокруг купечества сложился немногочисленный слой людей, для которых характерно было желание сохранить существующее положение. Это слой людей, занятый обслуживанием купечества: экономы, приказчики, прислуга. В конце XVIII в. самая богатая семья Нерпиных держала до 30 дворовых (с малолетними), семья Пятковых при двух домах имела 11 душ дворовых, Можантиновы держали 17 дворовых "калмыцкой породы". Другие имели не более 4 душ¹⁶³. В начале XIX в. дворовые Нерпиных были отпущены и только при трех домах купца второй гильдии Е.В. Филимонова имелось 14 душ дворовых обоего пола¹⁶⁴.

После отмены крепостного права стали использоваться наемные работники, в дом принимались "няни", гувернантки, кухарки, горничные, экономы, сторожа, появились приемные дети. В конце XIX в. при доме одного из самых состоятельных купцов Тары М.Ф. Пяткова в специально отведенном каменном помещении проживало до 12 взрослых людей из числа обслуживающего персонала, после его смерти в 1900 г. в большом доме (бывшем особняке купца И.Ф. Нерпина) площадью около 350 кв. м вместе с хозяйкой Елизаветой Яковлевной стали жить экономка и две горничные¹⁶⁵. Хозяйка имела о себе хорошие отзывы со стороны прислуги и граждан Тары, "прислуг не обижала ни словом, ни делом, разрешала кучеру выезжать на своих рысаках на свадьбы тех, кто просил ее, чтобы привезти невесту в церковь, а из церкви невесту вместе с женихом туда, где будет справляться свадебный обряд, причем плату за лошадей не брала, а кучер ее мог получить только "на чай"¹⁶⁶. Лошадей

использовали служащие и приказчики, не имевшие своего транспорта. При отъезде из города Пяткова отправила баржей двух рысаков, экипаж на резиновых шинах и часть имущества. Слуги при увольнении были одарены частью хозяйства¹⁶⁶.

Вдова А.Ф. Пятакова (умершего в 1893 г.) Анфуса Васильевна, прожившая в Таре до начала 1920-х гг., держала в доме воспитательницу детей своей сестры О.В. Разумовской, периодически приезжавшей в Тару из Тюмени, горничную, кухарку, кучера, дворника и караульного. Проживали они на ул. Никольского, 19, напротив дома Е.Я. Пятковой.

Фото 4. Сиропитательный дом Я.А. Немчинова. 1994 г.

Надо сказать, что отношение к Немчиновым в Таре было возвышенным. Для состоятельных жителей это был безусловный пример, достойный подражания, основная же масса обывателей, даже не зная всех деталей, всех подробностей их благотворительной деятельности, не могла не замечать главного – с их легкой руки в Таре появилась каменная ограда на Тихвинском кладбище, трапезная, дом призрения бедных, сиропитательный дом (Фото 4), банк, а потом и больница. Попытки выяснить точные сведения о пожертвованиях Немчиновых Таре долгое время не давали нужных результатов, пока не появилась возможность ознакомиться с содержанием протоколов заседаний город-

ской думы. В материалах за 1910 г. имеется постановление городской думы от 5 декабря, в котором говорится о необходимости "иметь выставленным в зале думы портрет Я.А. Немчинова в ознаменование памяти покойного, о признательности за его благотворительность здешнему обществу". Городской голова К.В. Балыков должен был заказать портрет. Улицу в подгорной части, "названную Нерпинской, по которой находятся благотворительные заведения, устроенные на средства Я.А. и А.Г. Немчиновых, именовать "Немчиновской"¹⁶⁷. Из 12 чел., подписавших протокол, пятеро (Балыков, Шанский, Кудрявцев, Глизман, Седельников) были купцами. Тут же мы обнаружили и перечень пожертвований, который, как выяснилось впоследствии, требовал дополнений¹⁶⁸.

Вклады в пользу благотворительных заведений делали и другие. Известны имена Я.П. Тренина, братьев Аврамовых, Е.И. Калижникова. И.Е. Щербаков, его сыновья, Н.Н. Машинский, А.Ф. Коншин, Л.М. Глизман, Н.Н. Поварнин, Е.И. Малахов и др. купцы во второй половине XIX – начале XX вв. стремились повлиять на культурный уровень земляков. Поварнины, Щербаковы, Ушаковы предоставляли городу собственные дома под устройство учебных заведений. Коншиным и Глизманом были открыты частные школы, сами предприниматели предоставили для школ помещения и содержали обслуживающий персонал. Попечительницей женского училища долгое время была супруга И.Е. Щербакова Наталья Федоровна, родная сестра известных тарских купцов М.Ф. и А.Ф. Пятковых. По мнению Н.Г. Линчевской, выпускники мужского уездного училища "постепенно заменяли приезжих чиновников"¹⁶⁹. Учительницами женского училища, преобразованного в 1872 г. в женскую гимназию, стали ее выпускницы.

Н.Г. Казнаков, ставший генерал-губернатором Западной Сибири в 1875 г., считал, что немыслимо иметь способного и деятельного учителя при оплате его труда в 85–115 руб. в год. Понимали это и в Таре. Изменить существующее положение дел разовые "подписки" и "премии", конечно, не могли, но сам факт активной поддержки учителей купеческим сословием имел определенное моральное значение. Награды, выдаваемые учителям в 1860-е гг. "за отлично-усердную службу", поддерживали и материально: "учительнице рисования – брильянтовый перстень, учительнице – золотые часы ... единовременные денежные выдачи: надзирательнице школы – 200 руб., учительнице рукоделия – 120 руб."¹⁷⁰.

В 1863–64 гг. помощь тарским училищам оказывали: кяхтинский почетный гражданин М.Ф. Немчинов, коммерции советник и кавалер Я.А. Немчинов, тарский купец И.Е. Щербаков (обязался ежегодно жерт-

вовать в пользу женского училища 100 руб.), поступали средства от Пятковых ...¹⁷¹. В 1877 г. учителям женской прогимназии добавили жалование – до 235 руб. в год. Дети родителей, испытывавших серьезные материальные затруднения, освобождались от платы за учебу. В протоколах и других документах высшего мужского начального училища (ТФ ГАОО. Ф. 7, дела за 1916–1919 гг.) находим десятки заявлений родителей с просьбами об освобождении от оплаты за учебу, с просьбами "выдать сапоги", заплатить за фотографию, отчислить деньги "за пользование самоваром", "в пользу бедных учащихся" и т. п.¹⁷²

Большая группа купцов в конце XIX – начале XX вв. активно участвовала в общественной культурной жизни города. Купца можно было встретить повсюду: в магазине, банке, городской Управе, в народной аудитории. Из 25 гласных городской думы в 1875 г. – 17 были купцами. На "почетные" должности, их еще называли "выборными", или "общественными службами", всегда избирались купцы. Они были бургомистрами, ратманами в городском магистрате, "при следственных делах" депутатами, судьями (вторая половина XVIII в.), городскими головами, гласными думы (в XIX – начале XX вв.). Городскими головами избирались: в 1803–1807 гг. – Е.В. Филимонов; во второй половине XIX в. И.Е. Щербаков, А.Ф. Пятков, Н.Н. Машинский, А.А. Михайлов и другие купцы; в начале XX в. К.В. Балыков, П.В. Шанский, М.П. Мезенцев. Чтобы благоустроить город, сделать его более культурным, Щербаковы разбили городской сад, который в начале века именовался "Щербаковским".

Принимая самое деятельное участие в культурной жизни, тарские купцы приняли решение о проведении телеграфной линии. В Томске телеграф "не признали" и отказались провести его в уездные города. Тарчане в 1869 г. заявили, что в Таре "есть лица, ведущие обширную заграничную и внутреннюю торговлю, имеющие непрерывные сношения с главными торговыми центрами и портами России – Санкт-Петербургом, Москвой, Таганрогом, Кяхтой и Лондоном, Ханькоу и Шанхаем ...", и собрали с купцов 1-й гильдии по 30 руб., с купцов 2-й гильдии по 15 руб. (всего около 2350 руб.) на строительство телеграфа. Телеграфный аппарат Персона установили в доме купца Н.Т. Евтина¹⁷³. Через шесть лет телеграфисты уже жаловались: "Нас совсем замучил Немчинов. Каждый день посылает по несколько телеграмм. Да не сокращенно, а письмом... слов 200 и больше, и при этом в уплату присылает каждый раз сторублевки, – извольте бегать, менять их, так как нечем на станции отдать сдачи"¹⁷⁴.

В 1883 г. в Таре открыта общественная библиотека. Ее учредителями были Ф.И. Щербаков, братья Пятковы, Н.Н. Поварнин, Н.Н. Ма-

шинский, А.А. Михайлов, которые вместе с представителями городской интеллигенции собирали книги и средства, привлекали богатых сибиряков, подыскивали подходящие помещения для библиотеки, склада и книжной торговли¹⁷⁵.

Друг Е.П. Михаэлиса А.И. Щербаков, исключенный из столичного университета после студенческих волнений 1861 г., стал крупным сибирским предпринимателем¹⁷⁶. В 1886 г. он заложил вместе с курганскими и петропавловскими купцами Смолиными на месте Успенского винзавода писчебумажную фабрику. Таких предприятий в Сибири еще не было, если учесть масштабы, технологию, объемы производства и ассортимента выпускаемой бумаги, а также и то, что в 80-е гг. XIX в. это была единственная в Сибири писчебумажная фабрика. В Таре его компаньонами по "бумажному делу" стали купцы Р.Н. Айтыкин, представитель бухарского купечества Тары, и П.И. Трофимов, управляющий винзаводом Щербакова. Последний сменил в конце 1890-х гг. В.А. Щербакова на месте директора писчебумажной фабрики. Известно, что А.И. Щербаков отправлял своего сына на учебу в Англию, Бельгию и Германию. Сам же активно занимался изучением северного морского пути и предпринимал достаточно серьезные усилия по налаживанию торговли Сибири с Европой, минуя посредничество московских купцов. В конце 70-х г. XIX в. А.И. Щербаков и М.Е. Функ едут в Лондон, фрахтуют 4 парохода и отправляют их из Гулля с грузом английских и французских товаров. Навстречу им из Барнаула и Бийска посылают пароходы Тюфина с баржами, груженными 220000 пуд. пшеницы. Но английские пароходы, несмотря на ряд энергичных попыток, так и не смогли пробиться через льды Карского моря и вернулись в Лондон. Сибирские суда, прождав две недели в Обской губе, пришли обратно в Тюмень. Предприятие завершилось значительными убытками¹⁷⁷.

Другой пример уже из области научной деятельности тарских купцов. Е.И. Малахов, наладивший первым в Таре стекольное производство, был меньше известен в коммерческих и промышленных кругах Сибири, но в научных кругах он был известен и за ее пределами. Купец 2-й гильдии Е.И. Малахов изъездил в поисках курганных могильников не только Тарское Прииртышье, но даже добрался до Семипалатински. Он установил связи с Обществом любителей естествоиспытания, опубликовал свои материалы, "копал... очень аккуратно, но, главное, осмысленно, хорошо видя, что он копает и хорошо понимая, зачем он это делает"¹⁷⁸. Его материалы вошли в научный оборот, ими пользовались специалисты самых разных направлений. На Всероссийской этнографической выставке 1867 г., несмотря на то что Сибирь

имела серьезные научно-археологические силы (В.В. Радлов, К.М. Голодников, И.Я. Словцов и др.), ее археологию представляла только коллекция Е.И. Малахова, и работы его получили самую высокую оценку организаторов. Малахов был среди девяти получивших золотые медали из 321 награжденного лица или организации. Его избрали действительным членом Императорского общества любителей естествознания, антропологии, этнографии при императорском Московском университете¹⁷⁹.

Семейственность, патриархальность, хозяйская основательность, устроенность быта – все эти черты, характерные для тарского купечества XVIII в., в основном сохранялись в последующие десятилетия. Традиции, которые когда-то закладывали Бекишевы, Можантиновы, Нерпины, Филимоновы дошли до начала XX в. Исследуя состав семей по материалам Тобольского, Омского, Тарского архивов, обнаруживаем достаточно легко и другие традиции, например передачу "своего дела" по наследству: от отца к сыну и т. п. Купеческие капиталы создавались в течение жизни нескольких поколений. Династия Пятковых насчитывает 5 поколений, династия Нерпиных – 6.

Большие семьи характерны для купцов (у Я.А. Немчинова было 10 дочерей и сын, у М.Ф. Немчинова три сына и три дочери). У деда Я.А. Немчинова, Семена Ивановича, было пятеро детей (живых) по данным на 1792 г. В 1819 г. семья значительно разрослась за счет того, что сыновья Лаврентий, Василий, Андрей, образовав свои семьи, не вышли из родительского дома. У Андрея в это время было четверо детей. Дед Михаила Федоровича Немчинова, Никита Иванович, также имел 5 детей¹⁸⁰. По данным переписи населения 1897 г., у тарского городского головы Н.Н. Машинского было трое сыновей, впоследствии его семья увеличилась¹⁸¹. Ставший в 1911 г. купцом Яков Васильевич Орлов имел шестерых детей.

Дружить домами было принято как в купеческой, так и в мещанской среде. По словам К.Г. Кислицыной, с малых лет жившей при торговом доме К.В. Балыкова, воспитывавшейся вместе с детьми приказчика В.С. Глебова, в доме часто бывали гости. Бывали Орловы, Мещанские и другие купцы. Девочка обычно принимала у гостей одежду: у кого пальто, у кого шляпу и другие вещи. Те обычно давали деньги. Для гостей всегда был накрыт шикарный стол. По сведениям А.А. Новокшенова, приказчика магазина Н.В. Шанского, Шанские "умели принять гостей", но круг общения имели небольшой.

Выбор спутников жизни для тарской молодежи особой новизной не отличался – стремились "рубить сук по себе". Для менее состоятельных считалось большой удачей породниться с гильдейским

купцом. Но, как правило, больших неожиданностей не было. Можно проследить на отдельном примере, как переплетались два-три и большее купеческих рода. Так, все дочери кяхтинского миллионера Я.А. Немчинова вышли замуж за крупных предпринимателей-сибиряков. С ним породнились Корзухины, Осокины, Пахолковы, Котельниковы, Чернядевы (тоже объявившие в середине XIX в. себя "тарскими купцами"), Колыгины, Синецны, Пятковы... Муж Елизаветы Яковлевны Пятковой, Михаил Федорович, был братом второй супруги Ивана Ефримовича Щербакова, Натальи Федоровны. Жена другого Пяткова, Андрея Федоровича, была сестрой Ольги Васильевны Разумовской, мужа которой называли "племянником Немчинова"¹⁸².

Следует, говоря о традициях сибирского города, отметить традиции добрососедства, делового и бытового сотрудничества представителей разных национальностей и культур. В Таре на протяжении ее 400-летней истории не отмечено ни одного серьезного конфликта, возникшего на почве межнациональных отношений. Традиции эти укреплялись тарскими авторитетами – Нерпиными, Немчиновыми и передавались последующим поколениям – Балыкову, Носкову, Дееву и другим. "Тарские кяхтинцы" (Носковы, Немчиновы, Нерпины) жили на границе даже не двух, а нескольких культур: европейской, русской, китайской, монгольской, бурятской и других. Такого переплетения трудно отыскать в другом месте. В Кяхте бывали Пятковы, Айтыкин и, вероятно, другие купцы вместе с приказчиками, агентами, перевозчиками грузов. "Великий пир", о котором часто вспоминали помнившие открытие сиропитательного дома, собрал за одним столом 150 чел., русских и татар: "Гремел хор омских музыкантов... радушию не было конца... торжество окончилось в три часа ночи"¹⁸³.

На ул. Непринской, там, где была когда-то бухарская слобода, уживались выходцы из Средней Азии, сибирские татары, русские... Компаньоном А.И. Щербакова был Р.Н. Айтыкин, для Балыкова работали жители татарской д. Тимирки, выделявая до 100 шпал на душу в год. Создатель лесопромышленного товарищества Н.Я. Носков построил лесопилку в юртах Атакских, с нее и начинался нынешней Атакский леспромхоз. В доме купца В.М. Деева на Пятницкой хозяин прежде считал необходимым накормить, а потом вести деловые разговоры с приезжими татарами...¹⁸⁴.

Определяя роль тарского купечества в формировании городской культуры как ведущего, определяющего экономическое и культурное развитие города, да и Тарского Прииртышья в целом, автор считает абсолютно неприемлемыми ставить в один ряд всех представителей купеческого сословия. С одной стороны, купечество являясь элитарной

частью городского населения, играло не последнюю роль во всех сферах его жизни. Лучшие представители этого сословия, некогда составлявшие славу и богатство Тары, были, несомненно, незаурядными, яркими и энергичными личностями. С другой стороны, купечество Тары в разные периоды его истории было представлено людьми, часто совершенно непохожими друг на друга, в том числе такими, которые имели темное прошлое, только чисто меркантильные мотивы активной деятельности, часто лишенную какой-либо духовности личную жизнь, совершавших нравственно-уродливые поступки. Изучение жизни и убеждений купцов – "героев" и их антиподов, влияние тех и других на создание микросреды провинциального города – одна из перспективных задач науки.

Примечания

¹ *Кочедамов В.И.* Первые русские города Сибири. – М., 1978; *Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма).* – Новосибирск, 1978; *Сибирские города XVII – начала XX века.* – Новосибирск, 1981; *Резун Д.Я., Василевский Р.С.* Летопись сибирских городов. – Новосибирск, 1989 и др.

² *Памятники истории, культуры и градостроительства Сибири.* – Новосибирск, 1991; *Городская культура Сибири: история, памятники, люди.* – Новосибирск, 1994; *Кутриянов А.И.* Русский город в первой половине XIX века: Общественный быт и культура горожан Западной Сибири. – М., 1995; *Городская культура Сибири: история и современность.* – Омск, 1997 и др.

³ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М., 1991. – Т. 4. – С. 328; *Большая советская энциклопедия.* – М., 1976. – Т. 24. – Кн. 1. – Стб. 1586.

⁴ *Зябловский.* Новейшая география Российской империи. – М., 1814. – Ч. 3. – С. 73.

⁵ *Головачев П.М.* Сибирь. – М., 1912. – С. 127; *Головачев П.М.* Сибирь. – М., 1905. – С. 368.

⁶ *Кириллов В.В.* Тобольск. Очерк-путеводитель. – М., 1984. – С. 8.

⁷ *ТФ ГАТО.* Ф. 417. Оп. 1. Д. 516. Л. 3.

⁸ *Реклю Э.* Земля и Люди. Всеобщая география в 12 т., в 10 кн. – СПб., 1898. – Кн. 4. – Т. 6 и 7. – С. 660.

⁹ *ТФ ГАТО.* Ф. 417. Оп. 1. Д. 516. Л. 5.

¹⁰ *Экономическое состояние городских поселений Сибири.* – СПб., 1882. – С. 5; *Города России в 1910 г.* – СПб., 1914. – С. 1120–1121.

- ¹¹ *Экономическое состояние городских поселений Сибири.* – СПб., 1882. – С. 5; *Города России в 1904 г.* – СПб., 1906. – С. 03680371; *Города России в 1910 г.* – СПб., 1914. – С. 1022.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Экономическое состояние городских поселений Сибири.* – СПб., 1882. – С. 5; *Города России в 1910 г.* – СПб., 1914. – С. 1122.
- ¹⁴ *Кириллов В.В.* Указ. соч. – С. 187.
- ¹⁵ Там же. – С. 188.
- ¹⁶ *Города России в 1904 г.* – СПб., 1906. – С. 0370; *Города России в 1910 г.* – СПб., 1914. – С. 1023.
- ¹⁷ *ТФ ГАТО.* Ф. 417. Оп. 1. Д. 516. Л. 5.
- ¹⁸ *Города России в 1904 г.* – СПб., 1906. – С. 0370–0371; *Города России в 1910 г.* – СПб., 1914. – С. 1023.
- ¹⁹ *400 лет Тобольску: Сб. документов и материалов.* – Свердловск, 1987. – С. 78.
- ²⁰ Там же. – С. 75.
- ²¹ *ТФ ГАТО.* Ф. 1. Оп. 1. Д. 879. Л. 19–20; Д. 1078. Л. 192 об.
- ²² *Голодников К.* *Город Тобольск и его окрестности.* – Тобольск, 1877. – С. 32–35.
- ²³ Там же. – С. 34.
- ²⁴ *ТФ ГАТО.* Ф. 144. Оп. 1. Д. 6. Л. 4 об.
- ²⁵ *Кочедамов В.И.* Указ. соч. – С. 135.
- ²⁶ *ТФ ГАТО.* Ф. 417. Оп. 1. Д. 516. Л. 10 об.
- ²⁷ *Экономическое состояние городских поселений Сибири.* – СПб., 1882. – С. 6.
- ²⁸ *Города России в 1904 г.* – СПб., 1906. – С. 0374–0375; *Города России в 1910 г.* – СПб., 1914. – С. 1026–1027.
- ²⁹ *Кочедамов В.И.* Указ. соч. – С. 135.
- ³⁰ *ТФ ГАТО.* Ф. 1. Оп. 1. Д. 1061. Л. 191 об. – 192; Д. 1078. Л. 201 об. – 202; Ф. 417. Оп. 1. Д. 517. Л. 27–30.
- ³¹ *ТФ ГАТО.* Ф. 417. Оп. 1. Д. 517. Л. 22 об.
- ³² *Куприянов А.И.* Указ. соч. – С. 67.
- ³³ Там же. – С. 72.
- ³⁴ *Семенов П.* *Географо-статистический словарь Российской империи.* – СПб., 1885. – Т. 5. – С. 161; *Памятная книжка Тобольской губернии на 1912 високосный год.* – Тобольск, 1912. – С. 52–53.
- ³⁵ *ТФ ГАТО.* Ф. 1. Оп. 1. Д. 879. Л. 72 об.
- ³⁶ *ТФ ГАТО.* Ф. 170. Оп. 1. Д. 2. Л. 26–26 об.
- ³⁷ Там же. Д. 76. Л. 9.
- ³⁸ Там же. Д. 85. Л. 10–11.
- ³⁹ Там же. Ф. 479. Оп. 2. Д. 26. Л. 8–9 об.

- ⁴⁰ ТФ ГАТО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 300. Л. 114–115.
- ⁴¹ Там же. Л. 85 об.
- ⁴² Куприянов А.И. Указ. соч. – С. 73.
- ⁴³ ТФ ГАТО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 449. Л. 1 об.
- ⁴⁴ Города России в 1904 г. – С. 1058.
- ⁴⁵ Веселкина В.В. История Тюменского края. – Свердловск, 1975. – С. 62–63, 104.
- ⁴⁶ См.: *Тобольские губернские ведомости*. – 1872. – Январь – июнь.
- ⁴⁷ Заварихин С.П. Указ. соч. – С. 187–188.
- ⁴⁸ Кочедамов В.И. Указ. соч. – С. 136.
- ⁴⁹ Там же. – С. 136.
- ⁵⁰ Веселкина В.В. Указ. соч. – С. 104.
- ⁵¹ ТФ ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 879. Л. 6 об.
- ⁵² Долгоруков В.А. Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России с подробным дорожником. – Томск, 1903–1904. – С. 156.
- ⁵³ ТФ ГАТО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 612. Л. 56.
- ⁵⁴ Куприянов А.И. Указ. соч. – С. 83.
- ⁵⁵ Города России в 1904 г. – С. 0396; Города России в 1910 г. – С. 1124.
- ⁵⁶ Цит. по: *400 лет Тобольску*. – С. 81.
- ⁵⁷ Голодников К. Указ. соч. – С. 111.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же. – С. 112.
- ⁶⁰ Там же. – С. 28.
- ⁶¹ *Экономическое состояние городских поселений Сибири*. – СПб., 1882. – С. 5; Города России в 1910 г. – С. 1120–1121.
- ⁶² Цит. по: Куприянов А.И. Указ. соч. – С. 40.
- ⁶³ *Обзор Тобольской губернии за 1911 год*. – Тобольск, 1913. – С. 40.
- ⁶⁴ *Тобольские губернские ведомости*. – 1872. – 20 мая.
- ⁶⁵ ТФ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 5. Л. 2 об.
- ⁶⁶ ТФ ГАТО. Ф. 530. Оп. 1. Д. 12. Л. 2 об. – 3.
- ⁶⁷ Кочедамов В.И. Указ. соч. – С. 18.
- ⁶⁸ *Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.* – Т. 81. – С. 1.
- ⁶⁹ Долгоруков В.А. Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России. – Томск, 1895. – С. 8.
- ⁷⁰ Семенов П.П. Географо-статистический словарь Российской империи. – СПб., 1867. – Т. 3. – С. 642.

- ⁷¹ *Словцов И.Я.* Материалы по истории и статистике Омска, извлеченные из однодневной переписи 1877 года. – Омск, 1880. – Ч. 1. – С. 25.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ *Города России в 1904 г.* – СПб., 1906. – С. 0310–0312; *Города России в 1910 г.* – СПб., 1914. – С. 1090–1092.
- ⁷⁴ *Вейнберг Л.* Омск // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1897. – Т. XXI-А. – С. 838.
- ⁷⁵ *Шухов И.* Картины старого Омска // Омский альманах. – Омск, 1945. – Кн. 5. – С. 83.
- ⁷⁶ *Словцов И.Я.* Указ. соч. – С. 25.
- ⁷⁷ *Журавлев М.П.* Омск вчера, сегодня, завтра. – Омск, 1993. – С. 78.
- ⁷⁸ *Коновалов И.А.* Состояние городского хозяйства Омска в конце XIX – начале XX вв. // Страницы исторического прошлого Омска (XIX – начало XX вв.). – Омск, 1994. – С. 36.
- ⁷⁹ *Журавлев М.П.* Указ. соч. – С. 33.
- ⁸⁰ Там же. – С. 34; *Города России в 1904 г.* – С. 0313; *Города России в 1910 г.* – С. 1093.
- ⁸¹ *Города России в 1904 г.* – С. 0313–0317; *Города России в 1910 г.* – С. 1093–1096.
- ⁸² *Города России в 1904 г.* – С. 1104–1105; *Города России в 1910 г.* – С. 1104–1105.
- ⁸³ *Клячкин В.Е.* Естественное движение населения г. Омска по параллельным данным за 1913, 1916, 1923–1926 гг. – Омск, 1928. – С. 6.
- ⁸⁴ *Города России в 1904 г.* – С. 1104–1105; *Города России в 1910 г.* – С. 1104–1105.
- ⁸⁵ *Голощубин И.* Справочная книга Омской епархии. – Омск, 1914. – С. 14.
- ⁸⁶ *Сибирские вопросы.* – СПб., 1911. – № 47–49. – С. 14.
- ⁸⁷ *Турчанинов Н.В.* Города Азиатской России // Азиатская Россия. – СПб., 1914. – Т. 1. – С. 344–345.
- ⁸⁸ *Сибирские записки.* – 1916. – № 2.
- ⁸⁹ *Телешов Н.Д.* За Уралом // Русское обозрение. – 1896. – № 6. – С. 146.
- ⁹⁰ *Оглы Б.И.* Указ. соч. – С. 63.
- ⁹¹ *Сигутов П.Т.* Указ. соч. – С. 31, 33.
- ⁹² *Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.* – Т. 81. – С. 24–27.
- ⁹³ *Сигутов П.Т.* Указ. соч. – С. 39.
- ⁹⁴ *Сигутов П.Т.* Указ. соч. – С. 36.

- ⁹⁵ *Первая всеобщая перепись населения...* – Т. 81. – С. 84–85.
- ⁹⁶ *Сигутов П.Т.* Указ. соч.
- ⁹⁷ *Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге.* 1900. – СПб., 1900. – С. 217; *Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге.* 1916. – Пг., 1916. – С. 345.
- ⁹⁸ *Сигутов П.Т.* Указ. соч. – С. 37.
- ⁹⁹ *Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге.* 1916. – С. 345.
- ¹⁰⁰ *Сигутов П.Т.* Указ. соч. – С. 37.
- ¹⁰¹ *Первая всеобщая перепись населения ...* – Т. 81. – С. 84–85.
- ¹⁰² *Сабурова Т.А.* Интеллигенция Омска на рубеже XIX–XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 1995. – С. 14.
- ¹⁰³ *Майский И.* Перед бурей. – М., 1945. – С. 42–44.
- ¹⁰⁴ *Иванов Н.А.* От издателя // *Весь Омск. Справочник-указатель на 1911 год.* – Омск, 1911. – С. 1.
- ¹⁰⁵ *Сигутов П.Т.* Указ. соч. – С. 39.
- ¹⁰⁶ *Первая всеобщая перепись населения...* – Т. 81. – С. 36–41.
- ¹⁰⁷ *Турчанинов Н.В.* Города Азиатской России // *Азиатская Россия.* – Т. 1. – С. 345.
- ¹⁰⁸ *Города России в 1904 году.* – С. 0340–0341; *Города России в 1910 году.* – С. 1128–1129.
- ¹⁰⁹ *ГАОО.* Ф. 30. Оп. 1. Д. 25. Л. 401–402, 408.
- ¹¹⁰ *Седельников А.Н.* Акмолинская область. Учебник родиноведения для школ Западно-Сибирского учебного округа. – Омск, 1916. – С. 54–55; *Пугачева Н.М.* Учебные заведения Омска // *Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М.* Указ. соч. – С. 273.
- ¹¹¹ *Юрцовский Н.С.* Очерки по истории просвещения в Сибири. – Новониколаевск, 1923. – Вып. I (1703–1917). – С. 219–220.
- ¹¹² *Ландау С.Г.* Из истории драматического театра в Омске (1765–1946 гг.). – Омск, 1950. – С. 32–33.
- ¹¹³ *Ландау С.Г.* Указ. соч. – С. 35–38.
- ¹¹⁴ *Омский телеграф.* – 1910. – 16 ноября.
- ¹¹⁵ *ГА РФ.* Ф. 102. Оп. 260. Д. 304. Л. 160 об.
- ¹¹⁶ *Ландау С.Г.* Указ. соч. – С. 44.
- ¹¹⁷ *Омский телеграф.* – 1910. – 8 октября; 16 ноября.
- ¹¹⁸ *Омский телеграф.* – 1910. – 24 августа.
- ¹¹⁹ *Быкова А.Г.* Кинотеатры как составная часть в системе культурной инфраструктуры города (начало XX в.) // *Вестник Омского университета.* 1996. – Омск, 1996. – № 3. Спец. вып. – С. 56.
- ¹²⁰ *Омский телеграф.* – 1910. – 29 сентября; *Быкова А.Г.* Указ. соч. – С. 56.

- ¹²¹ Омский телеграф. – 1910. – 3 октября.
- ¹²² Омский телеграф. – 1910. – 26 августа.
- ¹²³ Омский телеграф. – 1910. – 10, 28 сентября.
- ¹²⁴ Семенов В.Ф. Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского отдела государственного Русского географического общества. – Омск, 1927. – С. 68; Сорокин А.П. Научные и культурно-просветительные общества Омска в конце XIX – начале XX вв. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 1994. – № 3. – С. 122.
- ¹²⁵ Хребтова Е.Г. Книжная сокровищница Омска. – Омск, 1958. – С. 4–7.
- ¹²⁶ Города России в 1910 году. – С. 1124–1127; Смирнов Е.М., Смирнова Е.М. Библиотеки учебных заведений Омска в 1900–1916 гг. // Урбанизация и культурная жизнь Сибири. – Омск, 1995. – С. 157–158.
- ¹²⁷ Города России в 1910 году. – С. 1124–1127.
- ¹²⁸ Колосков В. Книжная статистика дореволюционного и советского Омска // Омская область. – Омск, 1940. – № 10. – С. 61.
- ¹²⁹ Путеводитель по Великой сибирской железной дороге. 1916. – С. 347.
- ¹³⁰ Воробьев В.В. Периодическая печать Омска (1907–1914 гг.) // Страницы исторического прошлого Омска (XIX – начало XX вв.). – С. 100–101.
- ¹³¹ 1000 знаменательных событий из истории Омска. 1716–1996. – С. 92, 98, 102.
- ¹³² РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1914 г. Д. 2. Л. 642.
- ¹³³ Путеводитель по Великой сибирской железной дороге. 1900. – С. 215–216; Путеводитель по Великой сибирской железной дороге. 1916. – С. 343–344.
- ¹³⁴ Сорокин А.П. Указ. соч. – С. 121–125.
- ¹³⁵ Первая всеобщая перепись населения... – Т. 81. – С. 2–3.
- ¹³⁶ Города России в 1910 г. – С. 1120–1121.
- ¹³⁷ Огуцова Н.В. Система православной религиозной информации на территории Омского Прииртышья в конце XIX – начале XX века // Вестник Омского университета. – Омск, 1999. – Вып. 3. – С. 102–105.
- ¹³⁸ Омские епархиальные ведомости. – 1915. – № 1. – С. 18.
- ¹³⁹ Куприянов А.И. Указ. соч. – С. 88.
- ¹⁴⁰ См.: Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы. – СПб., 1999. – С. 10–20.
- ¹⁴¹ Статистика Российской империи. – СПб., 1890. – Т. XIII: Проституция по данным 1.08. 1889 г. – Прил. 1.

- ¹⁴² *Быкова А.Г.* Проституция в истории больших городов Западной Сибири 1880-е – 1914 гг. (По материалам Омска и Томска): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 1999. – С. 18.
- ¹⁴³ *Шухов И.* Указ. соч. – С. 84.
- ¹⁴⁴ Там же.
- ¹⁴⁵ *Рабинович М.Г.* Очерки этнографии русского феодального города. – М., 1978. – С. 163–166.
- ¹⁴⁶ *Горбунов Б.В.* Традиции народных кулачных боев в Петербурге // Этнография Петербурга – Ленинграда: Материалы ежегод. науч. чтений. – СПб., 1994. – Вып. 3. – С. 27–32.
- ¹⁴⁷ *Евсеев Е.Н.* Тара в свои первые два столетия // Сибирские города XVII – начала XX вв. – Новосибирск, 1981. – С. 78–109.
- ¹⁴⁸ *Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год.* – Тобольск, 1864. – С. 109.
- ¹⁴⁹ *Птицын В.В.* Селенгинская Даурия. – СПб., 1896. – С. 288.
- ¹⁵⁰ *Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год.* – С. 328.
- ¹⁵¹ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 35. Д. 1122. Л. 94–94 об.
- ¹⁵² Воспоминания *А.П. Князькиной*, 1908 г. р., почетного жителя г. Тара.
- ¹⁵³ Воспоминания *А.Ф. Кириченко*, 1893 г. р., и *В.А. Макаровой*, 1900 г. р.
- ¹⁵⁴ *Тарская мозаика.* – Омск, 1994. – С. 124–125.
- ¹⁵⁵ *Таре 400 лет: Материалы науч.-практ. конфер.* – Омск, 1994. – Ч. 1. – С. 120.
- ¹⁵⁶ ТФ ГАТО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 37. Л. 2.
- ¹⁵⁷ *Бабыкин А.М.*, 1910 г. р., сын *М.А. Бабыкина*, тарского ломовщика.
- ¹⁵⁸ *Назаренко Е.С.*, 1913 г. р., дочь кузнеца *С.И. Бизяева*.
- ¹⁵⁹ *Степной край.* – Омск, 1894. – № 26.
- ¹⁶⁰ По воспоминаниям *А.М. Бабыкина*.
- ¹⁶¹ *Шабалина Н.И.*, племянница *П.Г. Ревягина*.
- ¹⁶² *Новокионов А.А.*, 1899 г. р., бывший приказчик магазина купца *Н.В. Шанского*.
- ¹⁶³ РФ БТМ. Обывательская книга г. Тары на 1819–1821 гг. Л. 39–40, 45–45 об.
- ¹⁶⁴ Там же. Л. 57–57 об.
- ¹⁶⁵ См. сн. 162.
- ¹⁶⁶ Там же.
- ¹⁶⁷ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 938. Л. 160.
- ¹⁶⁸ Там же. Л. 159.

- ¹⁶⁹ *Линчевская Н.Г.* В уездном благочинии // Тарская мозаика. – С. 76.
- ¹⁷⁰ *Тобольские губернские ведомости.* – 1864. – № 4.
- ¹⁷¹ Там же. – № 34.
- ¹⁷² *ТФ ГАОО.* Ф. 7. Оп. 1. Д. 5. Л. 5, 8, 10, 15–17.
- ¹⁷³ *Линчевская Н.Г.* Указ. соч. – С. 71.
- ¹⁷⁴ *Степной край [Омск].* – 1894. – № 26.
- ¹⁷⁵ *Отчет* Тарской городской общественной библиотеки за 1892, 1893, 1894 гг. – Томск, 1895.
- ¹⁷⁶ *Жиров А.А.* Бумага Алексея Щербакова // Тарское Прииртышье [Тара]. – 1994. – №№ 95–108.
- ¹⁷⁷ *Сибирская торговая газета.* – 1897. – № 75.
- ¹⁷⁸ *Тарская мозаика.* – С. 23.
- ¹⁷⁹ Там же.
- ¹⁸⁰ *РФ БТМ.* Обывательская книга г. Тары на 1792–1794 гг. Ч. 3. Л. 114 об. – 115; Обывательская книга г. Тары на 1819–1821 гг. Ч. 3. Л. 119–119 об.
- ¹⁸¹ *ГАОО.* Ф. 1617. Оп. 1. Д. 319. Л. 7.
- ¹⁸² *Кириченко А.Ф., Бизяева О.Т., Бизяева З.Т.*
- ¹⁸³ *Степной край [Омск].* – 1894. – № 26.
- ¹⁸⁴ *Сборник* статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. – СПб., 1912. – Т. 1. Вып. 1. – С. 69.

Заключение

В завершение следует отметить, что все представленные в этой книге очерки, несмотря на кажущуюся раздробленность сюжетов, посвящены осмыслению особенностей культуры русских сибиряков. Несомненной представляется всему авторскому коллективу общерусская основа народной культуры русских Западной Сибири. Своеобразие культуры русских сибиряков-старожилов становится особенно отчетливо различным при сравнении ее с традициями более поздних переселенцев из Европейской России, потомки которых и по сей день сохраняют отдельные черты традиционной культуры мест выхода.

В изучаемый период русские города Западной Сибири превращаются в крупные культурные центры. Культурная жизнь сибирских городов в эти годы заметно изменилась. Если центральным объектом инфраструктуры культуры предшествующей эпохи была церковь с сопутствующими ей учреждениями, то во второй половине XIX в. она начинает постепенно отступать на второй план. Центрами культуры становятся учебные заведения, библиотеки, клубные учреждения, театры, музеи, редакции газет. Культурная жизнь сибирского города в начале XX в. уже опиралась на целую систему учреждений культуры светского характера и на самостоятельность инновационных групп различного социального слоя населения (интеллигенции, купцов и предпринимателей, военных и пр.). Городское хозяйство под влиянием научно-технического прогресса начинает приобретать новые черты.

Однако, несмотря на то что модернизационные процессы уже в самом начале XX в. вызвали серьезный рост культурных потребностей городского населения и изменения в социально-культурном облике городов, изучение культурной жизни городов Западной Сибири дает нам возможность лишний раз убедиться в наличии ее генетических связей с общерусским культурным процессом.

Историческим содержанием изучаемого периода является постепенный переход от традиционных "сельских" форм организации культуры к преимущественному распространению "городских" форм ее организации. Внешними признаками проявлений этого процесса служит резкое увеличение численности городов и городского населения (урбанизация в традиционном понимании), революционная смена в результате промышленной революции технических, технологических и технико-организационных основ общества, переход от преимущественно ручного индивидуального к коллективному машинному способу организации труда и жизнедеятельности (индустриализация).

Город сохранял в эти годы, впрочем как и прежде, многие черты сельского традиционного быта: домашний скот, огороды, сады. Деревня и традиционная культура все еще преобладали, как и прежде, над городом и формирующимся инновационным фондом. Однако в эти годы как в целом в России, так и в Сибири формируются крупные инновационные центры формирования урбанистической культуры (Омск, Томск, Иркутск), которые становятся лидерами в оформлении новых элементов культуры. Быстро растущая сеть народного просвещения и рост общественной самодеятельности приводят к значительному расширению слоя инноваторов и субъектов социокультурной деятельности. Скачкообразный рост элементов и организационных форм "новой культуры" в России, их конфликт с элементами и формами предшествующего социокультурного развития приводит в начале XX в. к целой серии экономических реформ и революций. Но это уже сюжет другого научного исследования.

Список иллюстраций

Раздел II

К очерку 4

Рис. 1. Традиционная одежда – сарафан и рубаха. Из фондов Омского государственного историко-краеведческого музея. ОМК 2538, ОМК 2304.

Рис. 2. Традиционная одежда – рубаха и чембары. Из фондов Омского государственного историко-краеведческого музея. ОМК 3173, ОМК 2669.

Рис. 3. Предметы "городского" костюма – юбка и кофта. Юбка из фондов Омского государственного историко-краеведческого музея. ОМК 7844/1; кофта из фондов Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. ТМ 17468.

Рис. 4. Предметы "городского" костюма – брюки, "круглая" мужская рубаха. Брюки из фондов Новосибирского государственного краеведческого музея. НОКМ 2538; "круглая" мужская рубаха из фондов Омского государственного историко-краеведческого музея. ОМК 7082/16.

Рис. 5. Шамшура и наколка. Из фондов Омского государственного историко-краеведческого музея. ОМК 2534, ОМК 2394.

Рис. 6. Одежда в подчеркнута русском стиле. Из фондов Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. ТМ 12307, 12308.

К очерку 6

Фото 1. Катание с горок на Новый год в г. Калачинске Омской области (фото М.А. Жигуновой). Из личного архива автора.

Фото 2. Крестный ход на Пасху из Никольского собора г. Омска (фото Т.Н. Золотовой). Из личного архива автора.

Фото 3. Сжигание чучела Масленицы (фото Т.Н. Золотовой). Из личного архива автора.

Фото 4. Угощение "козульками" в детском саду г. Калачинска Омской области (фото М.А. Жигуновой). Из личного архива автора.

Раздел III

К очерку 1

Фото 1. Вид на нагорную часть Тобольска. Открытка начала XX в.

Фото 2. Общий вид Тобольска. Открытка начала XX в.

Фото 3. Тобольск. Большая Пятницкая ул. Открытка начала XX в.

Фото 4. Тобольск. Народный дом. Открытка начала XX в.

Фото 5. Тобольск. Электротheater "Модерн". Открытка начала XX в.

К очерку 2

Фото 1. Омск. Вид на город с правого берега Оми. Начало XX в. Из фондов Омского государственного историко-краеведческого музея.

Фото 2. Омск. Общий вид юго-западной части города. Начало XX в. Из фондов Омского государственного историко-краеведческого музея.

Фото 3. Омск. Любинский проспект. Начало XX в. Из фондов Омского государственного историко-краеведческого музея.

К очерку 3

Фото 1. Подгорная часть Тары над рекой Аркаркой. Начало 1990-х гг. Фото С. Мальгавко // Города, поселки, села Омской области: Комплект открыток. – Омск, 1994. – Вып. 1. Тара.

Фото 2. Бывший дом торговца С.Я. Носкова. Современный центр Тары. Начало 1990-х гг. Фото С. Мальгавко // Города, поселки, села Омской области: Комплект открыток. – Омск, 1994. – Вып. 1. Тара.

Фото 3. Дом А.И. Щербакова. 1911 г. Открытка начала XX в.

Фото 4. Сиропитательный дом Я.А. Немчинова. 1994 г. Фото С. Мальгавко // Города, поселки, села Омской области: Комплект открыток. – Омск, 1994. – Вып. 1. Тара.

Рис. 1–2. Украшения водосточных труб работы жестищика М.В. Ванштейна. Рисунок из личного архива А.А. Жирова.

Рис. 3. Балконные и лестничные решетки работы тарских кузнецов конца XIX – начала XX вв. Рисунок из личного архива А.А. Жирова.

Рис. 4. Двери внутренних комнат в домах Ф.И. Щербакова, Е.Я. Пятковой, А.В. Пятковой. Рисунок из личного архива А.А. Жирова.

Список сокращений

- ГАОО – Государственный архив Омской обл.
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ЗСО(И)РГО – Западно-Сибирский отдел (Императорского) Русского географического общества
МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Санкт-Петербург)
МСИЭЭ ОФ (ОИИФФ СО РАН; ОмГУ) – материалы Сибирской историко-этнографической экспедиции (Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской Академии наук; Омского государственного университета)
МЭЭ ОмГУ – материалы этнографической экспедиции Омского государственного университета
ОГПИ – Омский государственный педагогический институт
ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет
ОмГУ – Омский государственный университет
РОНО – районный отдел народного образования
РФ БТМ – Рукописный фонд библиотеки Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
ТФ ГАОО – Тарский филиал Государственного архива Омской области
ТФ ГАТО – Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области
ФА ОмГПУ – фольклорный архив Омского государственного педагогического университета
ЦБК – Центральное бюро краеведения

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Раздел I. Опыт изучения русской культуры Сибири в отечественной и зарубежной историографии	
Очерк 1. Некоторые проблемы и перспективы изучения русской культуры в Сибири (<i>Н.А. Томилов, Д.А. Алисов, М.А. Жигунова</i>)	7
Очерк 2. Ф. Кокен о проблемах миграций и адаптации крестьянского населения в Западной Сибири в XIX в. (<i>О.Н. Шелегина</i>)	19
Очерк 3. Изучение этнографии русских Среднего Прииртышья местными исследователями (<i>М.Л. Бережнова</i>)	30
Раздел II. Традиционная культура русских сибиряков	
Очерк 1. Рассказы о переселении (<i>А.Ю. Майничева</i>)	64
Очерк 2. Предания и легенды русских сибиряков (<i>И.К. Феоктистова</i>)	74
Очерк 3. Традиции строительного дела, верования и обрядность русских старожилов Приобья в конце XIX – начале XX вв. (<i>А.Ю. Майничева, А.А. Люцидарская</i>)	85
Очерк 4. Изменения в традиционном костюме русских юга Западно-Сибирской равнины в последней трети XIX – начале XX вв. (<i>М.Л. Бережнова</i>)	106
Очерк 5. Конопля, вши и змей-любовник (<i>Н.К. Козлова</i>)	125
Очерк 6. Современное состояние традиционных календарных обрядов у русских Среднего Прииртышья (<i>Т.Н. Золотова, М.А. Жигунова</i>)	141
Раздел III. Русские города Западной Сибири: социально-культурный облик и быт городского населения	
Очерк 1. Древняя столица русской Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. (<i>Д.А. Алисов</i>)	171
Очерк 2. Городская среда и культурная жизнь Омска в конце XIX – начале XX вв. (<i>Д.А. Алисов</i>)	187
Очерк 3. Роль купечества в формировании специфического уклада жизни провинциального сибирского города (<i>А.А. Жиров</i>)	209
Заключение	237
Список иллюстраций	239
Список сокращений	241

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА РУССКИХ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XIX–XX вв.

(Очерки истории и быта)

Редактор Л.В. Новоселова
Технические редакторы Е.М. Мишенина, В.В. Коваленко

Подписано в печать 16.09.03.	Формат 60×84/16.
Бумага офсетная.	Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,43.	Уч.-изд. л. 12,49.
Тираж 300 экз.	Заказ Дг.29-03-284.

Отпечатано в типографии ООО Издательский дом "Наука",
ул. Герцена, 158, тел. 24-58-84.